ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 1 (8)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

Регион номера: США и Канада

Латушко Ю.В. От редактора рубрики **5**

Анисимов В.Л. Роль администрации Восточной Сибири в развитии российско-американских отношений на территории Камчатки в середине XIX века **7**

Тихий К.Т. Проблемы формирования позитивного образа СССР в США в первой половине 1920-х гг. **21**

Латушко Ю.В. "Сирота" на троне **33**

Симоненко Е.С. Канадская политическая элита и англо-бурская война 1899 – 1902 гг. **45**

Культурные и идеологические факторы регионализации

Артемьева Н.Г. Корейские традиции в фортификации чжурчжэньских крепостей **56**

Багрин Е.А. Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке. (по материалам письменных источников) **63**

Политические отношения и управление регионом

Ахапкина Н.Г. Научно-техническая политика Республики Корея (1948 – 1987 гг.): Концентрация сил на приоритетных направлениях **77**

Мировая система и межрегиональные отношения

Ши Чуньян. "Пять точек на одной линии": стратегия провинции Ляонин в новой структуре открытости внешнему миру **86**

Емешкина М.С. Взаимодействие России и Китая в области научно-технического сотрудничества: к вопросу об историографии исследования **93**

Соловьёва Е.В. Российско-китайское культурное взаимодействие: к вопросу об историографии проблемы **99**

Аналитика

Журбей Е.В. Внешняя политика «перемен» Барака Обамы: ребрендинг или кардинальная перестройка? **107**

Прагматика

Биниконский Л.Б. Историческая наука в условиях рыночной экономики **123**

Владивосток
2009

Науковедение

Киреев А.А. К вопросу о состоянии регионоведческих исследований российского Дальнего Востока: результаты анкетного обследования **133**

Научные сообщения

Постников В.В. Крушение царского поезда 17 октября 1888 г. в восприятии дальневосточников (к вопросу о действии монархической идеологии в Российской империи в конце XIX в.) **141**

Научная жизнь

Литошенко Д.А. Terra incognita. Очерк седьмой. ИИФК ДВГУ: размышления после юбилея. Часть I. Историческая **145**

Кондратенко Г.В. "30 лет реформ в КНР. Опыт, проблемы, уроки" **151**

Сокращения **156**

Наши Авторы **157**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, В.Н. Караман, А.А. Киреев (ответственный редактор), Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, О.В. Лобода, О.И. Шестак.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Email: oikomene@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 1 (8)

Scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

Vladivostok
2009

Region of number: USA и Canada

Latushko Y.V. From the editor of a heading **5**

Anisimov V.L. The role of the administration of the Eastern Siberia in the development of the Russian-American relations in the Kamchatka area in the middle of the XIX century **7**

Tihij K.T. The problems of forming of the USSR positive image by the USA in the first part of the 1920 years **21**

Latushko Y.V. "Orphan" on a throne **33**

Simonenko E.S. The Canadian political society and English-Boer war in 1899-1902 ..... **45**

Cultural and ideological factors of regionalization

Artemieva N.G. The Korea's tradition of jurchin's fortification **56**

Bagrin E.A. Regional features of fire-arms usage in Siberia and the Far East in XVII century (according to the written sources) **63**

Political relations and management of region

Ahapkina O.A. Scientific and technical politics of the Korean republic (1948-1987). The concentration of forces on the priority directions **77**

World system and inter-regional relations

Shi Chunyang. "Five points, on the same line": Liaoning province strategy as a part of new structure of openings to the external world **86**

Emeshkina M.S. The cooperation of Russia and China in the field of scientific and technical collaboration in their historiography of the problem **93**

Solovieva E.V. The Russian – Chinese cultural nteraction: to a question on a historiography of a problem **99**

The analytics

Zhurbey E.V. Foreign policy of "changes" Barack Obama: rebrending or cardinal perestroyka? **107**

The pragmatics

Binikonskiy L. B. The historical science in the conditions of the market economy **123**

STUDY OF SCIENCE

Kireev A.A. To a question on a condition of regional researches of the Russian Far East: results of interrogation **133**

SCIENTIFIC MESSAGES

Postnikov V.V. Wreck of an imperial train on October, 17th, 1888 in perception of Russian Far East peoples (to a question on action of monarchic ideology in Russian empire in the end of XIX century) **141**

SCIENTIFIC LIFE

Litoshenko D.A. Terra incognita. Seventh sketch. IHFK FENU: reflexions after an anniversary. Part I. Historical. **145**

Kondratenko G.V. "30 years of reforms in the Peoples Republic of China. Experience, problems, lessons" **151**

REDUCTIONS **156**

OUR AUTHORS **157**

Editorial board:

T.G. Rimskaja (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij
A.N. Demyanenko, I.N. Zolotuhin, E.V. Zhurbey, V.N. Karaman,
A.A. Kireev (Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kojevnikov, A.M. Kuznetsov,
O.V. Loboda, O.I. Shestak.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Email: oikomene@rambler.ru

Electronic computer make up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

http://www.ojkum.ru/

От редактора рубрики

Настоящая рубрика номера задумывалась как тематическая. Главной ее целью было познакомить читателя с исследованиями дальневосточных ученых, посвященными США и Канаде. На самых первых этапах подготовки выпуска стало ясно, что выдержать узкую направленность не удастся, так как на то был целый ряд объективных причин. Американистов на Дальнем Востоке не так много и, как нам кажется, исследования в этой области разобщены не только с точки зрения тематики работ, но и в предметном плане[1]. В рубрике читатель найдет статьи близкие исследовательскому кругу отечественной истории, собственно всеобщей, а также этнологии и политической антропологии. Общим для всех работ остается регион, да, пожалуй, особый интерес к внешне- и внутриполитическим вопросам. Направленность эта, как нам кажется, во многом задается традицией восприятия Северной Америки как "заклятого друга" России. Исторически отношения нашей страны со странами региона были различны – от дружеских до конфронтационных, но заподозрить в ангажированности или конъюнктурности авторов работ выпуска можно в последнюю очередь. Сегодня необходимо констатировать, что интерес к самым разным аспектам американской истории существует, но также ясно, что многое в этом плане еще только предстоит сделать. Парадокс состоит в том, что мы очень плохо знаем историю своих североамериканских соседей. Смеем предположить, что здесь, на Дальнем Востоке России, многие, в том числе специалисты с базовым историческим образованием, испытывают затруднения в отношении понимания истории США и Канады даже в большей степени, чем истории Китая или Японии. Надеемся, что предлагаемая подборка статей станет скромным вкладом в дело развития американских исследований.

В рубрике представлены четыре работы ученых-американистов из Владивостока, Хабаровска и Уссурийска. Все они посвящены разным аспектам истории США и Канады. Открывает рубрику статья В.Л. Анисимова, посвященная исследованию роли восточносибирской администрации в развитии российско-американских отношений на Камчатке в середине XIX в. В 1857 г. Камчатку посетил первый официально назначенный Вашингтоном дипломат, который должен был защищать интересы американских граждан на Дальнем Востоке России, коммерческий агент Перри М. Коллинз. С этого времени торговые интересы США на Камчатке оказались представлены на уровне дипломатической службы. Главной проблемой для расширяющейся Российской империи были огромные логистические издержки, связанные с обеспечением самыми необходимыми товарами и ресурсами её отдалённых окраин. Камчатка, несмотря на свое полуостровное положение, в сущности, была труднодоступным островом. Опыт взаимодействия с американскими торговцами

[1] Подробный анализ современного состояния исследований на Дальнем Востоке по всеобщей истории в целом и по американистике в частности представлен в работе Д.В. Лихарева "Исследования на Дальнем Востоке в конце XX – начале XXI вв." // Россия и АТР. 2006. №2. С. 6-21.

http://www.ojkum.ru/

показал, что открытие регионального рынка для иностранной торговли не привел к его тотальной "американизации". С одной стороны, данная мера частично сняла проблему обеспечения местного населения сравнительно качественными и недорогими товарами в условиях удаленности от основных центров российского производства, а с другой способствовала перераспределению роли и функций местного купечества. Фактически оно превратилось в посредника между иностранным оптом и потребителем из отдаленных районов.

Проблеме внешнеполитического образа СССР в 20-е гг. прошлого столетия, и связанного с ним вопроса признания страны Соединёнными Штатами посвящена работа К.Т. Тихого. Автор справедливо отмечает недооценку советским руководством степени влияния американского общественного мнения на правительственные круги США в принятии соответствующего решения. В целом, в указанное время Советский Союз проводил крайне непоследовательную пропагандистскую политику, в том числе и ввиду несогласованности действий отдельных своих представителей в США. И только наступление мирового экономического кризиса и "Великой депрессии" смогло поколебать американскую точку зрения в вопросе установления полноценных дипломатических отношений с Советским Союзом. Отметим также, что исследовательская позиция автора статьи подкреплена серьезной источниковой базой – материалами архивов внешней политики России и конгресса США.

Самым молодым и отличным от остальных сорока девяти североамериканских штатов является "штат Алоха" или Гавайи. Данная территория некогда имела независимый политический статус, и кроме того, это единственная территория США, которая управлялась суверенной монархией. В статье Ю.В. Латушко рассматривается биография её основателя Камеамеа I. Автор попытался сопоставить известные исторические и фольклорные источники, содержащие информацию об этом выдающемся человеке. Кроме того, автор попытался оценить значение данной личности для истории и культуры гавайского народа, а также её роли в формировании современного мультикультурного гавайского общества. Данная работа может быть интересна как для историков, так и для антропологов.

Специальными работами, посвященными канадской истории нас не балуют не только дальневосточные исследователи, но и специалисты из центральной России. Тем отраднее, что нам удалось восполнить этот пробел. В статье Е.С. Симоненко рассматривается сюжет об участии канадских вооруженных сил в первой войне XX в. – англо-бурской. По справедливому замечанию исследователя, благодаря участию в ней, Канада получила определенный политический опыт. Южноафриканский конфликт показал, что зрелость канадской государственности достигла такой степени, когда участие в имперских войнах на стороне метрополии, вело автономию к утрате национального единства. Сентиментальное тяготение к Англии сохранялось, но канадское участие в войне было актом, посредством которого она добивалась самоутверждения как сильное национальное государство, дружественное, но отличное от британского. Опыт англо-канадских политических отношений оказался особенно востребованным в период крушения Британской империи и деколонизации.

Ю.В. Латушко

УДК 94(57:73)(571.66)

В.Л. Анисимов

Роль администрации Восточной Сибири в развитии российско-американских отношений на территории Камчатки в середине XIX века

The role of the administration of the Eastern Siberia in the development of the Russian-American relations in the Kamchatka area in the middle of the XIX century

В середине XIX в. восточносибирские власти понимали полезность для Камчатки беспошлинной американской торговли и делали все от них зависящее, чтобы стимулировать ее развитие. В результате, американская торговля в Петропавловском порту постоянно росла. Российские власти Восточной Сибири, основываясь на принципах гуманизма в международном праве, оказывали всё необходимое содействие лицам, которые нелегально оказались на Камчатке. Обоюдная заинтересованность и взаимные шаги навстречу друг другу в деле расширения взаимовыгодных отношений, в первую очередь торговых, на Камчатке способствовали укреплению дружественных межгосударственных отношений и взаимной симпатии народов двух стран.

Ключевые слова: *Восточная Сибирь, Камчатка, международная торговля, российско-американские отношения.*

◆

In the middle of the XIX century theEastern-Siberian powers understood the public benefit of the American free trade for Kamchatka and did everything to stimulate its development. As a result the American trade in the Petropavlovsk port grew gradually. The Russian powers of the Eastern Siberia did everything to cooperate with illegal persons in Kamchatka according to principles of humanism of the international low. Our common interests and our common actions in the developing of mutually beneficial relations promoted to the strengthening of these friendly international relations and sympathy between the countries.

Key words: *Eastern Siberia, Kamchatka, international trade, the Russian-American relations.*

Середина XIX в. занимает особое место в истории международных отношений на Дальнем Востоке. В это время усиливается активность западных держав в регионе, в результате чего насильственно "открываются" Цинская империя и Япония. Восстание тайпинов в Китае поставило под угрозу существование Цинской династии и целостность страны.

США, с присоединением Орегона и Калифорнии, становятся тихоокеанской державой, что вызвало усиление их торговой экспансии и военно-политической активности на Дальнем Востоке, чему способствовало и бурное экономическое развитие страны.

http://www.ojkum.ru/

В это же время Российская империя активизировала свою дальневосточную политику и, воспользовавшись благоприятными условиями, присоединила к себе Приамурье и Приморье. Российские военные корабли начинают регулярно появляться в дальневосточных морях. Её интересы начинают сталкиваться с интересами других западных держав, дело доходит до военных действий на Дальней Востоке с Великобританией и Францией в период Крымской войны, встаёт вопрос о возможном отторжении от России её дальневосточных и североамериканских владений. Совершенно иначе складываются её отношения с США, несмотря на наличие определённых противоречий между двумя державами. Россия была заинтересована в укреплении дружеских отношений с этой страной, в расширении российско-американской торговли. Соединённые Штаты имели свои интересы на Дальнем Востоке, которые они могли защитить успешно, опираясь на помощь Российской империи. Значительными были и экономические интересы американцев в регионе, составной частью которого была Камчатская область.

В отечественной литературе рассматривалась проблема американо-российских отношений на Дальнем Востоке в середине XIX в. **[1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 10; 13; 14; 15; 16]**, но не уделялось достаточного внимания исследованию роли восточносибирской администрации в развитии российско-американских отношений на Камчатке в середине XIX в. – в переломный для истории региона период.

14 декабря 1849 г. Николай I по предложению Сибирского комитета повелел образовать особую Камчатскую область. Военным губернатором новой административной единицы был назначен капитан I ранга В.С. Завойко. Традиционно, одним из наиболее важных вопросов руководителя Камчатки был вопрос обеспечения населения области всем необходимым для жизнедеятельности, особенно продовольствием.

Продовольствие для Камчатки заготовлялось по распоряжению Иркутского гражданского начальства в ноябре и декабре месяцах в хлебородных местах губернии. Оттуда на следующий год оно сплавлялось по Лене в мае – июне до Якутска, где и хранилось до апреля следующего года. С наступлением апреля продовольствие доставлялось пластовым путём якутами в Охотск, куда приходило не ранее июля. Из Охотска на Камчатку провиант перевозился на казённых судах. При таком порядке снабжения расходовались значительные средства на транспортировку продовольствия. Кроме того, из-за недостатка казённых транспортов и благоприятного для перевозки времени продовольствие очень часто не достигало Камчатки в нужном количестве, что вынуждало местное начальство покупать провиант у иностранных купцов по высоким ценам. При этом случались и крушения казённых судов с продовольствием, что наносило государству значительные убытки и грозило голодом жителям Камчатки. Расходы государства по содержанию Камчатки были значительными и достигали 500 тыс. рублей ежегодно (доход составлял 30 тыс. руб.) **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1277. Д. 12. Л. 184, 201)**.

Торговый оборот в Петропавловске был незначительным (до 40 тыс. руб. серебром ежегодно) и зависел от воли 2-3 иностранных купцов, которые неоднократно ставили область в очень тяжёлое положение своей необязательностью **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1277. Д. 12. Л. 174-175, 203, 204)**.

Всё это ставило руководство Камчатки, Восточной Сибири и правительство Российской империи перед необходимостью искать наиболее оптимальный, надёжный и дешёвый способ снабжения области.

В начале своей административной деятельности В.С. Завойко пришёл к выводу, что снабжение Камчатки продовольствием, в первую очередь мукой, более выгодно производить через американских купцов, в

частности, через фирму У. Бордмена, чем доставлять его из Иркутска: это обошлось бы государству дешевле и было бы более надёжным. В связи с этим он попросил у генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва, своего непосредственного начальника, разрешение заготовить у У. Бордмена 10 тыс. пудов муки **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1277. Д. 12. Л. 217 об.-218)**.

Летом 1850 г. доверенное лицо У. Бордмена И. Нокс предложил военному губернатору Камчатки В.С. Завойко доставить 1 тыс. пудов муки. Если бы российское правительство пожелало, то И. Нокс от имени У. Бордмена готов был заключить контракт на поставку любого количества муки. В.С. Завойко поддержал инициативу Нокса – Бордмена и просил разрешения у Муравьёва заготовить через американцев 10 тыс. пудов муки.

21 октября 1851 г. в Петропавловск пришёл корабль Бордмена "Нобл", привёзший более 2 тыс. пудов муки и 100 пудов пушечного пороха **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1277. Д. 12. Л. 332 – 333)**.

Но вскоре В.С. Завойко изменил свою точку зрения и попытался сделать ставку в деле снабжения области на камчатских купцов. В ноябре 1850 г. он сетовал Н. Н. Муравьёву, что, несмотря на данные правительством российскому купечеству привилегии, торговые обороты петропавловских купцов не только не выросли, но уменьшаются. В то же время, по его данным, иностранная беспошлинная торговля в Петропавловске не приносила существенной выгоды государственным служащим и обывателям Камчатки. К тому же, она сильно подрывала позиции местного купечества. Последнее несло огромные расходы на приобретение товаров через многочисленных посредников и доставку их из Иркутска. В связи с этим российские купцы не могли успешно конкурировать с иностранцами. Кроме того, иностранные торговые суда приходили в Петропавловск раньше российских – уже в апреле, когда у камчатских купцов все товары были распроданы за зиму, а новые не доставлены. Не встречая конкуренции, иностранные торговцы продавали привезённые товары по цене, которая превышала их стоимость на 400 %.

В.С. Завойко решил предпринять ряд мер, направленных на развитие торговли местного купечества и снижения цен на доставляемые товары. Если бы этот опыт оказался удачным, В.С. Завойко предполагал отказаться от беспошлинной иностранной торговли в Петропавловске, предоставив это право исключительно русским купцам **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1277. Д. 12. Л. 247-249)**.

Реализуя своё решение, В.С. Завойко уговорил камчатского купца Михаила Сахарова выписать товары и припасы из Петербурга или Кронштадта. Одновременно губернатор обратился через Н.Н. Муравьёва к руководству Российско-американской компании с просьбой доставить заказанные Сахаровым товары на Камчатку на компанейских судах, которые ежегодно отправлялись в Ново-Архангельск.

Н.Н. Муравьёв вошёл с просьбой В.С. Завойко в правление РАК о доставке товаров на Камчатку. Одновременно генерал-губернатор напомнил Завойко о необходимости законного покровительства, как русских, так и иностранных купцов. При этом он должен был строго следить, чтобы никто из них не установил монополию в торговле, как в Петропавловске, так и в Камчатской области. Одновременно Н.Н. Муравьёв резко отрицательно отнёсся к идее камчатского губернатора прекратить беспошлинную иностранную торговлю. Он высказался за её всемерное поощрение и распространение. Это было бы выгодно и государству и местным жителям. Всякое отклонение в пользу местного купечества было бы противозаконным и не отвечало бы интересам ни местного населения, ни правительства **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1277. Д. 12. Л. 259-260)**.

Главное правление РАК отказалось доставить товары М. Сахарову, как то просили сделать В.С. Завойко и Н.Н. Муравьёв, хотя казна получила бы от этого выгоду до 37 тыс. руб. сер., по мнению директора комиссарского департамента морского министерства Бровцына **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1277. Д. 12. Л. 267, 274)**. РАК не хотела своими руками создавать себе конкурента на Камчатке. Более того, Главное правление компании стремилось установить свою монополию на снабжение Камчатки.

В связи с отказом РАК удовлетворить просьбу восточносибирской администрации, вопрос о снабжении Камчатки был отдан на усмотрение генерал-губернатора Восточной Сибири. Н.Н. Муравьёв порекомендовал В.С. Завойко приобретать продовольствие через американских негоциантов и одновременно восстановить прежнюю заготовку хлеба из хлебородных мест Восточной Сибири. Адмиралтейский Совет морского министерства в январе 1854 г. предоставил право командиру Петропавловского порта, т. е. В.С. Завойко, покупать продовольствие у американских купцов **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1277. Д. 12. Л. 401)**.

Всё это заставило военного губернатора Камчатской области вернуться к исходной точки зрения – о полезности для Камчатки беспошлинной иностранной торговли. 19 мая 1853 г. в рапорте генерал-губернатору Н.Н. Муравьёву он ходатайствовал о продлении ещё на 10 лет беспошлинной иностранной торговли в Петропавловске. Он аргументировал свою просьбу тем, что русские купцы продавали товары по очень высоким ценам, разоряя тем самым петропавловцев **(РГИА ДВ. Ф. 84. Оп. 8. Д. 50. Л. 8 и об.)**.

В середине 50-х годов XIX в. Петропавловск уже имел двухгодичный запас провианта для морских чинов. Прогнозы правительства относительно ненадёжности отдавать дело снабжения Камчатки в руки какой-либо компании или иностранцу оправдались. В 1853 г. Правление РАК приняло решение доставить в Петропавловск в 1855 г. товары только в случае, если не будет разрыва отношений с Англией и Францией. К тому же, в связи с подорожанием муки, доставка её по прежним ценам была объявлена невозможной. В связи с этим, морское министерство оставило на усмотрение генерал-губернатора Восточной Сибири дело по обеспечению Камчатки продовольствием **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1277. Д. 12. Л. 391 – 392 об.)**.

Исходя из сложившейся обстановки, Н.Н. Муравьёв сообщил Николаю I, что не видит препятствий для закупки необходимого продовольствия у американцев. Одновременно он предупредил, что в случае начала военных действий с Англией и этот способ продовольствования Камчатки может оказаться несовершенным. Поэтому российским властям необходимо вернуться к прежнему способу снабжения Камчатки из хлебородных мест Восточной Сибири.

8 января 1854 г. Адмиралтейский Совет принял решение предоставить на усмотрение командира Петропавловского порта вопрос о приобретении провианта у американских купцов **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1277. Д. 12. Л. 398 и об., 401.)**.

По предложению российского поверенного в делах в Вашингтоне Э.А. Стекля и по совету российского вице-консула в Сан-Франциско П. Костромитинова, калифорнийский банкир и торговец Б. Сандерс в марте 1855 г. отправил на своём судне 100 тонн муки и значительное количество пороха, хотя по условиям военного времени в случае обнаружения англичанами или французами пороха американец мог потерять груз **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/ 1. К. 2. Д. 43. Л. 4 и об.)**. Этот груз благополучно достиг места назначения в период, когда российская сторона очень в нём нуждалась.

Осенью 1857 г. Камчатку посетил первый официально назначенный Вашингтоном дипломат, который должен был защищать интересы американских граждан на Дальнем Востоке России, коммерческий агент Перри М. Коллинз, энергичный предприниматель и политический деятель из Сан-Франциско. 23 сентября американский барк "Беринг", принадлежавший бостонской фирме "Бордмен энд К°", бросил якорь в бухте Петропавловска. Коллинза, плывшего на этом корабле из Николаевска в США, встретил губернатор Камчатки В.С. Завойко в сопровождении двух американцев – служащих фирмы "Бордмен и К°". 7 октября Коллинз покинул Авачинскую бухту и отправился на Гавайские острова. В понедельник 2 ноября он прибыл в Гонолулу.

В 1857 г. главные приморские города США были взволнованы слухами о том, что китобойным судам будет запрещено подходить к русским берегам Тихого океана. Это вынудило американское правительство обратиться с запросом в Петербург. Император Александр II затребовал ответ у Н.Н. Муравьева в чем причина этих слухов, а затем, по получении ответа от восточно-сибирского генерал-губернатора, успокоил американскую сторону в их необоснованности.

По свидетельству американского коммерческого агента П. Коллинза, в сентябре 1857 г. в Петропавловске действовало две американские ("Бордмен энд К°" и "Хантер энд Берлинг") и три российские торговых фирмы. Камчатка славилась, отмечал Коллинз, своими мехами соболей, горностая, черной и серебристо-серой лисицы, обильными рыбными промыслами. Люди очень гостеприимны, не очень склонны работать, а предпочитают охотиться и ловить рыбу **[17, p. 342-343]**.

Объем американской торговли на Камчатке наглядно отражают таблицы 1 и 2. Из таблицы 1 видно, что американская торговля в Петропавловском порту имела тенденцию к постоянному росту: в 1852 г. американцы продали товаров на сумму 17 363 руб. 74 коп. сер. (а с учетом продажи с аукциона в Петропавловске потерпевшего крушения китобойного судна "Джордж" и вещей, провизии и материалов, принадлежавших капитану этого судна, она составила 21 454 руб. 16 коп. сер.), в 1853 г. – 23 355 руб. сер., в 1854 г. – 40 350 руб. сер., в 1855 г. – 45 840 руб. 07 коп. сер., в 1856 г. – 50 350 руб. сер.

В 1853 г. доля американской торговли в общей торговли Петропавловского порта составила более 27% (объем всей торговли порта равнялся 86 406 руб. 10 коп. серебром, а американской 23 355 руб. сер). В 1856 г. объем американской торговли по сравнению с 1852 г. увеличился в 2,9 раза (в 2,3 раза, если не учитывать аукционные торги, связанные с потерпевшим кораблекрушение китобоем "Джордж") **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1308. Д. 515. Л. 2-3, 10, 11, 14, 16, 24, 27, 31, 43, 48, 55, 57, 64, 67-68, 73.)**.

Торговавшие в Петропавловске американцы Э. Дж. Хунд и Г. Булл написали жалобу на городничего (Петропавловского городового старосту купца Бушуева) Петропавловского порта о том, что он запрещает им производить в Петропавловске торговлю на иностранный вес и меру, что они делают уже много лет. Помощник капитана над портами Восточного океана капитан-лейтенант Свящкий 2-й приостановил это запрещение, основываясь на предписании военного губернатора Приморской области от 24 июля 1858 г. за №1327 и на том, что не имел законоположения на этот счет **(РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 503. Л. 1-2)**.

Любой иностранец мог торговать в Петропавловске товарами наравне с русскими купцами, но производить торговлю в округе иностранцам было запрещено (кроме Тигиля). Любой иностранец, желавший торговать в Петропавловске, был обязан взять на право торговли свидетельство по 1 гильдии и без этого документа не мог вести торговлю. Он

http://www.ojkum.ru/

http://www.oikum.ru/

Таблица 1
Деньги, внесенные американскими гражданами в Петропавловское окружное казначейство за товары, проданные в Петропавловском порту в 1852-1856 гг.

Фамилия	Должность	Судно	Фирма	Год	Сумма	Примечание
Марстон	командир	"Джордж" (китобойное судно)	-	1852	4 090 руб. 42 коп.	Вырученные деньги от продажи с аукциона потерпевшего крушение китобойного судна "Джордж" и личных вещей, провизии и материалов.
Джеймс Бедфорд	капитан	"Инкас Нобе"	-	1852	600 руб..	Продал китовый жир в казну и муку жителям порта.
Уильям Грин Матеус	командир	"Эмелин" (шхуна)	-	1852	3 617 руб. 24 коп..	Продал жителям порта товары и припасы.
Кашинг (Кушинг)	поверенные в делах фирмы	-	"Уильям Бордмен" (Бостон)	1852	13 146 руб. 24 коп.	Продажа товаров и припасов в Петропавловском порту.
Итого за 1852 год						*21 454 руб. 16 коп. серебром*
Смит	капитан	"Фабиус" (китобойное судно)	-	1853	1 855 руб..	Продал товары и припасы жителям Петропавловского порта.
Кашинг (Кушинг)	поверенные в делах фирмы	-	"Уильям Бордмен" (Бостон)	1853	13 500 руб..	Продажа товаров и припасов в Петропавловском порту.
Чест (Чейз?)	суперкарго	-	-	1853	8 000 руб..	Продажа товаров и припасов в Петропавловском порту.
Итого за 1853 год						*23 355 руб. серебром*
Чез (Чейз)	суперкарго	-	-	1854	40 345 руб. 2 коп..	Продажа товаров и припасов в Петропавловском порту.
Итого за 1854 год						*40 345 руб. 22 коп. серебром*

Таблица 1 (окончание)

Фамилия	Должность	Судно	Фирма	Год	Сумма	Примечание
Чез (Чейз)	суперкарго	-	-	1855	18 600 руб.	Продажа товаров и припасов в Петропавловском порту.
Кашинг (Кушинг)	поверенные в делах фирмы	-	"Уильям Бордмен" (Бостон)	1855	27 240 руб. 07 коп.	Продажа товаров и припасов в Петропавловском порту.
Итого за 1855 год						*45 840 руб. 07 коп. серебром*
Чез (Чейз)	суперкарго	-	-	1856	50 350 руб.	Продажа товаров и припасов в Петропавловском порту.
Итого за 1856 год						*50 350 руб. серебром*
Всего за 1852-1856 гг.						***181 344 руб. 45 коп. серебром***

Таблица составлена на основании: ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1308. Д. 515. Л. 2-3, 10, 11, 14, 16, 24, 27, 31, 43, 48, 55, 57, 64, 67-68, 73.

http://www.ojkum.ru/

http://www.oikum.ru/

Таблица 2
Иностранные коммерческие суда, приходившие в Петропавловский порт в течение 1857 г.

№ п/п	Название судна (название компании)	Тип судна	Шкипер	Откуда пришло	Для кого товар	Дата прибытия и убытия	Стоимость (в рублях) привезенных товаров
1.	Луис Перо	шхуна	Тейн	Сан-Франциско	Уильяма Берлина	22 апреля 5 мая	38 111 руб. 29 ½ коп.
2.	Беринг	барк	Мог	Бостон	Бордмена	6 мая 7 мая	37894 руб. 97 коп.
3.	Сан-Диего	шхуна	Крафтон	Гонконг	Мельхерса	24 мая 26 мая	41876 руб. 58 коп.
4.	Луис Перо ("Мильхерс и К°")	шхуна	Болен	Николаевск	Бурлин	8 августа 16 августа	3207 руб. 48 коп.
5.	Беринг	барк	Мог	Николаевск	Бордмена	17 сентября	-
6.	Луис Перо	шхуна	Тейн	Сан-Франциско	Бурлин	14 ноября	-
7.	Сан-Диего ("Мольнерс и К°")	шхуна	Крафтон	Гонолулу	Мельхерс	15 ноября	21187 руб. 47 коп.
8.	Луис Перо ("Мильхерс и К°")	шхуна	Болен	Сан-Франциско	-	22 ноября	47704 руб. 19 коп.
	Итого за год						***189 981 руб. 98 ½ коп.***

Таблица составлена на основании: РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 468. Л. 23, 26, 29 об.-34, 39 об.-40, 43-44, 47 об.

также должен был нести все повинности по городу наравне с русскими купцами **(РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 503. Л. 1-2 об.)**.

До 50-х гг. XIX в. основными российскими дальневосточными районами, куда направлялось основное количество американских судов, были Камчатка и Охотоморье. И именно здесь перед российскими местными властями впервые встала проблема дезертирства и отношения к ней, а также проблема потерпевших кораблекрушение и американской собственности, оказавшейся в результате этого на российской территории. Особенно обострилась она в 40-е годы, когда наблюдался наплыв американских китобоев в российские воды, и увеличилось число дезертиров. В связи с этим начальник Камчатки капитан I ранга Машин разработал "Правила для приходящих в Петропавловский порт иностранных коммерческих судов". Они были представлены государственному канцлеру (министру) иностранных дел графу Нессельроде, который их одобрил.

Правило 12 гласило, что если кто-нибудь из членов команды иностранного судна совершит побег и окажется в Петропавловском порту или ином месте Камчатки, то "таковой беглец будет употребляем в работы по распоряжении Начальника поста, с содержанием в тюрьме до прихода корабля той нации, к коей он принадлежит, применяясь к общим законам в Русской Империи существующим, именно 1705 ст. уложения о наказаниях уголовных и исправительных". Об этом капитаны судов должны были уведомить свои команды.

В 1848 г. эти Правила вступили в силу. 1 мая 1851 г. они были подтверждены и продлены Камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта В.С. Завойко **(РГИА ДВ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 6. Л. 32об. – 33, 61 об.)**. Но угроза тюремного заключения за дезертирство не испугала иностранцев, для которых родной корабль становился хуже тюрьмы. К тому же, российские власти практически не применяли такую меру наказания в отношении американских дезертиров.

В первой половине 50-х гг. XIX в. администрация Восточной Сибири обратилась с серией запросов по этому поводу в министерство иностранных дел. Последнее решило дать разъяснения по этому вопросу, что и было сделана в предписании товарища министра иностранных дел Толстого генерал-губернатору Восточной Сибири от 14 (2) мая 1857 г. В нём говорилось, что "российское прибрежное начальство не только в праве, но даже обязано, по долгу человеколюбия призревать иностранцев (матросов и дезертиров) тем более что многие из них появляются на побережье в следствии кораблекрушения, а таковым не следует отказывать в помощи". Из-за военной предосторожности предписывалось попавших в беду иностранцев отправлять домой не сухим путём через Сибирь, а из портов, устраивая их на заходящие сюда корабли. Чтобы уменьшить издержки на их содержание, предписывалось заставлять иностранцев зарабатывать, оказывая отчасти и помощь, давая работу по специальности. Обо всех подобных случаях восточносибирские власти должны ставить в известность МИД, как и о суммах, затраченных на содержание иностранцев. Министерство, со своей стороны, должно было взыскивать затраченные суммы с соответствующих правительств и возвращать их в государственное казначейство. Местным властям вменялось в обязанность предоставлять подробные сведения об иностранцах, оказавшихся в пределах российских владений на Тихом океане **(ГАИО. Ф.24. Оп. 11/1. К. 1644. Д. 53. Л. 15-16 об.)**.

В Петропавловске иностранцы-нелегалы проживали у частных лиц до 4 марта 1853 г., а затем трое из них были поставлены на довольствие к 46-му флотскому экипажу и от него все четверо получили обмундирование.

23 марта они были отправлены, по их просьбе, на корвете "Оливуца"

http://www.ojkum.ru/

на Гавайские острова. Командиру корвета капитан-лейтенанту Назимову Камчатским военным губернатором капитаном I ранга В.С. Завойко было предписано сдать их по прибытию в Гонолулу американскому консулу. 26 мая 1853 г. Назимов сдал англичанина Ф. Меглаина английскому генеральному консулу, а троих американцев – американскому консулу. Общие расходы на их содержание и отправку в Гонолулу составила 284 руб. 86 1/4 коп. О чём 26 октября 1853 года председательствующий в Совете Главного управления Восточной Сибири генерал-майор К.К. Венцель и донёс управляющему МИД[1] **(ГАИО. Ф.24. Оп.11/1. К.1643. Д.22. Л. 8-9)**, в соответствии с установленным правительством порядком. Через Петропавловск на родину отправлялись американцы, нелегально оказавшиеся на территории российского тихоокеанского побережья: Аяна, Охотска, Удского острога и др.

18 ноября 1859 г. Н.Н. Муравьев-Амурский сообщил военному губернатору Приморской области Казакевичу, что признает нужным завести с чукчами морскую торговлю и просил привести в исполнение предложение, изложенное Казакевичем в донесении от 15 мая 1857 г., о посылке ежегодно военного судна в Охотское и Камчатское моря для наблюдения за сношениями иностранных китобоев с туземцами **(РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 498. Л. 1-2)**.

Начавшаяся Крымская война поставила Россию в сложное положение. Она столкнулась с коалицией европейских держав. Тихоокеанские владения Российской империи оказались практически беззащитными перед возможной атакой англо-французского флота. В этих условиях особое значение для Петербурга приобретает позиция Вашингтона. В США с симпатией относились к России и поддерживали ее в борьбе с сильным противником. Одним из проявлений этого стало предложение госсекретаря У.Л. Марси поверенному в делах России в США Э.А. Стеклю заключить морскую конвенцию о нейтралитете, сделанное в апреле 1854 г. Она должна была включить два положения: 1) флаг покрывает товар, т.е. находящиеся на нейтральном судне товары граждан воюющих сторон не подлежали конфискации; 2) собственность нейтральной страны и ее граждан на борту корабля воюющей стороны освобождалась от конфискации (за исключением военной контрабанды). Марси рассчитывал, что эта конвенция получит поддержку многих государств, и ее положения станут принципами международного права **[11, с. 349-350; 12, с.339]**.

Петербург сразу выразил согласие заключить подобную конвенцию, т.к. это давало России возможность избежать блокады и получить возможность получать необходимые товары, используя суда нейтральных государств, в том числе США. Э.А. Стеклю были даны соответствующие полномочия. 26 мая К.В. Нессельроде отправил Э.А. Стеклю российский проект морской конвенции **(АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 57. Л. 222-225, 213-214)**.

10 июля 1854 г. Стекль и Марси подписали конвенцию о морском нейтралитете. Статья I конвенции предусматривала, "1, что "флаг покрывает товар" (that free ships makes free goods), то есть что вещи или товары, принадлежащие подданным или гражданам воюющего Государства, не подлежат захвату или конфискации на неутральных судах; за исключением предметов, считаемых военною контрабандою; 2, что неутральная собственность, находящаяся на неприятельских судах, не подлежит конфискации, если она не составляет военной контрабанды". США и Россия обязались применять эти положения к торговле и море-

[1] Написание иностранных имён и названия кораблей в большинстве случаев даны по архивным документам, как их писали в XIX в. Лишь некоторые имена, если приводятся их английские варианты, даны в современном написании.

плаванию всех тех держав, которые признают эти положения. В статье III отмечалось, что все государства, признавшие принципы, изложенные в статье I, и взявшие на себя обязательство соблюдать их, будут пользоваться правами, проистекавшими от такого признания. 3 сентября 1854 г. Николай I ратифицировал конвенцию **(РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 629. Л. 1-3 об.)**.

Именно американцы в марте 1854 г. предупредили российские власти на Дальнем Востоке, что летом англо-французский флот нападет на Петропавловский порт **[8, с. 575]**. 16 июля 1854 г. В.С. Завойко получил письмо от российского генконсула в Гонолулу Д. Грегга от 14 июня, в котором он препроводил письмо от министра иностранных дел Королевства Гавайских островов американского гражданина Уилмса от 12 июне. Р.С. Уилмс сообщал об объявлении Англией и Францией войны России и о нейтралитете Гаваев а также информировал о блокировании русских портов на Тихом океане **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/1. Д. 33. Л. 1 и об., 6 и об., 7 – 9 об.) [9, с. 175]**.

Объявление войны России Англией и Францией вызвало большой интерес калифорнийцев к географическому положению и естественным богатствам Русской Америки, тихоокеанскому побережью Сибири и Камчатки. Американцы были сочувственно настроены по отношению к русским **(АВПРИ. Ф. Генконсульства в Сан-Франциско. Оп. 1. (1852 г.). Д. 161.. Л. 17 и об.)**. Как и ожидал Стекль, в Калифорнии нашлись и желающие стать российскими корсарами на Тихом океане **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/1. К. 2. Д. 43. Л. 1 и об., 5 об.; АВПРИ. Ф. Генконсульство в Сан-Франциско. Оп. 1 (1855 г.). Д. 268. Л. 20)**.

Англичане и французы во время боевых действий против Петропавловского порта пытались использовать американцев в качестве проводников в тыл обороны русских. Так, 19 августа 1854 г. во время похорон адмирала Прайса англичане захватили в Тарьинской губе двух американцев с американского судна, стоявшего в Петропавловске. Это были беглые матросы с американского китобойного судна, которые были приняты в команду клипера "Св. Магдалина". Они были посланы шкипером рубить дрова. Из "сочувствия к своей расе" они взялись показать англичанам тропинку, которая помогла бы овладеть портом. Их привели на фрегат "Пайк". Американцы рассказали Никольсону, принявшему командование союзной эскадрой после смерти Прайса, что дорога в город прекрасная и широкая, что над позицией русских войск господствует гора, которой легко овладеть. На основании этих показаний Никольсон принял решение атаковать город, несмотря на возражения французского адмирала Депуанта, который заявил, что американцы давно из Петропавловска и не знают, какие укрепления возведены русскими **[9, с. 81-82, 143-144, 159]**. Около 8 часов утра 24 августа 1854 г. англо-французский десант решил воспользоваться этими сведениями, но был отбит.

Оставляя весной 1855 г. командиром Петропавловского порта адъютанта Н.Н. Муравьева есаула Мартынова, военный губернатор Камчатки В.С. Завойко в инструкции ему предложил использовать противоречия, существовавшие между американцами и англичанами. Он рекомендовал уговорить американцев, чтобы они сообщили англичанам и французам, что все русские войска и жители ушли вглубь Камчатки и там ожидают неприятеля; а также было необходимо, чтобы американцы распространили слух о том, что все русские суда были выведены в устье р. Анадырь **[9, с. 231]**.

В Сан-Франциско американцы, по словам П. Костромитинова, "приняли с совершенным восторгом известие о победе", одержанной русскими под Петропавловском, хотя до этого, видя огромные силы неприяте-

http://www.ojkum.ru/

ля, считали, что защита Петропавловского порта невозможна **(АВПРИ. Ф. Генконсульство в Сан-Франциско. Оп. 1. Д. 268. Л. 58 и об.)**.

1 (13) марта 1855 г. Б. Сандерс писал В.С. Завойко о том, что американцы "были все рады видеть как храбро вы отразили атаку союзников на Петропавловск" и высказал уверенность, что русские всегда дадут им такой же прием **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/1. К.2. Д. 43. Л. 6)**.

Американцы продолжали снабжать русские владения на Тихом океане всем необходимым, чтобы выстоять в противостоянии с союзниками. В силу того, что бостонский торговец Бордмен не смог выполнить просьбу В.С. Завойко о посылке на Камчатку пороха на корабле "Левантер", Э.А. Стекль предписал П.С. Костромитинову сделать все, чтобы отправить из Сан-Франциско до 500 пудов пороху. Порох был закуплен через Сандерса.

В марте 1855 г. Сандерс послал на Камчатку бриг "Уильям Пен" под командованием капитана Корлтона. По предложению Стекля и совету и желанию Костромитинова, Сандерс нагрузил его 510 пудами пороха и 100 тоннами муки. Ссылаясь на большой риск, так как порох представлял собой военную контрабанду и союзники могли на законном основании захватить корабль, американский предприниматель установил очень высокую цену за фрахт: 100 долларов за тонну. Он также сообщил, что британский фрегат "Пикок" и французский фрегат "находятся в районе Сан-Франциско, ожидая русские корабли "Камчатка" и "Николай", стоявшие в гавани Сан-Франциско **(ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/1. К. 2. Д. 43. Л.4 и об.; АВПРИ. Ф. Генконсульство в Сан-Франциско. Оп. 1. (1855 г.). Д. 268. Л. 21, 52 и об., 60 и об.)**.

19 мая 1855 г. в Петропавловск пришло американское торговое судно. 4 июня из Петропавловска на Гаваи ушло американское судно "Нил", нагруженное солью и мукой, зафрахтованное РАК. 27 июня в гавань вошло зафрахтованное РАК судно "Левантер" с грузом муки для казны и различных товаров для продажи населению Петропавловска. Исполняя устное приказание В.С. Завойко, есаул Мартынов предложил командиру судна отправиться к устью Амура. Тот запросил за это 8 тыс. долл. Не имея на это полномочий, Мартынов предоставил американцу действовать по своему усмотрению. Тот отправился в Сан-Франциско **(АВПРИ. Ф. Генконсульство в Сан-Франциско. Ф. 1. Оп. 1. Д. 268. Л. 22 и об., 24.) [9, с. 236-237]**. 29 августа этого же года в Петропавловск пришло американское судно "Беринг". Юлия Завойко, жена В.С. Завойко, попросила владельца судна Кашинга отвести ее с детьми в Де-Кастри. 29 августа их перевезли на "Беринг", где американцы оказали им "искреннее участие и дали весьма хорошее помещение" **[9, с. 241-242.]**.

Поставляя товары России, американцы не забывали и о своих интересах. Так, американский суперкарго Чейз к 24 марта 1855 г. выручил от продажи материалов, припасов и вещей 18 тыс. 600 руб. К 30 августа этого же года другой американец – Кашинг, доверенный купца Бордмена, продал товаров и припасов на 27 309 руб. (на 1 августа – на 27 240 руб.) **(РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 2. Д. 385. Л. 2, 6, 8.)**.

Таким образом, попытка руководства Камчатки решить вопрос снабжения области только с помощью российских купцов (камчатских и Российско-американский компании) не увенчалась успехом. Хотя эта попытка делалась с благими намерениями – добиться стабильного снабжения населения по низким ценам, оставлять прибыль от торговли в России, в руках российских купцов, и снять с государства тяжёлый груз забот по снабжению далёкой окраины империи. Но возможности отечественного купечества оказались ограниченными. Иностранные торговцы проявили себя вполне конкурентноспособными. Они поставляли товары более высокого качества, по более низкой цене, чем русские купцы, и

сразу же после открытия навигации в Петропавловском порту. Поэтому военный губернатор Камчатки был вынужден в конечном итоге вновь обратиться к идее продления беспошлинной иностранной торговли, что способствовало решению проблемы обеспечения области всем необходимым по сравнительно низким ценам и давало работу местным купцам, которые торговали во внутренних районах полуострова товарами, купленными оптом у иностранных торговцев. В то же время сохранялись и государственные поставки и торговля Российско-американской компании. Использование разнообразных источников снабжения позволило В.С. Завойко в целом решить эту сложную проблему.

В целом, в середине XIX в. восточносибирские власти, включая администрацию Камчатской области, понимали полезность для Камчатки беспошлинной иностранной, в первую очередь американской, торговли и делали все от них зависящее, чтобы стимулировать ее развитие. В результате, американская торговля в Петропавловском порту постоянно росла.

Российские власти Восточной Сибири (окружные, областные, губернские), основываясь на принципах гуманизма в международном праве, оказывали всё необходимое содействие лицам, которые нелегально оказались в дальневосточных владениях Российской империи, в том числе и на Камчатке. При этом не имело большого значения – были ли это дезертиры, или потерпевшие кораблекрушение, матросы или капитаны.

Исходя из конкретных обстоятельств, местные власти, не дожидаясь указаний сверху, делали все, чтобы облегчить жизнь попавшим в беду людям и по возможности скорее отправить их на родину. В ряде случаев российская сторона все расходы по содержанию иностранцев брала на себя, особенно если местные власти не давали подробной информации о них. Иногда дезертиры содержались местными жителями, но в большинстве случаев эти расходы возмещались американской стороной (гражданами или правительством).

Российская сторона предпринимала меры по поиску попавших в беду людей, сохранению имущества и грузов с потерпевших крушение кораблей. Действия властей и отношение россиян к попавшим в беду людям способствовали укреплению дружественных отношений как между двумя государствами, так и между их гражданами и содействовало упрочению чести, достоинства и авторитета России и её подданных на международной арене.

США в период Крымской войны придерживались благожелательного для России нейтралитета. Они желали победы России и поражения Англии и Франции. Это была позиция не только официального Вашингтона, но и американского народа. Американские граждане сообщили камчатским властям о вступлении Англии и Франции в Крымскую войну, о передвижении союзной эскадры и о возможном нападении на Петропавловск и т.д., что позволило русским своевременно подготовиться к отражению неприятеля. Американцы, населявшие тихоокеанские штаты готовы были принять участие в войне на стороне России в качестве каперов. Несмотря на то, что международное право запрещало торговать военными товарами с воюющими государствами, американские предприниматели постоянно, игнорируя угрозу конфискации товара и судов, поставляли в российские владения на Тихом океане, включая Камчатку, военную контрабанду, не говоря уже о невоенных товарах.

Обоюдная заинтересованность и взаимные шаги навстречу друг другу в деле расширения взаимовыгодных отношений, в первую очередь торговых, на Камчатке способствовали укреплению дружественных межгосударственных отношений и взаимной симпатии народов двух стран.

http://www.ojkum.ru/

Литература

1. Анисимов А.Л. Американо-российские отношения на российском Дальнем Востоке в 1857-1860 годах XIX века // Дальний Восток: проблемы межкультурной коммуникации. Материалы научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2006 г.). Комсомольск-на-Амуре, 2006. С. 22-25

2. Анисимов А.Л. Отношение властей Восточной Сибири к проблеме нелегального пребывания американцев на Дальнем Востоке России в середине XIX в. // Архивы Дальнего Востока России на пути в новое тысячелетие. Материалы региональной научно-практической конференции. Владивосток, 1998. с. 127 – 136.

3. Анисимов А.Л. Политика США в отношении российских владений на Тихом океане в период Крымской войны (1853-1856 гг.) // Дальний Восток: наука, образование. XXI век. IV Крушановские чтения. Материалы III Международной научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 15-16 сентября 2005. В 3 т. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КГПУ, 2005. Т.1. С.251-258.

4. Анисимов А.Л. Российско-Американская компания, фирма "Бордмэн энд К°" и проблема обеспечения продовольственной безопасности дальневосточных владений России в середине XIX века // Вестник: История международных отношений в Тихоокеанском регионе. Хабаровск, 2000. № 1. С. 31 – 36.

5. Анисимов А.Л. Русско-американские отношения на Дальнем Востоке России в середине XIX в. // Дальний Восток России в системе внешнеэкономических связей стран Азиатско-тихоокеанского региона (тезисы научно-практической конференции). Хабаровск, 1994. С.80 – 86.

6. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834 – 1867. М.: Наука, 1990. 367 с.

7. Гарусова Л.Н. Российско-американские отношения на Дальнем Востоке. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001. 176 с.

8. Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851-1851 гг. Карла фон Дитмара. Часть I. Исторический очерк по путевым дневникам / пер. с нем. СПб.: Имп. Акад. наук, 1901. 756 с.

9. Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году: Сборник официальных документов, воспоминаний, статей и писем / Сост. Б.П. Полевой. 2-е изд., доп. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 272 с.

10. Исаков А.Н. История торговли на Северо-Востоке России (XVII-XX вв.). Магадан, 1994.

11. История внешней политики и дипломатии США. 1775-1877 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Международн. отношения, 1994. 381 с.

12. История Русской Америки. М.: Международн. отношения, 2000. Т. III. 558 с.

13. Макаров З.В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке (вторая половина XVIII в. – 70-е годы XIX в.). М., 1982.

14. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860 – 1895. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 899 с.

15. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2006. Вып. 2.

16. Слюнин Н.В. Охотско-камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб.: М-во фин., 1900. Т. I. 690 с.

17. Collins P. Siberian journey down the Amur to the Pacific. 1856-1857. Madison, 1962.

УДК 32.019.5(571:73):94(73)"19"

К.Т. Тихий

Проблемы формирования позитивного образа СССР в США в первой половине 1920-х гг.

The problems of forming of the USSR positive image by the USA in the first part of the 1920 years

Представленная работа посвящена проблемам формирования в 20-е гг. XX в. в сознании американского общества образа СССР и его роли в качестве одного из факторов последующего признания страны Соединёнными Штатами. Автор обращает внимание на недооценку советским руководством степени влияния американского общественного мнения на правительственные круги США в принятии соответствующего решения.

Ключевые слова: *дипломатия, советско-американские отношения в 1920-е гг., общественное мнение, образ СССР в США*

◆

The submitted work is devoted to problems of formation in 20th of the XX century in consciousness of the American society of the USSR positive image and its role as one of the factors of the subsequent recognition of the state by the United States. The author pays attention to underestimation by the Soviet management of a degree of influence of the American public opinion on the governmental circles of the USA in acceptance of the corresponding decision

Key words: *diplomacy, Soviet-American relationships in 1920-th, public opinion, USSR image in USA*

Американское общественное мнение в различные периоды существования США играло значительную роль при выработке политики правительства в отношении СССР. Период 20-х гг. примечателен не только тем, что в нем закладывались основы американской политики в русском вопросе. В это время у американской общественности складывался общий имидж Советского государства, формировались устойчивые стереотипы восприятия политики советского правительства. Многие из них в неизменном виде кочевали из года в год, вплоть до установления дипломатических отношений между странами в 1933 г. Некоторые пережили многие десятилетия и сохранились даже в постсоветский период. В настоящей статье рассматриваются малоизвестные вопросы, связанные с отношением советской дипломатической службы к проблеме формирования позитивного образа Советского государства в американском общественном мнении.

Бурные события, изменившие облик России в 1917 г., оказали значительное воздействие на весь мир, в том числе и на Соединенные Штаты. Реакция общественности США на Февральскую революцию в России была отмечена широкими колебаниями настроений. События марта

http://www.ojkum.ru/

1917 г. в России в США воспринимались как триумф демократии. Большинство американцев считало, что Россия, сбросив ярмо царской тирании, будет еще упорнее бороться против Германии на стороне союзников. Неудивительно, что когда в марте 1918 г. Советское правительство подписало сепаратный мир с Германией, американцы посчитали себя преданными. Большевики уже выступали как германские агенты, как угроза цивилизации в целом и американской демократии в частности. Поэтому неслучайно, что в 1918 г. в Соединенных Штатах существовало мощное общественное давление в пользу вооруженной интервенции в Россию **[7, с. 111]**.

Осознание материального благополучия "эры процветания" 20-х гг. очень глубоко проникло в американскую жизнь и оказало воздействие на восприятие Советского Союза. Мнение абсолютного большинства американцев – от президента до рабочего – представляло собой смесь предвзятости, стереотипов, правды и полуправды, которые формировались в бурные годы революции, и существовали с удивительной живучестью. Их не могли серьезно поколебать противоречивые, даже драматические события в Советском Союзе. Скорее, новые факты были приспособлены к старым категориям.

Вплоть до американского признания в 1933 г. большинство американских государственных и общественных деятелей превозносили США и подвергали нападкам советскую систему. Президент Национальной ассоциации производителей Г. Форд, известный поборник новой эры инноваций и процветания, заявил в 1922 г.: "Мы являемся страной невообразимых возможностей, каких не смогли сотворить ни одна христианская цивилизация, ни один гений демократических институтов" **[7, с. 133]**. Гордость за свою экономику стала синонимом патриотизма, а на Соединенные Штаты стали часто ссылаться как на образец цивилизации. Ценности американского культа были, естественно, материального характера, но с сильным мессианским подтекстом. Большевистская Россия воспринималась как антитеза цивилизации. Сенатор Г. Майерс из Монтаны в речи в сенате 28 апреля 1920 г. в целом так отразил взгляды своих сограждан: "Они (большевики – Авт.) полностью разрушили институты брака, родного дома, домашнего очага, семьи – краеугольных камней цивилизации, всего общества. Трудно сознавать, что существуют подобные вещи и терпятся цивилизованным миром" **[8, p. 6208]**. Большинство американцев не хотело иметь дел с правительством Советов, но при этом многие продолжали верить, что русский народ избавится от своих большевистских правителей.

Начиная с 1918 г. американская печать изображала русскую революцию как акт "дикой, необузданной толпы", подстрекаемой "разбойниками, преступниками". Советская экономика характеризовалась как "немощная", а русский народ якобы только и ожидал войны, "чтобы восстать против своих московских властителей" **[3, с. 18]**. Информационная блокада американской прессы Советского Союза имела вполне конкретную цель: создать в американском обществе такой имидж советской системы, который исключал бы массовое движение в пользу дипломатического признания Советского правительства. И большинство изданий, поощряемые правительством США, успешно справлялись с этой задачей на протяжении 20-х гг.

С этой целью еще осенью 1917 г. в России был открыт филиал американского телеграфного агентства – Комитет общественной информации. Его деятельность в годы гражданской войны и интервенции нередко носила антисоветский характер. Тогда же возникает идея создать по линии НКИД собственное агентство – Российское информационное бюро. Во главе его предполагался известный американский публицист,

не скрывавший своих симпатий к Советской России, А.Р.Вильямс. В настоящее время факт создания и деятельности в США подобного Бюро официально не установлен **[2, с. 19]**. Впрочем, в январе 1919 г. в США начинает свою работу неофициальное представительство НКИД РСФСР во главе с Л.К. Мартенсом. На тот момент он не был даже советским гражданином. С самого начала сотрудники миссии пытались сломить сложившуюся негативную тенденцию в американском общественном мнении. Но планомерная деятельность в этом направлении только начиналась, и велась она на первых порах без особых успехов.

Некоторые возможности организовать такую работу по ознакомлению американской общественности с событиями в России у НКИД РСФСР появились уже весной 1919 г. В частности, секретарь Международной Ассоциации молодых христиан Л.Ф. Пеннингрот обратился в НКИД с просьбой помочь ему собрать фактический материал с достаточным количеством фотографий, чтобы в ближайшем времени издать в США книгу под названием "Что происходит в Советской России, март 1919 г.". Учитывая авторитет этой организации в США, Л.Пеннингрот не без оснований считал, что "книга будет иметь большое влияние на общественной мнение и способствовать убеждению, что отказывать России в содействии и помощи – преступно…" **[2, с. 80]**. К сожалению, у советских дипломатов был иной подход в оценке деятельности Ассоциации в России. Просветительской и благотворительной работы этой организации для советского руководства было недостаточно. Поэтому заместитель наркома по иностранным делам Л.М.Карахан твердо заявил, что пока не будет снята блокада союзников (в т.ч. США) и не восстановятся нормальные отношении между двумя странами, намерения Л.Пеннингрота не будут иметь "практических последствий" **[2, с. 92]**.

Весной 1919 г. отношение советских властей к журналистам из-за рубежа стало крайне негативным из-за откровенно предвзятых антисоветских публикаций в зарубежной прессе при освещении событий в России. И. Дон-Левин и корреспондент "Юнайтед пресс" Тейлор были, пожалуй, последними американскими корреспондентами, которые выехали из России в 1919 г. В мае 1919 г. член коллегии НКИД М.Литвинов настойчиво просил Л.К. Мартенса уяснить, что "пребывание в России сотрудников буржуазных и правосоциалистических газет мы считаем нежелательным" **[2, с. 101]**.

С начала 1920 г. тон американской прессы в отношении событий в Советской России несколько смягчился. В газетах стали реже появляться нападки на большевиков, меньше стало откровенно лживых публикаций. Зато больше стало "сносных" сообщений об условиях жизни в Советской России, о состоянии ее промышленности, ее внутренней и внешней политике **[2, с. 129]**. Вероятно, это было связано с уменьшением вмешательства сотрудников миссии Мартенса в организационные проблемы коммунистического движения в США. Об этом косвенно, но красноречиво свидетельствует письмо НКИД Л.К. Мартенсу в январе 1920 г. В нем четко определены его задачи, которые были связаны с борьбой против интервенции, коммерческими задачами советской стороны, но "никоим образом не для пропагандистских целей, не для выполнения задач, относящихся к области коммунистической партии и Третьего Интернационала" **[2, с. 125]**.

Но лишь с осени 1920 г. в представительстве НКИД РСФСР в США стали сознавать необходимость быстрого и адекватного реагирования на антисоветские демарши в США. Это проявилось во время советско-канадских торгово-кредитных переговоров, в которые активно вмешивались американские деловые и правительственные круги. Дело дошло до того, что канадский департамент труда выпустил в громадном коли-

http://www.ojkum.ru/

честве памфлет, направленный против советской стороны. Его автор воспользовался расследованием американского сената, его обвинениями в ведении миссией Л.К. Мартенса коммунистической пропаганды в США и даже организации стачек в Канаде. Для того чтобы сбить атаки американской и канадской прессы, миссия Мартенса была вынуждена увеличить тираж информационного журнала "Совьет Раша" до 25 тыс. экземпляров в неделю **[2, с. 162-163]**. Но подобные контрпропагандистские акции были единичными, поскольку Бюро было резко ограничено в средствах.

Вследствие своей неопытности молодая советская дипломатия иногда допускала просчеты, которые не только имели политические последствия, но и оказывали соответствующее воздействие на настроения американской публики. Так, например, советское руководство ошиблось в прогнозах относительно будущей политики США в "русском вопросе" в связи с приходом к власти республиканского кабинета в 1921 г. Предполагалось, что советское правительство при президенте У. Гардинге вступит если не в дипломатические, то в торговые переговоры. Свою роль в таком выводе сыграли недостаточное знание внутриполитической ситуации в США, неполнота и односторонность информации. Слишком много внимания уделялось и заверениям отдельных американцев, лично заинтересованных в возобновлении сношений между странами **(АВП РФ. Ф.129 (Референтура по США, 1921-1933). Оп.5. П.4. Д.7. л.66)**

Под влиянием этих факторов в 20-х числах марта 1921 г. ВЦИК РСФСР обратился к Президенту и Конгрессу с предложением допустить в США делегацию для ведения переговоров по торговле. Ответ был необычайно быстрым. 25 марта 1921 г. американский консул в Ревеле передал заместителю наркома по иностранным делам М.М. Литвинову отказ госсекретаря Ч. Хьюза на том основании, что американское правительство считает существующие в России условия неподходящими для торговых сношений. Быстрота ответа свидетельствовала о том, что он был заготовлен давно, еще до смены администрации демократов правительством Гардинга. Из чего следовало, что политика республиканцев в "русском вопросе" автоматически продолжала политику президента В. Вильсона. С той разницей, что Вильсон в качестве мотива выдвигал тезис, что советское правительство не основано на демократическом представительстве, а Хьюз сослался на экономические доводы. Советским дипломатам тогда пришлось констатировать: "…Америка занимается нами гораздо интенсивнее и детальнее, чем мы ею" **(АВП РФ. Ф.129 (Референтура по США, 1921-1933). Оп.5. П.4. Д.7. Л.67)**

Действительно, из протоколов Комитета по иностранным делам палаты представителей (с 27 января по 1 марта 1921 г. было 10 заседаний по русскому вопросу) видно, что ни одно более или менее значимое явление политической, экономической и духовной жизни Советской России не проходило незамеченным или неучтенным теми, кому следовало. Систематически переводилась советская пресса, была организована сеть информаторов. Другое дело, что добыванием и систематизацией сведений о России занимались русские и американские противники Советов. Но эта предрасположенность к определенным выводам должным образом учитывалась американскими политиками. Советские дипломаты были вынуждены признать, что "те или иные шаги, предпринимаемые американским правительством по отношению к России, не могут быть объяснены недостаточной осведомленностью " **(АВП РФ. Ф.129 (Референтура по США, 1921-1933). Оп.5. П.4. Д.7. Л.67)**.

В то же время, своей информированностью пока не могла похвастать советская сторона. Так, в 1922 г. в письме к В.И. Ленину вдова известного американского журналиста Джона Рида Луиза Брайант со-

общала, что, "судя по телеграфным интервью, советские работники не совсем хорошо разбираются в том, кто их настоящие друзья и враги здесь (в США. – Авт.). Например, т. Чичерин назвал американского министра иностранных дел Юза (Хьюза) "человеком благородного ума за его роль на конференции по разоружению. Юз фактически был в кабинете единственным противником участия Америки в Генуэзской конференции, и ему удалось, в конце концов, склонить весь кабинет на свою сторону… Юз религиозен, упрям и не идет на уступки" **(АВП РФ. Ф.129. Оп.6. П.6. Д.1. Л.22)**. В этом же письме Брайант высказалась и в отношении будущего президента США Г. Гувера: "Он честолюбив и знает, что для американского политикана борьба против оказания помощи России в настоящий момент равносильна политической гибели… Я не верю, чтобы Гувер посмел занять открыто враждебную позицию по отношению к России, но ему доверять не приходится" **(АВП РФ. Ф. 129. Оп. 6. П. 6. Д. 1. Л. 23)**.

Примечательно, что эта характеристика Гувера по каким-то причинам не убедила наркома по иностранным делам Г.Чичерина. Это видно из записи его беседы с бывшим американским посланником в Копенгагене Гапгудом, состоявшейся в мае 1923 г. На встрече с ним Г.Чичерин указал на ряд противоречивых сведений о Гувере: "Одни считают его благоприятно расположенным к нам. Например, виденные мною в Берлине представители американского пацифистского общества, лично говорившие с Гувером, удостоверяют, что он выражается очень благоприятно по вопросу о соглашении с нами, другие наоборот считают его чуть ли не нашим главным врагом" **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.27. Л.7)**. Гапгуд, лично хорошо знавший В. Вильсона, У. Гардинга, Ч. Хьюза, Г. Гувера, пояснил, что в действительности, "Гувер сильнейшим образом ненавидит всякий даже маленький намек на социализм не только в России, но где бы то ни было" **(АВП РФ. Ф. 08. Оп. 6. П. 6. Д. 27. Л. 7)**.

Противоречивость сведений, вероятно, могла быть связана и с иной проблемой субъективного характера. Гувер мог затаить обиду на советские власти, которые без особого пиетета отнеслись к работе Американской администрации помощи (АРА) в России. Работу АРА при всей ее важности в ликвидации последствий голода в Поволжье никак не назовешь филантропией. За американскую продовольственную помощь советское правительство расплачивалось золотом. Этот эпизод был затронут в беседе американского юриста Л.Д. Розенберга с советским полпредом во Франции Х.Г. Раковским. Розенберг заметил, что в Америке нашло бы большой отклик, если бы по случаю 5-летия подписания Рижского договора о деятельности Американской администрации помощи в Советской России "какой-нибудь из советских университетов дал бы какой-нибудь почетный титул Г. Гуверу". Тем самым был бы оценен его вклад как главы АРА в ликвидации последствий голода в Поволжье в 1921 г. Можно было также, продолжал Л.Д. Розенберг, назвать в России некоторые "заметные улицы" в честь АРА **[2, с. 504]**. Заметим, что такое предложение не было чем-то исключительным. Известно, что в послевоенной Германии в нескольких городах спасенные от голодной смерти немцы выступили с инициативой переименования улиц в честь Гувера. Впрочем, в 1926 г. такое предложение американца едва ли нашло бы отклик у советской стороны.

Информация и рекомендации друзей Советского Союза касались не только высокопоставленных американских руководителей, но и отдельных представителей деловых кругов Соединенных Штатов, членов различных общественных организаций и т.д. Хорошо известен сюжет, связанный с переговорами по предоставлению американскому гражданину Б. Вандерлипу концессий в Советской России. Они продолжались

http://www.ojkum.ru/

с осени 1920 г. по апрель 1922 г. Уже в их начальной стадии высказывались сомнения в деловой состоятельности Вандерлипа. Эта информация была подтверждена М.М. Литвиновым в специальном бюллетене для советских полпредов за границей в июне 1921 г. "Выясняется, – писал М. Литвинов, – что сам Вандерлип, а, вероятно, и стоящий за ним синдикат, капиталами не обладает и что концессия была взята Вандерлипом, главным образом, с целью грюндерства и продажи ее для получения соответствующего куртажа" **[2, с. 182]**.

Еще позже, 27 февраля 1922 г., Л. Брайант в письме, переданном через А. Хаммера В.И. Ленину, вновь предупреждала, что Вандерлип не имеет тесных связей со "Стандарт Ойл", а рассчитывает на комиссионные, что он "лгун", склонен "блефовать" и "весьма слабо связан с капиталом" **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.27. Л. 24)**. Тем не менее, переговоры продолжались, а концессионный договор не был подписан и в последний срок – до 1 января 1923 г. **[1, с. 676-681]**. При всей политической важности такого договора для советского правительства, для последнего были очевидны издержки деловой репутации, поскольку в США бизнесмены имели адекватное представление о Вандерлипе и его синдикате.

Помимо недостаточной информированности, значительное воздействие на деятельность неофициального советского дипломатического представительства оказывали безответственные заявления и действия лиц из других наркоматов и ведомств, находившихся на территории США. Согласно правилам делопроизводства, все отношения работников советского представительства с прессой должны осуществляться исключительно секретарем Бюро или с соответствующей санкции дипломатического отдела Бюро. Это правило неукоснительно соблюдалось в первые годы пребывания миссии Мартенса в Соединенных Штатах. Но ему редко следовали различные ведомственные комиссии, занимавшиеся торгово-экономическими вопросами. Еще в марте 1918 г. комиссар Главного управления по заграничному снабжению (Главзагран) послал докладную записку в ВСНХ РСФСР и НКИД РСФСР. Анализируя ситуацию, он отмечал: "К великому нашему сожалению, приходиться констатировать, что по поводу организации и посылки комиссий происходит неимоверный сумбур и целая вакханалия. Целые группы проходимцев стараются втесаться в эти комиссии с целью нажить капиталец в процессе работы комиссии за границей" **[2, с. 14]**.

С началом осуществления новой экономической политики в Советской России резко увеличилось число торгово-экономических организаций, получивших право вести самостоятельную внешнеэкономическую деятельность за рубежом. В письме в коллегию НКИД от 19 марта 1922 г. управляющий канцелярией Бюро Г. Вайнштейн обращал внимание руководства на то, что вместо одного представительства РСФСР (имеется в виду миссия К.Л. Мартенса), с начала 1921 г. в Соединенных Штатах обосновался целый ряд "представительств", – как от отдельных наркоматов, так и от других российских учреждений. Например, представительство ВСНХ, сосредоточенное в руках А.Л. Геллера (одно время он заведовал торговым отделом миссии Мартенса), представительства от Наркомздрава (Михайловский) и Красного Креста (Д.Е. Дубровский). Свой офис имела фирма "Продактс Иксчейндж Корпорейшн", выполнявшая отдельные поручения наркома внешней торговли Л.Б. Красина. Существовало даже представительство Карельской Коммуны.

"Все эти представительства, – писал Г.И. Вайнштейн, – действуют вразброс, без единого руководства, без нужной информации и инструкций из центра, без часто малейшего представления о действительных нуждах и интересах России. Но это еще полбеды. Гораздо хуже то, что эта разнокалиберная и весьма пестрая по своим взглядам и способно-

стям группа людей своими разговорами, выступлениями в печати, интервью, перепиской с различными американским учреждениями и пр. так или иначе, создает фикцию, если и не официального, то все же представительства РСФСР… НКИД может сколько угодно в своей переписке с другими наркоматами утверждать, что все эти представительства, созданные без согласия его, не являются настоящими представительствами, все же ответственность за действиями "представителей", во мнении американцев, по крайней мере, падает на РСФСР" **(АВП РФ. Ф.08 (секретариат Л.М. Карахана). Оп.5. П.3. Д.24.Л.5-6)**.

Дипломаты были серьезно озабочены несанкционированными действиями и заявлениями отдельных представителей и даже частных лиц. Так, например, некая гражданка Самородина, утверждавшая, что она находится в переписке с Чичериным, сделала предложение сенатору Ледду посетить Советский Союз. Разгневанный Литвинов писал главе миссии Б.Е. Сквирскому: "Если она друг, то передайте ей, пожалуйста, мое категорическое предложение не выступать больше в чем бы то ни было от имени Советского правительства, ее на это не уполномочившего, а тем более не делать от его имени никаких предложений. Если же она это сделала со злым умыслом, то ошельмуйте ее в печати" **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.2)**. Позже выяснилось, что Чичерин не знал Самородину, или, по крайней мере, не помнил ее, и в переписке с ней никогда не состоял **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.12-13)**.

Несмотря на обращения НКИД в соответствующие наркоматы и ведомства, ситуация в этой области не менялась на протяжении 20-х гг. В письме в коллегию НКИД в сентябре 1929 г. дипломатический агент НКИД СССР в США Б.Е. Сквирский жаловался, что многие важные комиссии из Советского Союза работали в Нью-Йорке без его участия. "Я считаю своей обязанностью стоять поближе ко всем советским делам в Соединенных Штатах, независимо от того, вспоминают ли о существования представителя НКИД в Соединенных Штатах другие комиссариаты и учреждения или нет" **(АВП РФ. Ф.05 (секретариат М.М.Литвинова). Оп.9. П.50. Д.95. Л.166)**. Отсутствие координации между наркоматами и ведомствами приводило к серьезным промахам, как это было, например, в деятельности представительства Госбанка или при заключении сделок концессионного характера. Вместо того чтобы наладить взаимодействие различных структур, московское руководство ограничивалось преимущественно кадровыми перемещениями, что также наносило ущерб делу. По этому поводу Б.Е. Сквирский писал: "Лучше дать соответствующему работнику возможность чаще посещать Союз для более согласованной работы, чем менять их каждые полтора-два года" **(АВП РФ. Ф.05 (секретариат М.М. Литвинова). Оп.9. П.50. Д.95. Л.167)**.Сам Сквирский не был в Советском Союзе с 1926 по 1929 г., хотя, несомненно, этого требовали интересы работы. Кроме того, деятельность Б.Е. Сквирского, особенно в общении с американской прессой, была ограничена инструкциями руководства НКИД. Даже имея в своем распоряжении ноты иностранных государств в адрес Советского правительства, он не имел права их зачитывать на пресс-конференциях, хотя они уже были опубликованы в газетах. Складывалось впечатление, что в то время как нарком и другие члены коллегии НКИД могли говорить свободно, неофициальный представитель НКИД в США не смел открывать рта **[2, с. 537]**.

В таких условиях, несомненно, было трудно наладить работу по информированию американской общественности о советской внутренней и внешней политике. Но самая большая сложность заключалась в том, что в начале 20-х гг. высшее советское руководство не сознавало всей важности ведения основательных пропагандистских кампаний. Так, напри-

мер, в письме И.В. Сталину от 9 августа 1922 г. Чичерин писал: "Вы не можете представить себе, насколько широко и глубоко кампания по делу эсеров захватила общественное мнение всех стран. Эта кампания велась так энергично, интенсивно и всеобъемлюще, что широкие массы общественного мнения повсюду сильнейшим образом по этому поводу волнуются. Если мы хотим идти наперекор массовому общественному мнению, надо это хорошенько подготовить настоящей широкой контркампанией, а не теми ничтожными каплями, которые получались с нашей стороны. Вы также не можете себе представить, какие широкие возможности развития и создания связей и форм выступлений у нас имеются, если как следует за это приняться, а не прятаться подобно улиткам в раковине. Нужны не только телеграммы и не только толстые брошюры, нужно ведение широких печатных кампаний, для которых представляется полная возможность, если отказаться от самоизоляции… Нельзя уставать повторять, что главное препятствие для вербовки коммунистических новых членов – всеобщее убеждение, что якобы коммунизм порождает голод и был причиной нашей разрухи. Абсолютно необходимо посвятить максимальное внимание постановке кампаний широкого осведомления общественного мнения всех стран по основным вопросам нашего строя. Сколько говорят и пишут повсеместно о нашей цензуре, полиции, тюрьмах и т.д., что мы не можем продолжать оставаться пассивными в деле выяснения основных вопросов нашего строя. Когда мы боролись против интервентов, положение было другим, и настроение массового общественного мнения было совсем не то, что теперь. Узкое мещанство верило тогдашним басням, а теперь в самих массах мы потеряли почву" **(АВП РФ. Ф.08 (секретариат Л.М. Карахана). Оп.5. П.3. Д.24. Л.11-12)**.

В начале 20-х годов у советских дипломатов были, хоть и ограниченные, возможности для воздействия и на американское общественное мнение, и на политическую элиту США. Большим подспорьем в информировании общественности Соединенных Штатов о реальном положении дел в России могла оказаться поездка в нее делегации представителей деловых кругов. Бизнесменов интересовали проблемы экономического восстановления российской экономики и перспективы взаимного экономического сотрудничества.

Некоторые советские руководители сознавали необходимость такой ознакомительной поездки американских специалистов, но с условием, чтобы они не выступали как целостный орган. Слишком это напоминало работу репарационной комиссии Антанты в побежденной Германии. Эксперт по каждой отрасли промышленности, считал Чичерин, будет делать лично от себя доклад американским промышленникам соответствующей сферы экономики. Условия поездки должны предваряться переговорами между американским и российским правительствами. Эксперты должны работать в строго определенных районах, в их распоряжение передавались далеко не все архивы, и, конечно, они должны заниматься сугубо экономическими вопросами, воздерживаясь от рассмотрения политических проблем России **(АВП РФ. Ф.08 (секретариат Л.М.Карахана). Оп.5. П.3. Д.24. Л.9)**. Ленин в то время болел и находился в Горках. Реакция Сталина была неизвестна. Но приезд комиссии экспертов так и не состоялся. Ответственность за это американцы возложили на Советское правительство.

Вместе с тем, следует отметить, что советское внешнеполитическое ведомство всячески поощряло поездки в Советский Союз видных американских государственных и общественных деятелей. Б. Сквирский сообщал в Москву, что "о средней неосведомленности их (сенаторов – Авт.) можете судить по тому, что меня спрашивают – безопасно ли в Россию ехать с женами" **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.28. Л.29)**. Литвинов ре-

комендовал не создавать препятствий сенаторам и конгрессменам, которые желают посетить Россию. За исключением тех немногих, которые "по личным интересам или иным, являются неисправимыми антагонистами Советской власти и которые пожелали бы поехать в Россию с заведомой целью по возвращении в Америку Россию опорочивать" **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.1)**.

С другой стороны, приходилось учитывать практические возможности принимающей стороны. Наиболее острым являлся квартирный вопрос. Эта проблема существовала в то время почти во всех столицах Европы. Даже если бы приехало сейчас "пару десятков американцев", писал Литвинов, невозможно было бы подобрать жилье. Поэтому он рекомендовал составлять группы в количестве не больше 5-8 человек в один прием **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.1)**.

В определенных случаях, когда предполагался приезд авторитетных иностранцев, советская сторона брала на себя часть расходов по организации поездки. Так, например, когда в Советский Союз собирались влиятельные конгрессмены Г. Фиш, Г.А. Купер и Дж. Фрир, оказалось, что последний испытывает недостаток средств для этого. Сквирский просил Литвинова "если бы можно было сделать так, чтобы расходы его и остальных были невелики во время пребывания их в России, это было бы весьма желательно" **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.28. Л. 41-42)**. Учитывая статус приезжих, к подобным просьбам относились обычно с пониманием.

Эффект от таких поездок был, как правило, благоприятен для принимающей стороны. Типичной в этом отношении была реакция на увиденное сенатора-демократа из Юты У.Г. Кинга. Ранее, в 1919 г., он утверждал, что всякий, кто поддерживает большевизм, является врагом цивилизации. После возвращения из поездки по России в 1923 г. он заявил в сенате, что коммунисты не только прочно удерживают власть, но и восстанавливают государство с необычным успехом, за счет возрождения старых добрых методов капитализма **[9, с. 256-276]**.

Большое внимание уделялась поездкам представителей интеллектуальных кругов, которые имели и средства и возможности для формирования общественного мнения. Работы многих американских ученых и публицистов переводились и издавались в СССР большими тиражами. По приезду в нашу страну многие авторы были приятно удивлены, увидев на полках книжных магазинов и киосках свои работы **[6, с. 88]**. Известному режиссеру-кинодокументалисту Б. Холмсу предложили 25-процентную скидку за поездку в СССР. Представители Интуриста заявили ему: "Мы счастливы принимать писателей и лекторов, которые посещают Советский Союз и сообщают об условиях жизни в нем" **[5, с. 10]**.

Организацией поездок американцев занимались три советских представительства: "Интурист", АМТОРГ и миссия НКИД. "Интурист" работал с американским туристическими фирмами, в основном с "Open Road". Поездки были довольно дорогостоящими. Стоимость тура продолжительностью от 3 до 6 недель составляла от 600 до 1000 долларов **(АВП РФ. Ф.508 (фонд Б.Е. Сквирского). Оп.6. П.11. Д.17. Л.124)**. Естественно, такие расходы не мог позволить себе рядовой американец.

АМТОРГ занимался организацией поездок в основном бизнесменов. Агентство НКИД оформляло всех подряд, но преимущественно представителей интеллектуальной среды. Оно же осуществляло всю работу по "просеиванию" нежелательных туристов **(АВП РФ. Ф.05 (секретариат М.М. Литвинова). Оп.9. П.50. Д.95. Л. 170, 173)**.

В трудное время, когда американская общественность в целом была настроена антисоветски, дипломатам приходилось нести бремя ответственности и за события внутри Советского Союза, которые вызыва-

ли резкую критику за рубежом. Одним из них был судебный процесс по делу священников-католиков Буткевича, Цепляка и др. На встрече с сенатором Уилером и методистскими епископами Блэком и Гартманом, состоявшейся 26 апреля 1923 г., Чичерину пришлось нелегко. Уилер в разговоре заметил, что ввиду "бешеной кампании в Америке" и ввиду того, что все официальные советские заявления и разъяснения игнорировались, ему крайне важно было бы иметь ту переписку, в которой обнаруживается получение Буткевичем денег от польского правительства **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.27. Л.1)**.

Ответ Чичерина был малоубедительным. Он заявил, что это трудно сделать, "ибо под влиянием заграничной агитации у нас господствует нежелание подвергать дискуссии за границей постановления высших государственных органов" **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.27. Л.1)**. Вместе с тем, следует отметить, что Уилер с симпатией относился к Советскому Союзу, имел широкую поддержку фермеров Монтаны и мог бы способствовать распространению правдивой информации о Советском Союзе. Явное нежелание сообщить правду по делу священников не могло не оставить чувства разочарования у американских представителей.

В аналитическом обзоре вопроса о признании СССР Соединенными Штатами в 1923 г. отмечалось, что впечатление от казни Буткевича оказалось не только очень сильным, но и продолжительным. "Поскольку поколебалась уверенность в силе и устойчивости Советского правительства (а именно так была воспринята казнь Буткевича), постольку временно пал практический интерес к русскому вопросу, а психологическая создалась обстановка, совершенно невозможная для выдвигания признания России, как принципиального требования, а наоборот самая благоприятная для отвергания такого требования". Даже те либералы, которые постоянно ратовали за признание Советской России, одобрили отмену госдепартаментом разрешения на въезд в США жены Председателя ВЦИК Калинина (она собирала средства в фонд беспризорных) в знак протеста против его подписи под смертным приговором Буткевичу **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.20)**.

Одним из важных средств искусственного отсева негативной информации о России была цензура. Американская общественность весьма критично относилась к любой цензуре, усматривая в ней нарушение свободы слова. Многочисленные обращения снять цензуру поступали в НКИД на всем протяжении 20-х гг. Обычно их направляли заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову. Многие иностранцы считали, что он мог бы удовлетворить эту просьбу частично из-за долгого проживания в Великобритании, частично из-за своей жены, урожденной англичанки, которая по роду своей деятельности часто общалась с иностранцами.

Одно из первых обсуждений проблемы цензуры состоялось во время встречи Литвинова с американскими журналистами Ренником, Дюранти и МакКензи весной 1923 г. Журналисты заявили, что цензура не достигает цели, ибо не пропущенное цензурой проникает заграницу другими путями. Препоны, чинимые цензурой, приводили к тому, что за границей о некоторых фактах узнавали через сопредельные страны, через иностранные миссии. А поскольку эти факты не опровергались иностранными корреспондентами из Москвы, их считали вполне установленными. Поэтому корреспонденты предлагали установить цензуру только для сообщений военного характера. В ответ Литвинов указал, что Россия, в отличие от других стран Европы, "все еще атакуема врагами со всех сторон, что ей приходится все еще вести борьбу за существование, если не обороной, то другими путями, и что, находясь еще в состоянии полувойны со всем внешним миром, она вынуждена сохранить теле-

графную цензуру, как это делают другие государства во время войны" **(АВП РФ. Ф.08. Оп.6. П.6. Д.26. Л.3)**.

Вторая просьбы в том же году исходила от Роберта Б. МакКормика. Издатель "Чикаго Трибюн" направил через корреспондента газеты Дж. Сельдеса протест против цензуры Г. Чичерину. Протест был выдвинут в форме ультиматума. Если её не отменят, полковник МакКормик грозил отозвать своих журналистов и тем самым спровоцировать других корреспондентов на выезд. В результате этого, утверждал он, СССР потеряет связь с внешним миром. Чичерин был в гневе и заявил, что "газета разговаривает с ним как равное по мощи государство". Ультиматум отклонили, Сельдеса также не отозвали из России. Чуть позже его все-таки выслали за то, что ранее он посылал свои репортажи, минуя цензуру, через дипломатическую почту АРА.

Следует отметить, что в 20-е гг. советская цензура была "прямой" и открытой, когда журналист и цензор бок о бок обсуждали формулировки, перифраз и т.д. Это означало, что предполагавшееся сообщение можно было спасти от полного отклонения. Этот вид цензуры был предпочтительным для журналистов, поскольку он экономил время, да и, в конце концов, они могли уже знать наверняка, что отклонит цензор, а что оставит. Обычно репортер делал три копии – две отдавал цензору (в 1921 г. было 6 цензоров), который ставил штамп, затем одну из них относил на телеграф. Прежде действовавшая телеграфная связь с Соединенными Штатами была неэффективной из-за разницы во времени. Если в ходе передачи сообщения были отступления от текста, то связь прерывали. И все-таки, несмотря на неудобства, связанные с цензурой, многие американские журналисты оправдывали или, по крайней мере, с пониманием относились к советской цензуре 20-30-х гг. **[4, с. 73]**

К середине 1920-х гг. советский пропагандистский арсенал существенно вырос. Это было связано с расширением торгово-экономических, научных и культурных контактов между странами. Представители американской интеллектуальной элиты проявляли неподдельный интерес к социальной политике советского правительства. С этой поры для советской стороны стало реальным использовать в пропагандистских целях благосклонные оценки и заявления авторитетных журналистов, общественных и научных деятелей, представителей культуры по самым различным аспектам советской внутренней и внешней политике. Имелись сочувствующие функционеры в таких влиятельных организациях как Американо-русский институт культурных связей, Институт Тихоокеанских отношений, Ассоциация молодых христиан, в еврейских организациях "Джойнт", "Агроджойнт" и др. Но следует признать, что к середине 20-х годов все пропагандистские мероприятия советской стороны оказывали воздействие в основном на относительно малочисленный сектор американского общества – отдельных представителей политических и деловых кругов, в большей степени на интеллектуалов США.

Несмотря на расширяющуюся советскую пропаганду, к середине 20-х гг. она по-прежнему заметных результатов не дала. В письме члена Национального исполкома Республиканской партии США Д.П. Гудрича супруге М. Литвинова Айви Литвиновой американский политик признавался, что в Америке нет широкого движения в пользу признания Советского правительства. То есть, антисоветская пропаганда, которая велась в стране на протяжении восьми лет, выполнила свое дело. Потуги советской контрпропаганды оказались тщетными. Невежество американского народа в отношении действительного положения России было обескураживающим. Причем ситуация в продвинутых штатах Атлантического побережья была приблизительно такой же, что и в провинциальных штатах Среднего Запада. Рабочие организации, писал Гудрич,

настроены в пользу капиталистической системы, как и всякий другой класс Америки. Причины этого были очевидны. "Они ежегодно увеличивают свои сбережения на сумму, равную по величине всей внешней торговле России. Они имеют вклады во всех наших больших предприятиях, открывают банки, разрабатывают шахты и пр. Они в целом противятся коммунизму во всех его формах". Примечательно, что сам Гудрич, как и многие представители американской политической, деловой и интеллектуальной элиты, считал, что коммунистическая пропаганда в США не имеет перспектив. Он полагал, что нужно сосредоточиться на решении двух главных проблем, стоящих перед признанием Советского Союза: уплате долгов Временного правительства и выплате компенсаций за национализированную частную собственность граждан США. Однако большинство американского народа одобряло линию на непризнание именно из-за коммунистической пропаганды Коминтерна. **[2, с. 472, 473]**.

Таким образом, можно констатировать, что советская дипломатия не использовала всех имеющихся средств и методов для разъяснения в Соединенных Штатах политики Советского государства. Это подтверждается негативным отношением подавляющей части американской общественности к вопросу об установлении дипломатических отношений между двумя странами на протяжении 20-х гг. В первую очередь это определялось недостаточным знанием американских условий советским руководством, недооценкой им влияния общественного мнения на формирование политики США в отношении к Советскому Союзу. И лишь трудности в связи с началом мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. и параллельная информация об успехах первой пятилетки в СССР стали отправной вехой в перемене настроений американской общественности в пользу сотрудничества между странами.

◆

Литература

1. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959.
2. Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918-1926. /Под ред. Г.Н. Севостьянова и Дж. Хэзлема. М.: МФД, 2002. 632 с.
3. Касьяненко В.И. Правда и ложь о Стране Советов. М.: Мысль, 1987. 335 с.
4. Bassow W. The Moscow Correspondents: Reporting on Russia from the Revolution to Glastnost. N.Y.: Morrow, 1988. 385 p.
5. Holmes B. The Traveler's Russia. N.Y.:G.P.Dutnam's Sons, 1934. 176 p.
6. Margulies S.R. The Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924-1937. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1968. XII, 290 p.
7. Stoessinger J.G. Nations in Darkness. N.Y.: Random House, 1971. 198 p.
8. US Congress, Senate, CR., 66-th Cong., 2-nd sess., Apr. 28, 1920. P. 6208.
9. US Congress, CR., 68-th Cong., 1-st sess., Dec.13, 1923. Pp. 256-276.

УДК 94(739.9)

Ю.В. Латушко

"Сирота" на троне

"Orphan" on a throne

В статье Ю.В. Латушко рассматривается биография основателя гавайской монархии Камеамеа I. Автор сопоставляет известные исторические и фольклорные источники, содержащие информацию об этом выдающемся человеке. Кроме того, автор попытался оценить значение данной личности для истории и культуры гавайского народа, а также её роли в формировании современного мультикультурного гавайского общества. Данная работа может быть интересна как для историков, так и для антропологов.

Ключевые слова: *политическая история, Гавайи, биография Камеамеа I, истоки мультикультурного общества.*

◆

In Y.V. Latushko's article the biography of Kamehameha I, the founder of Hawaiian monarchy, is considered. The author compares with the known historical and folklore sources containing the information on this oustanding person. Besides the author has tried to estimate value of the given person for a history and cultures of Hawaiian people, and also its role in formation of a modern multicultural Hawaiian society. The given work can be interesting both to historians, and for anthropologists.

Key words: *political history, Hawaii, biography of Kamehameha I, origins of multicultural society.*

Гавайские острова заслужили романтическое прозвище "края вечной весны" из-за ровного субтропического климата и яркой флоры. Живописные виды песчаных пляжей Вайкики, солнце над величественными горами Мауна Кеа, национальный парк "Гавайские вулканы" – всё это символы самого гостеприимного и молодого "штата алоха", как его шутливо называют сами американцы, преимущественно приезжие с материка. Размеры его невелики – около 17 тыс. кв. км (43-е место среди 50 американских штатов), население в 1992 г. превысило 1 млн. человек. Большая его часть сосредоточена в современном промышленно развитом городе Гонолулу на о. Оаху. Основным отраслями экономики Гавайев являются туризм, сельское хозяйство, рыболовство и кинематография. Доля коренных жителей островов – гавайцев – сегодня не превышает 14% (включая метисов).

Недавно Сенат США приступил к обсуждению законопроекта, который предоставит этническим гавайцам особые права, вплоть до самоуправления. Инициатива преследует целью сохранить уникальную полинезийскую культуру. Но ее критики предупреждают, что сторонники нововведения держат в уме идею полноценной автономии, если не неза-

http://www.ojkum.ru/

висимости. Как утверждают путеводители по Гавайям, в Гонолулу находится единственный бывший королевский дворец на территории Соединенных Штатов. Дворец принадлежал династии, свергнутой в конце XIX века в результате мятежа, организованного американскими и британскими коммерсантами. До 1959 г. Гавайи носили статус самоуправляемой территории, после чего стали полноценным 50-м американским штатом.

Автор законопроекта, сенатор-демократ от Гавайев Дэниэл Акака, сам является этническим гавайцем, хочет, чтобы конгресс позволил гавайцам восстановить утраченную некогда национальную идентичность. Законопроект предусматривает создание для коренных гавайцев органов племенного самоуправления, подобных тем, которые существуют у американских индейцев на материковой части страны.

Инициатива Акаки блокировалась на протяжении шести лет в Сенате теми, кто считает её нарушением конституции США, поскольку речь идет о создании суверенного правительства по принципу расовой принадлежности. Широкая оппозиция законопроекту существует на самих Гавайских островах, 80% населения которых составляют американцы японского, китайского и филиппинского происхождения, а также белые американцы. Адвокат из Гонолулу Говард Берджес из общественной группы "Алоха для всех" поясняет свою позицию так: "Мы выступаем против этого законопроекта, потому что его принятие разобщит население Гавайев. Сейчас штат Гавайи занимает первое место в США по уровню смешанных браков, по ассимиляции и интеграции населения. Возможно, он может служить моделью полиэтничности" для всего мира **[8]**. Примечательно то, что белые активисты ссылаются на авторитет первого монарха – Камеамеа, считая его отцом мультикультурного гавайского общества.

В настоящей статье нам бы хотелось обсудить ряд сюжетов, связанных с, пожалуй, самым известным в европейских источниках гавайским королём, которому удалось объединить острова и стать родоначальником династии, просуществовавшей около ста лет до момента её свержения. Современный гавайский "национализм", идея культурной автономии, либо возрождения тесно связаны с этой персоной, как символом "славного прошлого". Для гавайцев Камеамеа I имеет даже большее значение, чем для россиян Петр I. Европейские современники ещё при жизни сравнивали его, то с упомянутым первым российским императором, то с Наполеоном. Но для гавайцев "Великий" навсегда останется человеком, который сделал их "историческим народом". Этот миф о движении от дикости к прогрессу был поддержан и в западной историографии. Стоит отметить, что как всякий миф данный служил вполне определенным целям, и было бы совершенно неправильно принимать его за чистую монету.

20 января 1778 г. долина Ваимеа (о. Кауаи) "наполнилась криками взволнованных людей, поскольку они увидели лодку с мачтами и парусами, подобную гигантскому скату". Многие спрашивали, что это за "деревья движутся по морю?" Жрец по имени Куоу объявил всем, что это хеиау (святилище – Ю.Л.) бога Лоно **[14, p. 92]**. Именно так восприняло туземное население Гавайских островов появление кораблей под командой английского капитана Джеймса Кука.

Ко времени открытия на островах шла ожесточённая борьба между верховными правителями четырёх крупных политий, существовавших на тот момент. Самые непримиримые разногласия были между верховными вождями Большого острова (о. Гавайи) и правителями острова Мауи, которые подчинили себе острова Ланаи, Молокаи и Кахулаве.

Правителем острова Гавайи был тогда Каланиопуу. Всю свою

жизнь он провёл в борьбе не только с вождями острова Мауи, во главе которых стоял Кахекили, но и в войнах с вождями некоторых округов (моку) острова Гавайи **[14, p. 78-91]**. Одним из наиболее отважных его воинов был племянник Камеамеа. Обратимся к фактам его биографии, которая неразрывно связана с формированием единого гавайского государства.

Во всех жизнеописаниях **[13; 14; 17]** портрет первого короля похож на лубочную картину. Великий вождь предстаёт человеком смелым, честным, отважным и благородным, он хороший работник и мудрый правитель – этот ряд можно продолжать до бесконечности. В создании подобного "культа личности" принимали участие, как гавайцы, так и европейцы. Для первых он стал символом народной гордости, человеком, выведшим гавайское общество на новый уровень развития. Внимание европейцев к персоне вождя не в последнюю очередь объясняется его политикой по отношению к хаоле – Камеамеа был первым среди гавайских вождей, кто стал активно сотрудничать с европейцами. На то у него были свои причины. Техника и технологии белых стали для него козырной картой в борьбе со своими конкурентами. Независимая политика этого правителя также повышала его авторитет в глазах европейцев и тем более гавайцев.

В биографии объединителя Гавайского архипелага есть много общего с жизнеописанием легендарного вождя Большого острова – Уми. Оба они были не самого знатного происхождения, благодаря своим делам оба стали персонажами цикла героических сказаний и народных быличек, что создаёт огромную проблему для отделения их реальных дел от приписываемых им народной молвой качеств и поступков. В свою очередь, полулегендарные сказания о деяниях этих правителей содержат множество параллелей с библейской традицией **[9, p. 419-420]**. Смеем предположить, что эта обычная для устного фольклора типизация качеств идеального правителя была некритически воспринята и последующими творцами письменных биографий короля. Они создавались выпускниками миссионерской школы в Лахаиналуне в конце 1830-х – 1860-е гг. Речь идёт о таких трудах, как "Гавайские древности" Дэвида Мало (около 1840 г.), "Фрагменты гавайской истории" Джона Папа Ии (1866-1870 гг.), "Правящие вожди Гавайев" Сэмюэла Камакау (около 1870 г.) и др. работах. В трудах христианских авторов-гавайцев картина языческой истории предстаёт уже сильно деформированной. Этим объясняется переплетение библейской традиции с историями гавайского прошлого.

Камеамеа (в переводе – "Покинутый", то есть сирота **[5, с. 114]**) родился в селении Кокоики (или Холава?) округа Кохала на острове Гавайи около 1753 г.[1] **[6, с. 88; 16, p. 62-63; 5, с. 46]**. С юных лет мальчик воспитывался у своего дяди Алапаи и его жены Кеаки **[13, p. 3]**. Такой обычай был заведён в отношении детей вождей, состоявших на службе у верховного правителя. Он напоминает тот, что бытовал в средневековой Европе, когда вассал в знак своей верной службы отдавал своих отпрысков на воспитание сюзерену. Одновременно с воспитательной функцией данная практика являлась, по сути, формой заложничества, которая должна была минимизировать вероятность измены вассала. Отношения отца Камеамеа – Кеоуа Купуапаикалани – со своим родственником Алапаи были весьма натянутыми. Согласно версии Папа Ии, будучи в округе Хило, Кеоуа тяжело заболел и, предчувствуя свою скорую смерть, послал за своим старшим сводным братом, Каланиопуу. Между ними состоялся разговор, в котором Кеоуа предостерёг последнего: "Будь осто-

[1] Днём рождения Камеамеа I считается 11 июня, на Гавайских островах это официальный праздник.

http://www.ojkum.ru/

рожен! Алапаи не уважает ни тебя, ни меня – тех, кому он обязан своим высоким положением" **[13, p. 3]**. Кроме того, он попросил брата позаботиться о сыне.

Вскоре между Алапаи и Каланиопуу разгорелась война. Войска последнего потерпели поражение от сына Алапаи – Кеавеопала, в рядах которого самым боеспособным подразделением была дружина Камеамеа. Одержав победу, Кеавеопала не позволил тому совершить ритуальное жертвоприношение пленных богу войны Ку. Считается, что это стало поводом к их серьезной ссоре. В реальности, исходя из существовавшей в древности жесткой ранговой системы Камеамеа, как лицо со сравнительно низким статусом, не имел на это права. Однако поздним авторам этот факт был уже малопонятен. Известно, что в политике нет постоянных друзей, а есть лишь постоянные интересы. Таким интересом для гавайских вождей было стремление к расширению своих владений и объёма власти. По настоянию матери Камеамеа совершил передачу, ваихо анна, своей земли под юрисдикцию Каланиопуу, фактически совершив предательство. После чего принял самое деятельное участие в борьбе с Кеавеопала, в итоге которой тот погиб и на Большом острове воцарился относительный мир.

После смерти матери Камеамеа переселился в округ Кау под присмотр своих каикунане **[18]** – родственников со стороны жены. Этот период жизни вождя оказался, бесспорно, одним из важнейших в его биографии. При дворе он знакомится с сыном Каланиопуу – своим двоюродным братом – Кивалао. Их дальнейшие взаимоотношения во многом повлияют на ход гавайской истории.

Верховные правители регулярно устраивали "потешные" сражения, в которых закалялся дух будущих великих воинов, и шлифовались навыки ведения боя. Камеамеа был постоянным участникам подобных состязаний и почти всегда выходил из них победителем, одерживая верх над противниками, которых вёл в "бой" его кузен Кивалао. Основные приёмы и средства ведения войны на Гавайях в значительной мере отличались от таковых в других районах Полинезии. Развитие военного дела часто обнаруживает связь с условиями среды обитания, но в первую очередь с уровнем социально-экономического развития тех или иных обществ. Так, например, у маори Новой Зеландии на момент открытия островов европейцами, основной была тактика позиционной борьбы, основанная на широком применении фортификации. На Гавайских островах фортификационные сооружения не строились. Единственными укреплениями были так называемые пуухонуа **[18, p. 331]** – убежища, представлявшие собой конструкции цилиндрической формы, для создания которых использовали лаву **[12, p. 134]**. Любые военные действия на территории пуухонуа были запрещены и рассматривались как святотатство. Такие убежища служили единственным местом спасения для населения, бежавшего от войны. Археологические данные по военному делу доконтактных Гавайев невероятно скудны **[15]**, но из исторических и фольклорных источников видно, что война на Гавайских островах была нередким явлением. Отсутствие фортификационных сооружений способствовало тому, что те или иные территории по несколько раз переходили из рук в руки. "Прифронтовые" спорные территории представляли собой полосы без строений. Их границы косвенно указывают на размеры территорий, подконтрольных в разные периоды времени тем или иным верховным правителям.

После того, как на Гавайях сформировались островные вождества[1] военные действия между ними превратились в подобие десантных

[1]Вождество (chiefdom) – форма политической структуры средней степени сложности, занимающая промежуточное положение между простой общиной и государством, в ко-

операций. Так, воины Мауи неоднократно, но безуспешно нападали на Большой остров, и, наоборот. Перед началом вторжения верховный вождь организовывал строительство крупного флота больших боевых каноэ (ваа каулуа), каждое из которых вмещало на свой борт до нескольких сотен человек. Например, Пелеиохолани, верховный вождь Кауаи и Оаху, имел военное каноэ способное взять на борт 160 воинов **[14, p. 240]**. Подобное судно строилось из двух больших деревьев коа, оснащалось палубой и парусом **[10, p. 268]**. Для строительства флота привлекались все зависимые от верховного правителя люди. Окончательное решение о начале крупномасштабных военных действий принималось верховным вождём не единолично, а коллегиально, на совете знатных людей вождества, аха алии.

Традиционная военная технология включала оружие дальнего и ближнего боя **[10, p. 417-464]**. На определённой дистанции, когда ряды воинов были плотно сомкнуты, использовали одночастные копья с фаской, покрытые ланцетником клинки и короткие метательные дротики с нарезанными шипами. При помощи пращей метали небольшие продолговатые камни **[11, p. 282]**. К оружию ближнего боя относились деревянные кинжалы и всевозможные палицы, обычно довольно короткие (менее 50 см в длину); с продетой через рукоять верёвкой и широким наконечником, который мог быть гладким или шершавым, иногда с рифлёным каменным наконечником или рядами акульих зубов. Знаменитые плащи из перьев ахуула и шлемы махиоле, которые вожди надевали во время битвы, с одной стороны играли роль брони; но в то же самое время, привлекали внимание к вождю во время сражения и делали его удобной мишенью.

Вооружения гавайцев предполагали довольно простую тактику боя. Группа воинов сначала должна была преодолеть преграду из летящих коротких копий и метательных камней; далее следовало сражение на пиках, а затем рукопашный бой с применением коротких палиц и кинжалов. Вооружение само по себе носило эгалитарный характер. Его делали из твёрдых пород древесины, добычу которой трудно было монополизировать, а само оружие было простым в изготовлении, следовательно, его обладателем мог быть почти каждый. Преимущество вождей состояло только в личном мастерстве и постоянных тренировках.

Важным качеством любого вождя была удача, которая рассматривалась гавайцами как дар богов. Камеамеа, несомненно, был удачливым вождём. Папа Ии упоминает о многочисленных покушениях на его жизнь, совершённых при помощи колдовства **[13, p. 8]**. Но все они были безрезультатны из-за волшебного фурункула. "У вождя был фурункул. Магия врагов действовала на него лишь до определённого предела, но её было недостаточно, чтобы убить Камеамеа" **[13, p. 8]**.

Согласно источникам, правителя везде сопровождали отважные спутники, названные сыновья, на помощь которых он опирался при восхождении на Олимп власти. Это Камала, Вавае, Папа и Камахаулуае. Любопытно, что их было четверо. Четверка в гавайской традиционной культуре магическое число, во-первых, счет был четверичным (4, 40, 400 и т.п.), во-вторых, верховных богов также было четверо (Ку, Лоно, Кане, Каналоа). Думается, это не простое совпадение. В фольклорных текстах (а жизнеописания Покинутого, на наш взгляд, следует рассматривать

торой уже есть централизованное управление и наследственная иерархия правителей и знати, существует социальное и имущественное неравенство, но ещё нет формального аппарата принуждения и насилия. По степени сложности, количеству уровней принятия решения и численности населения выделяют простые, сложные и суперсложные вождества. В случае с Гавайями указанного периода можно говорить о наличии четырех сложных вождеств островов Кауаи, Мауи, Оаху и Гавайи с численностью населения от 30 до 100 тысяч человек.

http://www.ojkum.ru/

как вариант героического эпоса) числу всегда придается особое значение.

В последние годы правления Каланиопуу вёл войну с Кахекили, который к тому времени присоединил к Мауи острова Кауаи, Оаху и ряд других. Позорное поражение армии с о. Гавайи в сражениях у Калаеокаилио и Каканилуа (о. Мауи) от объединённых сил Кахекили вынудило Каланиопуу вернуться на Большой остров. Полного разгрома удалось избежать лишь благодаря умелым действиям отрядов Камеамеа, Кекухаупио (вождя округа Южное Кона) и вмешательству Кивалао, сына Каланиопуу и племянника Кахекили по линии матери[1]. Его частые поездки к матери на о. Мауи вызывали постоянные нарекания со стороны родного отца. В итоге они сильно поссорились, очевидно, визиты сына к заклятому врагу создавали потенциально опасную в политическом отношении ситуацию. Во всех гавайских источниках Кивалао выступает прямым антиподом Камеамеа, он жаден, груб и непочтителен к старшим. Однако его появление на поле боя в критический для воинов с острова Гавайи момент способствовало прекращению военных действий **[13, p. 11]**.

В 1782 г. в селении Ваиоахукини округа Кау о. Гавайи после тяжёлой болезни скончался Каланиопуу. Согласно традиции, которая с незапамятных времён была причиной кровопролитных междоусобиц, новый правитель должен был разделить земли между младшими вождями своего владения. Всё, что не разделено, оставалось самому верховному вождю. После этого часть выделенной им земли раздавалась жителям своих деревень. Согласно гавайскому обычному праву, каждый правитель делил принадлежавшую ему землю по-новому. Повторяющийся в каждом новом поколении раздел земли вызывал ожесточенные споры и разногласия. Всегда находился кто-нибудь, кто считал, что его обделили. Обиженные вожди начинали войны, которые были логическим следствием того, что к власти приходил новый правитель **[5, с. 115-116]**[2].

После положенного периода траурных церемоний вожди Большого острова собрались в округе Кау на совет по разделу земли. Камеамеа и Кивалао получили по три округа каждый. К первому отошли округа Хамакуа, Кохала и Кона, ко второму – Кау, Пуна и Хило **[13, p. 13]**. Тело усопшего решено было передать в Южное Кона, однако через какое-то время вожди округа Кау изменили своё прежнее решение и пожелали передать останки Каланиопуу в Северное Кона. Такой поворот событий был вызван следующим обстоятельством. Округ Кау был родиной Каланиопуу, именно поэтому совет по разделу земель происходил там же. Этот округ отошёл под юрисдикцию Кивалао, следовательно, младшие вожди Кау могли рассчитывать на территориальные и вытекавшие из этого материальные приобретения. Передав останки верховного вождя на захоронение в округ Кона, они автоматически могли претендовать на часть его земли. Такое решение противоречило интересам Камеамеа и подвластных ему вождей. Несмотря на это, он дал согласие на захоронение останков Каланиопуу в Южном Кона, что было равносильно передаче этой земли вождям Кау, а, следовательно, и Кивалао. Однако вожди

[1] Такие термины родства как "племянник", "дядя" и проч. характерны для близкой нам линейной системы терминов родства. На Гавайях же СТР была генерационной, где термины родства фиксировали лишь поколенные различия. Поэтому Кивалао использовал бы при обращении к своему дяде Кахекили тот же термин, что и в отношении своего родного отца. Линейная терминология используется нами для упрощения понимания родственных связей с точки зрения близкой нам линейной СТР.

[2] Отметим, что смысл подобного дележа состоял в увеличении числа сторонников того или иного верховного вождя. Чем больше у него было клиентов, тем большее войско могло использоваться им во внутриполитической борьбе.

Кау получив малое, пожелали большего и распространили свои притязания на весь округ. В результате вспыхнул мятеж и на этот раз Камеамеа счёл возможным его возглавить. Войска Кивалао были разгромлены в сражении близ селения Мокуохаи, но до окончательной победы было ещё далеко. В целом, перевес был на стороне оппонентов будущего объединителя Гавайских островов. Со смертью Кивалао Большой остров оказался расколотым на три части. Власть в округе Кау наследовал брат Кивалао, Кеоуа, а в Пуне верховным вождём был Кеаве-мау-хили. Они объединили свои силы для борьбы с Камеамеа и заключили союз с Кахекили. Последний в 1783 г. перенёс свою резиденцию на недавно завоёванный о. Оаху. В его владения в это время входили также острова Молокаи, Ланаи и Кахулави. Кроме того, Кахекили помог прийти к власти на о. Кауаи своему родственнику **[6, с. 50]**. Установив прямой или косвенный контроль над всеми, кроме Большого острова, территориями Гавайского архипелага, Кахекили первым вплотную приблизился к объединению всего архипелага в составе единого политического образования.

В борьбе с ним на помощь Камеамеа пришли гавайские боги и европейское оружие. Возможно, именно эти события заставили правителя Пуны, Кеаве-мау-хили, отказаться от проведения собственной политики. Условием их "дружбы" стала помощь в войне с вождями о. Мауи, которая состояла как в снабжении войск провиантом, так и в непосредственном участии ближайших родственников в военной кампании **[14, p. 147]**. В ответ Кеоуа нанёс упреждающий удар. Воспользовавшись благоприятной тактической обстановкой, он двинул карательную экспедицию в округ Кохала и сопредельные с ним территории. Вторгшиеся войска вытаптывали поля таро, разрушали дамбы оросительных систем, грабили и убивали местное население. Такая жестокость обуславливалась стремлением вождей Кау подорвать экономическую базу своего соперника.

Весть о погромах в Кохале дошла до Камеамеа во время пребывания на острове Молокаи **[14, p. 152]**. Он спешно вернулся и в долине Коапана дал бой войскам противника. Его воины были вооружены мушкетами, обращаться с которыми их обучали англичане Дэвис и Янг, имелось и ещё одно устрашающее оружие, доселе не использовавшееся гавайцами – пушка. Однако воинам Кеоуа удалось отбить мушкеты и пушку, и если бы в их рядах оказались те, кто умел обращаться с европейским оружием, армия Камеамеа потерпела бы сокрушительное поражение. Но этого не произошло. Отступив в Хило и проведя перегруппировку войск, Кеоуа двинулся в округ Кау. И тут случилось событие, повлиявшее на весь ход кампании. Двигаясь вдоль подножия вулкана Килауэа, армия Кеоуа оказалась в эпицентре извержения и почти полностью погибла. Лучшего Камеамеа и желать не мог, вмешательство стихии имело огромное психологическое значение. На о. Гавайи, в краю, где извержения вулканов были настоящими бедствиями и проходили с завидным постоянством, особо почиталась богиня Пеле, рыжеволосая, красноглазая женщина, повелевавшая этой стихией. Гибель противников Камеамеа стала знамением того, что богиня на его стороне. После этого чуда, следуя совету прорицателя с о. Кауаи, Камеамеа воздвиг святилище Пуу-кохола, огромный храм, посвящённый богу Ку. Освещён же он был кровью самого Кеоуа. Потеряв свою армию, тот не оставил надежды поквитаться с обидчиком. Удобный случай к продолжению войны представило ответное вторжение в 1791 г. на о. Гавайи войск Кахекили. Одержав частичную победу над Камеамеа, Кахекили двинул огромное войско на о. Гавайи, оставив тыл на попечение своего сына Каланикупуле. В результате этого опасного в тактическом плане хода он потерпел поражение. С одной стороны, так и не сумев нанести сокрушительного удара по войскам Камеамеа на о. Гавайи, а с другой, значительно

ослабив свои позиции на о. Мауи, где ещё продолжала оставаться часть экспедиционного корпуса Камеамеа, который ударил прямо в сердце владений Кахекили **[13, p. 14]**. Эти поражения в корне изменили расклад сил. Кеоуа понимал, что в отсутствие союзников, противостоять "мятежнику из Кохалы" будет практически невозможно, и был приятно удивлён, когда к нему пришли послы с предложением заключить мир и принять участие в освящении храма в Каваихаэ. Всегда осторожный Кеоуа на этот раз принял предложение Камеамеа, возможно, потому, что понимал, насколько шатким стало его положение, либо в надежде на милость. В сопровождении лишь небольшого отряда телохранителей, Кеоуа прибыл в Каваихаэ. По пути следования советники неоднократно предлагали ему отказаться от визита и убить послов врага, но верховный вождь Кау категорически отказался следовать этим советам, говоря: "Их нельзя убивать, ибо они младшие братья моего отца" **[14, p. 155]**. Накануне он молился, с утра приказал сесть в свою лодку только самым знатным и приближённым вождям, верным боевым соратникам, а всё оружие передать в лодку послов. Как только Кеоуа сошёл на берег, он был пронзён пущенным в него копьём, с берега открыли ураганный огонь из мушкетов. Почти все спутники Кеоуа погибли. Тем, же, кому чудом удалось спастись, была дарована жизнь. Сбылось пророчество: "Война на о. Гавайи прекратится, когда некто придёт и будет возложен на алтарь храма Пуу-кохола" **[14, p. 157]**. Так завершилось объединение Большого острова под властью Камеамеа, который поступил мудро, помиловав жителей Кау. По свидетельствам С.М. Камакау, ещё в середине XIX в. старики округа Кау в память о любимом вожде Кеоуа пели удивительную по красоте и силе песню:

Мой повелитель дождя в Хаао,[1]
Дождь усиливается,
Падает в горах Ауаулеле,
Капли дождя разносятся ветром.
Дождь идёт над скалами,
То слёзы по моему вождю
Падают на людские головы.

Смерть Кеоуа нанесла удар по попыткам создания широкомасштабной коалиции против Камеамеа. Отдельные бунты в его владениях происходили и в это время. Так, известно о крупном выступлении вождя Намакехи в округе Хило в 1798 г., в результате которого Камеамеа был вынужден вновь вернуться с Оаху на Гавайи для подавления мятежа. Но это и подобные ему выступления уже не могли оспорить несомненное военное и политическое превосходство "гавайского Наполеона".

В 1794 г. умер Кахекили, в том же году Камеамеа спешно создаёт флот военных каноэ (пелелеу), а в следующем году состоялось сражение в Нууану (о. Оаху), в ходе которого войска с островов Мауи и Оаху были полностью разгромлены. К этому времени в армии Камеамеа уже активно использовались западные вооружения и тактика боя. В результате этой победы были завоеваны сразу четыре острова архипелага – Мауи, Оаху, Молокаи и Ланаи.

В 1796 г. Камеамеа выступил в поход против последнего независимого верховного вождя гавайского архипелага, правителя островов

[1] Уа Хаао – название сезонных дождей в Кау, после которых весь округ буквально расцветает. Сравнение дождя со слезами по убитому вождю – прекрасный образец сложного символизма гавайской поэзии. Как после дождей вся земля покрывается пышной растительностью, несущей мир, так и смерть Кеоуа стала жертвой, которую тот принёс, чтобы на Гавайях воцарился мир.

Кауаи и Ниихау, Каумуалии. На этот раз гавайские боги отвернулись от Камеамеа. Его "Великая армада" попала в сильнейший шторм, в результате чего весь флот затонул. Одновременно с этим на о. Гавайи вспыхнули мятежи. Камеамеа осознал, что кампания против Каумуалии потребует более длительной и основательной подготовки. Шесть лет он провёл на о. Гавайи, готовясь к новой войне. В конце 1803 – начале 1804 гг. вновь созданный флот достиг о. Оаху. И здесь разыгралась очередная трагедия – неожиданно вспыхнула эпидемия холеры (окуу), которая уничтожила почти всю армию завоевателя. В очередной раз боги спасли Каумуалии от верного поражения. Две неудачи не сломили желания Камеамеа установить контроль над всем архипелагом, и он, в который уже раз, с утроенным упорством стал готовиться к новой экспедиции.

Однако около 1810 г. Каумуалии решил, что очередное, третье по счёту вторжение Камеамеа, неминуемо приведёт последнего к победе. Альтернативе сражаться и умереть, Каумуалии предпочёл заключение вечного мира с Камеамеа **[13, p. 15]**. Договор двух вождей состоял в признании абсолютного суверенитета Камеамеа над Кауаи и Ниихау. В ответ он обязался гарантировать Каумуалии пожизненное правление в своих бывших владениях, однако, с его смертью, распоряжаться вышеозначенными островами сможет один лишь Камеамеа или его приемник. До конца своих дней Каумуалии не оставлял надежды добиться полной независимости. Не случайно, что в 1816 г. Каумуалии так легко поддался на уговоры представителя Российско-американской компании доктора Георга Шеффера передать свои владения под юрисдикцию русского царя Александра I в обмен на военную помощь в борьбе против Камеамеа. Однако, поняв, что компетентность доктора в политических вопросах была чересчур им преувеличена, быстро переметнулся на противоположную сторону **[3]**. Не снискав военной славы, он всё-таки сумел уберечь свои владения от тотального разорения. Ю.Ф. Лисянский, посетивший Гавайские острова летом 1804 г., отмечал, что о. Кауаи выглядит менее разорённым, нежели о. Гавайи **[4, с. 187]**.

Обратимся теперь к причинам успехов Камеамеа, которые условно можно разделить на объективные и субъективные. К числу причин первого рода следует отнести экономико-географический фактор. П. Кирх выделял два пути интенсификации традиционной экономики Гавайев: западный и восточный. Западные острова располагали естественными условиями для развития ирригационных комплексов, тогда как восточный остров, Гавайи, наоборот, имел сравнительно неразвитую речную сеть, что в значительной степени ограничивало развитие ирригации. Показательно также, что вожди Большого острова очень рано стали развивать интенсивное неорошаемое земледелие. Иными словами, ресурсные ограничения толкали их на развитие богарного земледелия, но лишь с той целью, чтобы иметь средства для проведения завоевательной политики **[12, p. 78-79]**. Известно, например, что земледельцы с о. Гавайи, накануне вторжения на Оаху в 1804 г., охотно покидали свои наделы, чтобы принять участие в военной экспедиции, скорее всего желая получить земельный надел на плодородном западном острове **[15, p. 85]**.

Что касается войн с конкурентами на Большом острове, то здесь влияние географического фактора прослеживается также чётко. Камеамеа достались три западных округа острова. По сравнению с другими эти районы более плодородны и имели больше гаваней, пригодных для швартовки иностранных судов. Наличие естественных гаваней и относительная близость к морским маршрутам европейцев способствовали более частым контактам. Из этого вытекало, пожалуй, самое важное следствие – широкий доступ к военно-технической помощи иностранцев. По описаниям европейских мореплавателей экономика больших западных

островов (кроме о. Кауаи) пребывала в плачевном состоянии, вследствие непрерывных войн с Камеамеа, который, в свою очередь, постоянно старался перевести военные действия на территорию противников. "Они (Камеамеа и его сподвижники – Ю.Л.) решили наладить дружественные отношения с капитанами иностранных судов, чтобы, во-первых, по возможности предотвратить столкновения, в которых все преимущества были на стороне чужеземцев, и, во-вторых, добыть побольше огнестрельного оружия, необходимого как для завоевания всего архипелага, так и для последующей его защиты от хаоле" **[7, с. 16]**.

К субъективным причинам успехов легендарного правителя следует отнести его личные качества выдающегося воина и умелого хозяйственного руководителя. Нельзя также снимать со счетов идеологическое превосходство. Несмотря на то, что в начале своего восхождения к власти он ничем не отличался от обычных бунтарей, недовольных земельным переделом, впоследствии Камеамеа смог стать выше усобиц и заявить о себе как о лидере всех гавайцев. Необыкновенное уничтожение огромной армии противника в ходе извержения вулкана, в глазах гавайцев также стало свидетельством того, что боги выступают на стороне "мятежника из Кохалы". На вновь присоединённых землях он всемерно старался восстанавливать и развивать разрушенное хозяйство. Происходила удивительная вещь, местное население, за редким исключением, признавало не только силу нового правителя, но и ощущало разницу в правлении прежних вождей и новой власти.

По воспоминаниям Джорджа Ванкувера, Камеамеа сильно изменился с момента их первой встречи в 1778 г., когда Ванкувер заходил на Гавайи в составе экспедиции Кука. Вторая их встреча (в 1793 г.) произвела на него сильное впечатление: "По описанию капитана Кинга и даже несколько по собственному воспоминанию, я полагал увидеть в сем Владетеле самую дикую наружность, какую только можно встретить между жителями сих стран, но напротив того я нашёл, что зрелые годы смягчили ту разительную жестокость, коею отличался он в своей молодости и что нынешняя его наружность возвещала расположение его к откровенности, чувствительности и весёлости" **[1, с. 218-219]**.

Постепенно Камеамеа взял на себя функцию защиты иностранцев от посягательств со стороны местного населения и полностью монополизировал контакты местной знати с чужаками. "Камеамеа заботился о безопасности иностранцев, чтобы те учили его обращаться с мушкетами, которые были основным объектом его желаний. Шла война между тремя правителями острова Гавайи, а также между вождями о. Гавайи и о. Мауи. Именно благодаря мушкетам и иностранным инструкторам Камеамеа сумел в короткие сроки привести все Гавайские острова под своё правление" **[14, p. 146]**.

Как видно, помощь короля была не бескорыстной. От всех иностранцев он требовал непременного соблюдения трёх условий. 1. Не входить в гавайские храмы и святые места. 2. Пускать к себе на корабль только главных гавайских начальников. 3. Путешествовать по острову только в сопровождении людей Камеамеа и по предварительному о том сообщению **[1, с. 238-239]**.

На первых порах эти условия были приемлемы для иностранцев, и, более того, выгодны. Ю.Ф. Лисянский отмечает, что во владения Камеамеа заходило ежегодно от 10 до 18 судов, тогда как к верховному правителю Кауаи европейские суда почти не заходили **[4, с. 184]**. К 1804 г. на службе у Камеамеа состояло уже 50 европейцев **[4, с. 190]**, тогда как у главного на тот момент конкурента, Каумуалии, только пять **[4, с. 185]**. Гавайцы также охотно поступали на службу на европейские суда и обучались ремёслам. Посетивший в 1818 г. Гавайские острова капитан

"Камчатки" В.М. Головнин отмечал прогресс гавайцев во всех западных ремёслах, так что они запросто могли построить своими силами восемнадцативёсельный катер европейского образца **[2, с. 212]**. Вместе с благами приходили и пороки западной цивилизации – алкоголизм, неизвестные ранее инфекционные заболевания, воровство и стяжательство. Однако самым опасным для традиционного социального уклада гавайцев было медленное, но верное разрушение местной религии, которая служила стержнем всех общественных отношений.

Стоит отметить, что король Камемаеа I до конца своих дней оставался верен обычаям предков. В мае 1819 г. его не стало, похороны прошли в соответствии с древним ритуалом. Он лишь завещал не приносить ему человеческих жертв. Почти сразу после смерти случилась культурная революция, старые боги были свергнуты и острова подверглись христианизации. Преемники короля попали в экономическую зависимость от иностранцев. С депопуляцией коренного населения и волнами мигрантов из Азии, США и Европы местные правители постепенно утратили власть. Аккультурация выработала новую систему моральных релятивов, причем, быстрее всего вестернизировалась элита. Жизнь на Гавайях изменялась стремительно. В споре великих держав за Гавайский архипелаг победу одержали вышедшие к Тихому океану США. Со временем, ставшая бутафорской местная монархия, была упразднена, и Гавайи лишились остатков суверенитета.

Реальный Камеамеа был сыном своей земли и своей эпохи, он мыслил и поступал как традиционный правитель. "Сирота" – это не только имя, но и концепт власти, парадоксально лишь то, что и в истории страны он остался одиночкой. Жить с опорой на традиции и при этом быть равноправным и независимым – это ли не идеал большинства стран, переживших колониализм? Добавим только, что если и возможен сегодня гавайский национализм, то лишь как культурное "индепендентство", символом которого навсегда останется "Мятежник из Кохалы".

◆

Литература

1. Ванкувер Г. Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света, совершённое в 1790, 1791, 1792, 1793, 1794 и 1795 годах капитаном Георгием Ванкувером. Ч.2. СПб: Морская типография, 1828. 453 с.

2. Головнин В.М. Путешествие на шлюпе Камчатка. М.: Мысль, 1965. 360 с.

3. Латушко Ю.В. "Русские" Гавайи // Россия и АТР. 2002. №3. С. 131-136.

4. Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах по повелению его императорского величества Александра I на корабле Неве под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I ранга и кавалера Юрия Лисянского. Ч. 1. СПб: Типография Ф. Дрехслера, 1812. 460 с.

5. Стингл М. Очарованные Гавайи. М.: Наука, 1983. 332 с.

6. Тумаркин Д.Д. Вторжение колонизаторов в край вечной весны. Гавайский народ в борьбе против чужеземных захватчиков в к. XVIII – н. XIX вв. М.: Наука, 1964. 191 с.

7. Тумаркин Д.Д. Гавайский народ и американские колонизаторы 1820-1865 гг. М.: Наука, 1971. 443 с.

8. Этнические гавайцы требуют особых прав [Электронный ресурс]. URL:

http://www.russian-hawaii.ru/?div=6&i=369 [Дата обращения: 12.11.2008].

9. Barrere D. B. Cosmogonic Genealogies of Hawaii // Journal of the Polynesian society. 1961. Vol. 70. №4. P. 419-428.

10. Buck P.H. (Te Rangi Hiroa) Arts and crafts of Hawaii. Honolulu, 1957. 606 p.

11. Cook J. The Journals of Captain James Cook on his Voyages of Discovery: III. The Voyage of the Resolution and Discovery 1776-1780. Cambridge, 1967. 442 p.

12. Earle T.K. How chiefs come to power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997. 220 p.

13. Ii J.P. Fragments of Hawaiian history. Honolulu, 1959. 200 p.

14. Kamakau S.M. Ruling Chiefs of Hawaii. Honolulu, 1961. 440 p.

15. Kirch P.V. The Evolution of the Polynesian Chiefdoms. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 384 p.

16. Kuykendall R.S. A History of Hawaii. N.Y.: The Macmillan Company, 1927. 357 p.

17. Malo D. Hawaiian antiquites (Moolelo Hawaii). Honolulu, 1951. 250 p.

18. Pukui M.K. and Elbert S.H. Hawaiian-English Dictionary. Honolulu: University of Hawaii Press, 1961. 361 p.

УДК 323.396(71)

Е.С. Симоненко

Канадская политическая элита и англо-бурская война 1899 – 1902 гг.

The Canadian political society and English-Boer war in 1899-1902

В конце XIX в. британское политическое и военное руководство разработало широкомасштабную политику имперской обороны, важной составляющей которой стало привлечение белых переселенческих колоний к участию в войне на стороне метрополии. Одна из главных задач этой политики заключалась в том, чтобы в случае войны, при отсутствии союзников из числа других великих держав, Англия могла бы получить в лице Канады, самого большого и процветающего доминиона, полноценного военного партнера. Еще задолго до начала большой европейской войны эта концепция была апробирована в локальной колониальной войне с бурскими республиками.

Ключевые слова: *англо-бурская война, Британская империя, внешняя политика, Канада, политическая история.*

◆

In the end of XIX century, the British political and military management developed the large-scale policy of imperial defense and the attraction of white colonies to participation in this war on the motherland part became one of the important components. One of the main tasks of these policy consisted in that in case of war, at absence of allies from among other great powers, England could receive on behalf of Canada, the biggest and prospering dominion, the high-grade military partner. Long before the beginning of the big European war this concept was approved in local colonial war with Boer republics.

Key words: *the Boer war, British Empire, foreign policy, Canada, political history.*

Участие канадских контингентов в англо-бурской войне является важной страницей не только канадской военной, но и политической истории, позволяющее судить о существенных аспектах британских внутриимперских отношений, сложившихся к началу XX столетия. С точки зрения имперского видения проблемы участие доминиона в англо-бурской войне стало "пробным шаром" широкомасштабной политики вовлечения белых подконтрольных территорий в коллективную оборону Британской империи, в которой Канаде отводилась почетная ведущая роль. Что касается Канады, то участие доминиона в имперской войне на стороне метрополии затрагивало такие важные вопросы канадской политической действительности как степень зрелости канадской государственности и уровень имперской лояльности политического руководства и населения доминиона.

На протяжении XIX в. Британия планировала и проводила во-

http://www.ojkum.ru/

енные кампании в Индии, Египте, в Гонконге, на афганской границе, однако канадское участие в них даже не дискутировалось. По этой причине, в период назревания войны ни канадское правительство, ни канадская общественность специально не следили за событиями в Южной Африке, которые казались слишком отдаленными и не затрагивающими канадских интересов. Между тем, к концу XIX в. рост морских амбиций великих держав в условиях политики "блестящей изоляции", проводимой Англией, создавал угрозу британскому морскому превосходству и безопасности всего имперского пространства. В данных обстоятельствах, Канада, располагая огромным потенциалом, а главное возможностью его эффективного использования в интересах империи, могла стать союзником метрополии и значительно усилить ее мощь. Эта теория была успешно протестирована, например, в ходе имперского конфликта в Судане в 1885 г. Кроме того, обеспечение безопасности всего имперского пространства требовало огромных финансовых затрат, и поддержка со стороны колонии, могла покрыть дефицит бюджета и стабилизировать социальную обстановку в стране.

По этим причинам, представители британской политической элиты стали оказывать давление на "британское" руководство доминиона, с тем, чтобы заручиться их поддержкой. Так, когда ойтландеры отправили петицию Королеве с жалобой на притеснения со стороны буров, генерал-губернатор Канады лорд Минто в письме от 2 мая 1899 г. объявил премьер-министру У. Лорье о том, что на него с британской стороны оказывается косвенное давление, чтобы Канада официально выразила симпатию "этим лишенным гражданских прав британским подданным". Между тем, генерал-губернатор осторожно заметил, что удовлетворение данного требования достаточно несвоевременно в условиях отсутствия информации об официальной позиции имперского правительства. Ситуация вскоре прояснилась. 3 июля 1899 г. Дж. Чемберлен, имперский министр по делам колоний, отправил Минто секретную телеграмму, спрашивая, готов ли доминион в случае войны в Южной Африке по собственной инициативе отправить отряды добровольцев без внешнего давления со стороны метрополии. Для британских властей "спонтанное" предложение воинского контингента со стороны Канады имело не только военное, но и политическое значение, подтверждая теорию имперских федералистов о том, что существование внутри имперской структуры автономных владений не является поводом усиления центробежных тенденций и, в конечном счете, распада имперского образования. Наоборот, участие автономных владений Короны в имперских конфликтах может привести к созданию нового политического образования внутри империи – имперской федерации.

Генерал-губернатор Канады получил послание Дж. Чемберлена только в середине июля 1899 г., когда ситуация в Южной Африке стабилизировалась: президент Трансвааля П. Крюгер сделал несколько уступок в адрес британского правительства. Однако Минто склонялся к той мысли, что затишье носит лишь временный характер и необходимо ждать ухудшения обстановки. Генерал-губернатор надеялся, что в случае войны Канада первая из автономных владений Короны, предложит Британии помощь. С другой стороны, он понимал трудность такого шага. Политическая обстановка в доминионе была такова, что премьер-министр Канады У. Лорье перед лицом квебекской оппозиции не согласился бы отправить канадские отряды в Южную Африку.

Тем не менее, события лета 1899 г. поставили перед кабинетом У. Лорье вопрос о степени участия канадских контингентов в южноафриканских событиях в практической плоскости. Поиск корректного ответа привел к расколу канадского правительства. Квебекское крыло во

главе с министром общественных работ Исраэлем Тартом находилось в сильной оппозиции по вопросу отправки отрядов, в то время как англоговорящие министры Онтарио и морских провинций Канады одобряли эту акцию. На данном этапе парламентской борьбы премьер-министр поддерживал своих французских коллег. Однако и у англо-говорящей части правительства нашлись свои сторонники.

Одним из наиболее влиятельных лоббистов отправки отрядов стал Дж. Дэвис Аллен – агент Южноафриканской имперской ассоциации ойтландеров Джоаннесбурга, прибывший по инициативе Сесиля Родса в Оттаву к концу парламентской сессии 1899 г. Дж. Дэвис Аллен организовал среди членов парламента комитет ассоциации, в который ввел по нескольку представителей от каждой из политических фракций. Помимо них в комитет вошли "тори, сенаторы, члены Палаты общин, настоящие и будущие министры Короны" **[4, p. 36]**. На следующий день он дал интервью в "Монреаль Стар", говоря, что "прибыл в Канаду с целью заинтересовать канадцев в южноафриканском вопросе и показать им, что как члены империи они имеют прямой интерес в Ю. Африке" **[4, p. 36-37]**. Неделю спустя он представил свои тезисы премьер-министру, лидеру оппозиции и представителям обеих палат парламента, убеждая их в том, что требования ойтландеров справедливы. Доводы Дж. Д. Алена показались политическому руководству страны небезосновательными и 31 июля 1899 г. канадский парламент пропустил резолюцию, одобряющую британскую позицию в Ю. Африке. Однако в ней ничего не говорилось об отправке канадских отрядов **[4, p. XXXII]**. У. Лорье направил генерал-губернатору копию парламентского решения с припиской, гласившей, что Британия в случае войны не должна ни просить, ни ожидать отправки канадских отрядов в Южную Африку. В свою очередь Минто заявил, что в Англии такая проблема не стоит на повестке дня, и вряд ли будет поставлена в будущем. Между тем, личная и официальная точки зрения генерал-губернатора по вопросу участия доминиона в войне не совпадали. Статус британского чиновника, находящегося на службе Его Величества, подразумевал только положительное решение вопроса. С другой стороны, занимая пост генерал-губернатора, он обязан был защищать канадские интересы. Так или иначе, в письме от 28 сентября 1899 г., адресованному брату Артуру, он усомнился в необходимости отправлять отряды для участия в имперской войне и тратить деньги в условиях отсутствия прямой угрозы имперской безопасности **[9, p. 29-30]**.

Между тем, действующий канадский министр милиции Фредерик Борден планировал в частном порядке отправить канадский контингент под командованием британского генерала Э. Хаттона, занимавшего пост командующего канадской милицией. В сентябре 1899 г. Ф. Борден упомянул о своем намерении в разговоре с У. Лорье, однако получил однозначный упрек: "Я не одобряю эту схему" **[13, p. 11]**. Несмотря на противодействие У. Лорье, проблема продолжала активно обсуждаться среди офицерского состава милиции, консервативной оппозиции и сторонников имперской централизации. Немаловажную роль в дестабилизации обстановки сыграла и англоязычная пресса. Гамильтонский "Спектейтор" утверждал, что буры подорвали динамитом поезд с британским беженцами, среди которых находились только женщины и дети. По мнению канадского историка, специалиста по англо-бурской войне Роберта Пейджа, эта история, напечатанная в "желтой прессе", была далека от истины, но воспламенила общественное мнение и увеличила давление со стороны сторонников отправки контингента **[13, p. 11]**. Так, один из высших офицеров канадской милиции Сэм Хьюз предложил без парламентской санкции сформировать батальон и отправить его для службы в Южную Африку. Однако потерпел неудачу. Глава консервативной пар-

http://www.ojkum.ru/

тии Чарльз Таппер обвинил либералов в нелояльности, в медлительности и нерешительности в ходе обсуждения вопроса отправки воинских контингентов в Южную Африку. Канадские сторонники централизации империи, группировавшиеся вокруг Лиги имперской федерации, действовавшей в стране с 1884 г., а также ультра-патриоты развернули шумную кампанию имперской солидарности. Ряд англо-канадских газет призывал записываться добровольцами в Южную Африку еще до того, как британское правительство в октябре 1899 г. разослало телеграммы доминионам и колониям о желательности присылки своих войск **[2, с. 112]**. "Монреаль Стар" сделала запросы и получила телеграммы от мэров почти всех англоязычных городов доминиона, подтверждающих предложение отправить военную помощь соотечественникам в Южную Африку. "Торонто Глоб", главный печатный орган либералов Онтарио также поддержал предложение, и вскоре вся страна от Галифакса до Ванкувера испытала небывалый подъем, которого не наблюдалось, по словам активного члена Лиги имперского федерации Дж. Хопкинса, со времени Северо-западного восстания 1885 г. **[10, p. 571]**

Широкомасштабная кампания имперской лояльности активизировала деятельность оппозиции. Франко-канадские националисты во главе с Анри Бурасса выступили против участия канадских контингентов в англо-бурской войне, считая, что она не затрагивает канадских интересов. Последний заявил, что действия правительства создают опасный прецедент и должны быть пересмотрены. Бурасса считал, что "это первый случай участия Канады в имперской войне, и что парламент должен быть поставлен в известность относительно столь радикального и нового отклонения от политики" **[6, vol. 1, p. 232]**. В 1902 г., оценивая прошедшую войну, он написал: "Британский империализм в противоположность британской демократии, британским традициям, британскому великолепию – это жажда земли, захват и вооружение доминионов. Приняв на себя больше обязанностей, чем она способна выдержать, окруженная вражескими или нейтральными нациями, Новая Британия мистера Чемберлена испытывает ненасытную потребность в солдатах и моряках, чтобы подпереть структуру, созданную его неистовыми амбициями. Лишенная отрядов дома, она в бедствии повернулась к колониям" **[11, p. 210]**. По инициативе Бурасса свыше 5 тысяч представителей от 100 тауншипов Квебека подписали петицию против англо-бурской войны и участия в ней Канады **[2, с. 112]**. А сам он в знак протеста подал в отставку, но вскоре был переизбран. Критикуя позицию, занятую канадскими националистами, Элизабет Армстронг писала: "Когда светская власть Римского папы оказалась под угрозой в 1870 г. множество франко-канадцев помчались за границу, чтобы завербоваться в шеренги папских зуавов для защиты Рима против сил новой Италии", хотя события, происходившие в Италии, также не затрагивали канадских интересов **[3, p. 25]**.

У. Лорье выразил сожаление по поводу отставки А. Бурасса. Он отказывался публично атаковать франко-канадского лидера, в надежде, что последний изменит свою позицию, ведь, по его мнению, оппозиция А. Бурасса была не "конституционной", а "идеологической". Даже если парламент был бы распущен, он остался бы в оппозиции участия **[13, p. 17]**. Позиция премьер-министра по отношению к франко-канадским националистам и лично к их лидеру сделала его чрезвычайно непопулярным в англо-говорящей Канаде. Там расценили его молчание как одобрение высказываний и действий А. Бурасса. Так, один из эпизодов красочно описал Роберт Пейдж в своей книге "Англо-бурская война и канадский империализм". В ходе публичного выступления А. Бурасса на собрании в Монреале, из задних рядов послышалась реплика: "Ах,

но солнце никогда не спустится на славу Британской империи". Оратор размышлял секунду и коротко сказал в ответ: "Это только доказывает, что даже Бог не доверяет британцам в темноте" **[13, p. 17]**.

В эмоциональном аспекте англо-бурской войны многие канадцы не могли ни простить, ни забыть такую непочтительность к империи. Так, близкий друг У. Лорье редактор "Торонто Глоб" Джон Уиллисон писал с горечью: "…это прискорбно, что мистер Тарт, кажется, ведет правительство в этом вопросе" **[13, p. 13]**. Англо-канадские сторонники имперской интеграции также приводили множество аргументов в пользу отправки канадцев в Ю. Африку. Федеральный министр юстиции Дэвид Миллс в своей книге "Англичане в Африке", изданной в 1900 г., подчеркивал, что доминионы должны были продемонстрировать "моральную стойкость" для сохранения империи. Другие считали, что Британия потратила около 55 млн. долларов на оборону канадской территории, и доминион просто обязан помочь ей в Ю. Африке. Третьи видели в этом определенные экономические выгоды. Один канадский журналист написал: "у Канады есть экономические причины позаботиться, чтобы британские идеалы преобладали в Южной Африке. Сейчас наши промышленники стали искать иностранные рынки, и в соответствие с рациональным правилом Британии, интенсивное торговое развитие ждет там Канаду. Отправка отрядов усилит канадский коммерческий потенциал: чем шире империя, тем шире рынок для канадских товаров" **[13, p. 17]**.

Премьер-министр Канады Уилфрид Лорье защищал свою позицию от атак с обеих сторон. Он допускал, что население доминиона не заинтересовано в войне и откладывал решительные действия до тех пор, пока общественное мнение явно не склониться в ту или другую сторону. Премьер-министр выступал против сотрудничества по имперским мотивам, однако согласился на участие в войне, чтобы сохранить национальную солидарность в стране. Он заявил: "Есть люди, которые будут выступать против нашей политики по разным мотивам. Существуют те, кто верит, что мы делаем недостаточно. Те, кто чувствует, что мы делаем слишком много, или те, кто чувствует, что мы не должны вообще ничего делать. С этим вопросом мы обратились к национальной совести Канады, мы обратились к тем, кто гордиться своим империализмом, но просим их быть не более имперскими, чем имперское правительство в Оттаве" **[6, vol. 1, p. 235]**. В ходе дебатов он сформулировал доктрину неограниченного права Канады решать вопрос об участии в войнах, которые ведет Англия. Доктрина Лорье предполагала право канадского парламента решать вопрос о формах практического участия страны в имперских войнах. Поддерживая заявление одного из членов парламента Ричарда Кордвейта, он сказал: "Если нас вынудят принимать участие во всех войнах Великобритании, я, не колеблясь, скажу, что согласен с моим уважаемым другом – разделив бремя, мы также должны разделить ответственность" **[6, vol. 1, p. 236]**. Под ответственностью понималось участие в принятии решений. Доктрина Лорье явилась симптомом серьезного политического кризиса империи. Новые условия требовали пересмотра всех оснований имперского строя. Она показала, что прежняя точка зрения на империю невозможна. Традиционное воззрения на колонии как на нечто подчиненное, должно быть раз и навсегда оставлено. Колонии были слишком самостоятельны и открыто заявляли об этом при всяком удобном случае **[1, с. 411]**.

3 октября 1899 г. министр по делам колоний телеграфировал колониям благодарность за согласие отправить отряды, снабдив ее детальными инструкциями по организации военных контингентов. Таким образом, Канада получила благодарность за предложение, которого она никогда не делала. Канадский генерал-губернатор отправил ответную

телеграмму, составленную в нейтральных терминах, суть которой была напечатана в "Таймс", а затем перепечатана канадской прессой. Спустя несколько дней после отправки телеграммы, "Канадиэн Милитари Газетт" без консультации с уполномоченными экспертами разместила на своих страницах информацию о том, что правительство предложило отправить контингент в Ю. Африку **[15, vol. 2, p. 93]**. 4 октября премьер-министр дал публичное опровержение данному сообщению в интервью "Глоб", назвав его выдумкой журналистов: "Война еще не была объявлена, Ю. Африка не угрожала Канаде, парламент находился в отпуске, деньги не были предоставлены, контингент не был предложен" **[9, p. 31]**. Данный инцидент был не единственным. 29 сентября по сообщению Дж. Пейджа "Глоб" категорически заявила, что отправка контингента "вероятна", а 3 октября подробным образом прокомментировала, как канадские отряды должны были быть организованы "от полковника до барабанщика", и что "их отправка стала бы национальной декларацией канадской опоры Британской империи" **[5, p. 88]**. За несколько дней до начала войны 2 октября в Торонто состоялось большое собрание офицеров милиции, на котором единодушно было принято предложение, сделанное подполковниками Джоржем Дэнисоном и Джеймсом Мэсоном. Офицеры считали, что Канада обязана внести вклад в общую оборону империи, учитывая события в Ю. Африке, и отправить туда контингент, сформированный из представителей канадской милиции. На следующий день премьер выразил мнение, что эта акция неконституционна, так как офицеры требуют отправить контингент без одобрения парламента **[10, p. 570]**.

Позиция У. Лорье в дальнейшем была осложнена и давлением из Лондона. Дж. Чемберлен был раздражен тем, что в отличие от австралазийских колоний Канада отказалась отправить контингент в Ю. Африку. Генерал-губернатор лорд Минто также оказывал определенное воздействие на Лорье. Реальные мотивы Дж. Чемберлена прояснились, когда он отправил секретные инструкции Минто. Он желал создать прецедент для будущих колониальных вкладов в имперские войны, которых У. Лорье как раз и хотел избежать. 7 октября У. Лорье отправился в Чикаго на встречу с американским президентом У. Мак-Кинли. В ходе поездки, вспоминал близкий друг премьер-министра Дж. Уиллисон, канадская делегация обсуждала имперские обязательства Канады и политические последствия отказа отправки канадских воинских контингентов в любой фазе войны. Лорье называл южноафриканскую войну не иначе как "мелким племенным конфликтом" и считал, что в такой войне помощь Британии со стороны доминиона не требуется. Однако он не отрицал имперские обязательства Канады в случае большой войны, угрожавшей безопасности и целостности империи. 11 октября, когда канадская делегация возвращалась на поезде в Канаду, стало известно, что Британия отклонила ультиматум буров и объявила им войну. Перед тем как покинуть поезд в Торонто Дж. Уиллисон настаивал на том, чтобы премьер-министр незамедлительно подготовил заявление о том, что Канада готова отправить отряды в Ю. Африку. "Я сказал Лорье, писал он позднее, что он должен или отправить отряды, либо уйти в отставку" **[5, p. 88]**. Однако Лорье оставался "сопротивляющимся, не убежденным, непослушным" **[9, p. 32]**.

Возвратившись в Оттаву, премьер-министр оказался лицом к лицу с правительственным кризисом. Англо-говорящие министры были готовы отправить отряды, министр милиции Ф. Борден готов был сформировать полноценный канадский контингент и добиться их полного правительственного обеспечения. Некоторые выступали "за" неофициальные отряды добровольцев, в то время как И. Тарт и его квебекские коллеги

были решительно против участия в войне. По свидетельству Р. Пейджа в те дни на страницах печатных органов сторонников имперской интеграции нередко можно было встретить призывы вывести И. Тарта из состава правительства **[13, p. 12]**. 12 октября состоялось заседание кабинета Лорье в полном составе. Главной задачей стало решение вопроса участия канадских воинских контингентов в имперской войне. Дебаты продолжались весь день, но безрезультатно. Неспособность кабинета принять окончательное решение вынудило генерал-губернатора лорда Минто засвидетельствовать, что премьер-министр находится в оппозиции участию, о чем незамедлительно было телеграфировано Дж. Чемберлену. Чтобы повлиять на Лорье генерал-губернатор напомнил ему, что Канада нуждается в поддержке Лондона, чтобы решить спор о границе Аляски с США **[14, p. 15]**. Канадский историк Роберт Престон в своей книге "Канадская политика обороны и развитие канадской нации, 1867-1917" излагает одно из представлений канадской общественности, о том, что "канадское участие в англо-бурской войне могло быть приписано антиамериканизму, возникшему в результате спора о границе с Аляской. Хотя неприкрытый антиамериканизм к тому времени как Канада вступила в войну исчерпал себя, предполагалось, что Лорье поддерживал Британию в Ю. Африке, так как нуждался в британской помощи, чтобы получить благоприятное решение в дипломатической борьбе с США по поводу границы с Аляской" **[14, p. 15]**.

Вечером 12 октября И. Тарт инициировал созыв собрания руководящих членов парламента франко-канадского происхождения, чтобы укрепить свою позицию. Однако он не смог добиться единодушной поддержки. Так, небольшая группа его коллег, включая мэра Монреаля Раймонда Префонтейна, отказалась поддерживать твердую линию оппозиции. Давление на правительство со стороны генерал-губернатора Минто, и реакция общественного мнения (за исключением провинции Квебек), а также спонтанная волна добровольцев заставили премьер-министра принять решение в пользу участия в войне, но расходы на транспортировку и снабжение должны были быть утверждены парламентом. Между тем, Чарльз Таппер, будучи в то время лидером консервативной партии, в своих "Воспоминаниях", опубликованных в 1914 г., считал, что именно он подтолкнул Лорье принять позитивное решение. "Когда началась англо-бурская война, пишет Ч. Таппер, сэр Уилфрид Лорье объявил о своей неспособности что-либо сделать, чтобы помочь британскому правительству. Я оказал на него сильное давление и заверил его в том, что моя партия поддерживает политику отправки канадского контингента, и был к счастью способен побудить его изменить позицию относительно этого важного вопроса" **[16, p. 311]**.

На следующий день 13 октября правительственный кабинет У. Лорье принял решение, оформленное специальным приказом, сформировать, экипировать и транспортировать в Ю. Африку канадский контингент добровольцев численностью 1 тыс. человек, но без соответствующей санкции парламента. У. Лорье поставил условие: канадская пехота должна служить, как отдельное подразделение, а не в составе небольших соединений, присоединенных к различным британским отрядам **[14, p. 15]**. Позднее была добавлена оговорка, что эти меры не должны рассматриваться как отход от хорошо известных принципов конституционного управления и национальной политики. Таким образом, канадское руководство отказывалось от установления прецедента для будущих действий в таких случаях. Сторонники имперской интеграции посчитали такое заявление уступкой И. Тарту и его квебекским коллегам. Минто немедленно написал Дж. Чемберлену, разъясняя позицию У. Лорье. "Премьер-министр, уверял он министра по делам коло-

http://www.ojkum.ru/

ний, действительно империалист, хотя он мог сомневаться относительно колониальных действий. Он мне очень нравиться. Он имеет широкий взгляд на вещи, и имеет чрезвычайно серьезную команду для управления… В течение двух недель первый канадский контингент будет готов отплыть из Квебека, а несколько месяцев спустя – второй" **[9, p. 32]**. Копия решения об отправке первого контингента была отправлена Дж. Чемберлену 20 октября 1899 г., а 15 ноября была получена ответная телеграмма с благодарностью и уверенностью в том, что эта акция "не только доказательство лояльности доминиона и выражение симпатии политике, проводимой Королевским правительством в Ю. Африке, но и выражение чувства единства и солидарности империи" **[4, p. XXXII]**. К концу октября от "анонимного друга" Ч. Тапера был получен залог на сумму 1 млн. канадских долларов для страхования жизни каждого участника канадского контингента **[10, p. 573]** А. Бурасса, в речи, произнесенной в Квебеке в марте 1900 г., назвал У. Лорье защитником имперской федерации, в которой от Канады потребуется 46 миллионов долларов ежегодно на имперскую оборону **[17, vol. 2, p. 330]**. В Лондоне отправка канадских отрядов была официально принята как доказательство уместности политики имперской интеграции в области обороны, проводимой с 70-х гг. XIX столетия. Британская правящая элита также получила подтверждение, что в кризисной ситуации у колонистов просыпается осознание генетической общности со страной-матерью.

После принятия решения об участии Канады в войне раскол канадского общества стал неизбежным. Одним из факторов раскола явились различные версии войны, которые появились в англо- и франкоязычной прессе. На страницах англоязычной прессы обосновывалась справедливость войны, доблесть британских вооруженных сил, а также репрессивная природа режима П. Крюгера. Франкоязычная пресса основывалась, прежде всего, на материалах, присылаемых из Парижа, тон которых был явно антибританский и пробурский. Так, самыми распространенными темами стали неприглядные эпизоды партизанской войны – сожженные фермы и лагеря буров, жестокость, проявленная британским солдатами по отношению к местному населению. За пределами Квебека наиболее популярным критиком войны стал Голдвин Смит, придерживающийся либеральной концепции "невмешательства". Он был собственником аграрного еженедельника "Фармер Сан" с тиражом около 15 тысяч экземпляров в Онтарио. Г. Смит был разочарован политикой У. Лорье, когда тот согласился отправить отряды в Ю. Африку, считая эту акцию "бессмысленным имперским энтузиазмом". Откровенно антибританские взгляды Г. Смита привлекли к нему немного сторонников и "Фармер Сан" потерял значительное количество подписчиков. По примеру Анри Бурасса Голдвин Смит попытался организовать антибританское движение в англоязычной Канаде, но потерпел полное поражение. Однако он не был одинок в своих взглядах. Некоторые представители рабочей и аграрной оппозиции настаивали на том, что буры были простыми рабочими и богобоязненными людьми, как они сами. А война явилась примером "капиталистического манипулирования политическим процессом" **[13, p. 18]**.

На весенней сессии парламента 1900 г. А. Бурасса выдвинул ходатайство по поводу участия канадских воинских контингентов в войне, делая упор на суверенитет парламента и необходимость сохранения статус-кво в имперских отношениях. В длинной и тщательно сформулированной речи, которая заняла 44 колонки "Хансард", А. Бурасса попытался привлечь на свою сторону умеренных либералов и консерваторов, опасающихся имперской интеграции. Ходатайство было выставлено на голосование, но только шесть либералов и четверо консерваторов (все

франкоговорящие) поддержали его. Весной 1900г. в Квебеке также активизировалась консервативная оппозиция. 6 июня глава квебекских консерваторов Фредерик Монк выступил с серией обвинений в адрес британского военного руководства, делая упор, в том числе и на скудный рацион, предложенный канадским отрядам в Африке. У. Лорье немедленно назначил специальный комитет, в состав которого вошли четыре либерала и три консерватора с целью проведения ревизии. Доклад консерваторов действительно изобиловал примерами мошенничества, что подвергало опасности жизни канадских солдат. В ходе парламентского голосования 10 членов из тех, кто обычно поддерживал правительство, нарушили установленную традицию и проголосовали за отчет консерваторов.

16 марта сенатор Драммонд из штата Аттабаска на парламентском заседании, адресуясь к генерал-губернатору, озвучил желание отдельных представителей Палаты общин, чтобы Канада участвовала в мирном урегулировании конфликта в Ю. Африке. На практике это требование должно было быть реализовано путем приглашения канадского представителя в имперские советы, чего так желали И. Тарт и А. Бурасса. Реакция Минто в целом была благоприятной. Однако он заявил, что парламентская резолюция должна быть составлена не как требование, а как просьба, добавив, что это "в любом случае абсолютно личный и неофициальный совет". Премьер-министр был настроен менее позитивно, считая данную акцию неблагоразумной. "Страна в настоящее время не готова обсуждать этот вопрос" – сказал он Минто **[9, p. 32]**.

С захватом Претории ситуация стабилизировалась. Наиболее популярными историями в прессе стали Боксерское восстание в Китае и кампания американских президентских выборов. В таких благоприятных обстоятельствах У. Лорье назначил парламентские выборы. В ходе предвыборной кампании консерваторы попытались сделать ставку на И. Тарта, поэтому главным пунктом их партийной программы стала критика отправки канадских воинских контингентов в Ю. Африку. Либералы, проводя предвыборную кампанию в английской Канаде, подчеркивали свои имперские достижения – преференциальные тарифы и отправку контингента в Ю. Африку. У. Лорье же делал упор на национальное единство, которое символизировали англо- и франкоканадские солдаты, сражающиеся плечом к плечу в Ю. Африке. В Онтарио правительство потеряло 14 мест, в Квебеке только 7 **[7, vol. 1, p. 247]**. Официальная статистика голосования позволяет сделать вывод, что в действительности в Квебеке не существовало сильной оппозиции У. Лорье в связи с его политикой участия в войне. С другой стороны она показала, что жители Квебека серьезно обеспокоены имперскими проблемами, а либералы, как правящая партия, не могут не считаться с их мнением, так как зависит от поддержки этой провинции. После выборов напряжение в общественно-политической жизни Канады было ослаблено. Чарльз Таппер ушел в отставку с поста консервативного лидера. Его приемником стал Роберт Борден – кузен министра милиции либерального кабинета У. Лорье. Стиль руководства Р. Бордена был более мягок и менее претенциозен, что уменьшило остроту имперских споров. Кроме того, канадские отряды либо уже вернулись в Канаду, либо находились по дороге домой.

В декабре 1900 г. было принято решение отправить в Ю. Африку второй канадский контингент. Ни в правительстве, ни в парламенте эта акция не вызвала ожесточенных дискуссий, как перед отправкой первого контингента. Однако атаки на У. Лорье продолжались со стороны квебекских националистов. В марте 1901 г. А. Бурасса на заседании парламента заявил, во-первых, о необходимости добиться от британско-

го правительства согласия в будущем больше не привлекать канадских солдат к участию в войне. Во-вторых, по его мнению, Канада "кровью и деньгами" заслужила право участвовать в мирной конференции, где должна требовать предоставление независимости бурским республикам. А. Лорье выразил удивление и обеспокоенность такими требованиями. Война была почти уже закончена, и вопрос отправки будущих контингентов стал просто академическим. Кроме того, премьер-министр был сторонником сохранения бурских республик в составе британской империи на принципах свободы и равенства для всех. В результате "за" резолюцию А. Бурасса проголосовало три человека. До окончания войны лидер квебекских националистов продолжал энергично работать в избранном направлении. Летом 1902 г. он создал Свободную ассоциацию националистов, к которой примкнул и видный квебекский консерватор Ф. Монк. Вместе они продолжали печатать статьи и памфлеты на английском языке, чтобы добиться поддержки за пределами Квебека. В марте 1903 г. Свободная ассоциация националистов трансформировалась в Националистическую лигу с Оливаром Асселином в качестве президента и Анри Бурасса в качестве главной фигуры. Они тщательно разработали "теорию заговора", чтобы объяснить популярность англо-бурской войны и силу имперского движения в Канаде. К октябрю 1903 г. лига насчитывала уже около 10 тысяч человек. В среде канадской общественности быстро распространились слухи, что она вскоре станет новой политической партией и бросит вызов У. Лорье в его родной провинции.

Военное сотрудничество доминиона всколыхнуло надежды сторонников централизации. Имперская федерация казалась логическим результатом опыта военного времени. Сэр Уильям Петерсон из монреальского университета Мак Гилл сказал: "Большая война, которая с точки зрения пророков злого предзнаменования, должна напрячь границы империи до предела, должна вместо этого служить более мощным инструментом имперской федерации, чем любой бумажный план" **[6, vol. 1, p. 239]**. Лондонская "Аутлук" пришла к выводу, который выразила наиболее ясно и коротко: "Это – имперская федерация" **[6, vol. 1, p. 233]**. Однако надежды сторонников интеграции оказались ошибочными. Даже Дж. Чемберлен должен был признать, что любое предложение имперского союза будет преждевременным **[8, p. 112]**. Сторонники Анри Бурасса заявили: "Мы выступаем против любых попыток создания федерации от имени империи, а также участия Канады в имперских войнах без права представительства в имперских советах" **[8, p. 112]**. Франко-канадские националисты были возмущены тем фактом, что Канаду не пригласили участвовать в разработке условий заключения мира. В 1902 г. вслед за франко-канадскими либералами, обсуждая англо-бурскую войну в парламенте, депутаты пришли к единодушному мнению, что участие канадских контингентов в войне заслужило для канадского парламента право участвовать в решении вопроса войны и мира в Южной Африке **[12, p. 238, 240]**. В целом, по свидетельству Роберта Пейджа, участие канадцев в первой войне XX столетия являлось, прежде всего, "комбинацией наивного идеализма и эмоционального патриотизма" **[13, p. 3]**.

Таким образом, благодаря участию в англо-бурской войне, Канада получила определенный политический опыт. Южноафриканский конфликт показал, что зрелость канадской государственности достигла такой степени, когда участие в имперских войнах на стороне метрополии, вело автономию к утрате национального единства. Стало ясно, что сентиментальное тяготение к Англии продолжалось, но канадское участие в войне было добровольным актом, посредством которого она добивалась самоутверждения как сильное национальное государство, дружественное, но отличное от британского.

Литература

1. Корф С.А. Автономные колонии Великобритании /С.А. Корф. СПб: Брокгауз и Ефрон, 1914. 453 с.
2. Сороко-Цюпа О.С. История Канады /О.С. Сороко-Цюпа. М.: Высшая школа, 1985. 304 с.
3. Armstrong E. The Crisis of Quebec, 1914-1918/E. Armstrong. Montreal: McGill-Queen's Press, 1974. 251 P.
4. Bourassa H. Great Britain and Canada: Topics of the Day. Montreal: C.O. Beauchemin, 1902. CXXXIV P.
5. Clippindale R.T. J.S.W. Willison and Canadian Nationalism 1886-1902 // Historical Papers. Vol. 4.-№ 1. Toronto: CHA, 1969. P. 74 – 93.
6. Dewey A.G. The Dominion and Diplomacy. The Canadian Contribution/A.G. Dewey. 2 vols. London: Longmans Green and Co, 1929.
7. Glazebrook G.P. De T. A History of Canadian External Relations /G.P. Glazebrook. 2 vols. Toronto-Montreal: McClellard and Stewart, Limited, 1950.
8. Griffiths P. The Road of Freedom/P. Griffiths. London: Ampersand, 1965. 207 P.
9. Gundy H.P. Sir Wilfrid Laurier and Lord Minto //Report of the Annual Meeting. Vol. 31. № 1, Toronto: CHA, 1952. P. 28 – 38.
10. Hopkins J.C. The Story of our Country: a History of Canada for Four Hundred Years. Toronto: J.C. Winston, 1912. 675 P.
11. McNaught K. The History of Canada/K. McNaught. Toronto: Bellhaven, 1970. 336 P.
12. Moyles R.G., Owram D. Imperial Dreams and Colonial Realities. British Views of Canada, 1880-1914/R.G. Moyles, D. Owram. Toronto: University of Toronto Press, 1988. 270 P.
13. Page R. The Boer War and Canadian Imperialism. Ottawa: CHA, 1987. P. 25.
14. Preston R. A. Canadian Defense Policy and the Development of the Canadian Nation, 1867-1917 /R.A. Preston. Ottawa: Canadian Historical Assosiation, 1970. 22 P.
15. Skelton O.D. Life and Letters of Sir Wilfred Laurier /O.D. Skelton. 2 vols. Toronto: S. B. Gundy: Oxford University Press, 1921.
16. Tupper C. Recollections of Sixty Years in Canada. London: Cassell and Company LTD, 1914. 414 P.
17. Willison J.S. Sir Wilfred Laurier and the Liberal Party. A Political History /J.S. Willison. 2 vols. Toronto: G. N. Morang, 1903.

УДК 623.1/3(571.6)

Н.Г. Артемьева

Корейские традиции в фортификации чжурчжэньских крепостей[1]

The Korea's tradition of jurchin's fortification

На территории Приморского края сейчас известно тридцать горных городищ, относящихся к периоду чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215-1233 гг.). Они имеют сложную систему фортификации, возведенную по заранее намеченному, строго определенному плану, потому что строились они единым государственным актом. При возведении горных городищ у чжурчжэней прослеживаются определенные традиции, связанные принципами строительства горных укреплений Когурё и Корё.

Ключевые слова: *корейские традиции, Приморский край, чжурчжэни, фортификация.*

◆

Nowdays the scientists have discovered thirty mountainous ancient settlements dated from the period of the jurchin's East Sia state. (1215-1233) in Primorskiy Krai. They have the complicated system of fortification that was built according to previously designed, steady fixed plan, confirmed by the government. The setting of jurchin's settlements has the particular traditions concerning with Korur and Kogurur's techniques of the mountain fortification building.

Key words: *the Korean traditions, Primorski Krai, Jurchin, fortification.*

На территории Приморского края сейчас известно тридцать горных городищ, относящихся к периоду чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215-1233 гг.) **[3, с. 82]**. Анализ эпиграфического материала из этих памятников дал возможность уточнить не только время возникновения горных городищ, но и причины их появления в этих районах – с

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 08-01-00039а.

http://www.ojkum.ru/

целью защиты от монгольского вторжения **[1, с. 11]**. В первую очередь, это памятники, демонстрирующие сложную систему фортификации, возведенную по заранее намеченному, строго определенному плану, потому что строились они единым государственным актом.

При возведении горных городищ чжурчжэни, в первую очередь, строили город-крепость, которая должна была иметь большую обороноспособность. Опыт строительства крепостей к этому периоду у чжурчжэней был большой. Известны долинные чжурчжэньские городища правильной и неправильной геометрической формы, постройка которых требовала знаний фортификации. Часто, отклоняясь от классической китайской традиции возведения долинных городищ, чжурчжэни строили крепости с массой отклонений от стандартов.

При возведении горных городищ у чжурчжэней прослеживаются определенные традиции. Учитывая довольно сложные географические условия Приморья – сильно пересечённую местность, а также существование по соседству горных укреплений Когурё и Корё – чжурчжэни вырабатывали свою систему горноравнинных укреплений **[5, с. 61]**.

На примере Краснояровского городища можно проследить, что крепость была построена на горном отроге, который контролировал, расположенную рядом долину, тем самым, обеспечивая наиболее выгодную позицию крепости. С трех сторон оно имеет крутой рельеф. Местность выбрана с учетом военной стратиграфии – поля и река, омывающая с трех сторон городище, являются важными коммуникационными элементами.

Если обратить внимание на рельеф местности, который использовали при строительстве Краснояровского городища, то здесь легко можно найти аналогии с когурёкскими крепостями, при возведении которых использовался рельеф "горобон". Крепости сооружались в горах с тремя высокими сторонами, окруженными отвесными скалами, понижающимися к югу. Причем внутри крепости имелись два и более ущелий. Рельеф "горобон" имеет свои особенности в сооружении горных крепостей: 1 – стены крепости сооружались с учетом отвесности скал, что исключало возможность захвата крепости врагами; 2 – сооружение крепостных стен в соответствии с линией гор устраняло необходимость возведения двойных стен, что имело место в постройках крепостей на равнине, также исключало необходимость устройства рвов; 3 – наличие в крепости распадка позволяло сделать за движением врагов, тогда как враги лишались возможности наблюдать за действиями защитников крепости. Это позволяло применять правильную тактику в конкретный момент боя, способствовало захвату инициативы в свои руки; 4 – устройство крепости по принципу "горобон", характерно тем, что снижается к югу, и тем, что в нем имелись два или более ущелий, что позволяло использовать большое количество людей для защиты крепости. Это давало возможность готовить наибольшее количество боевых материалов к предстоящему сражению; 5 – наличие в горных крепостях "горобон" многочисленных источников пресной воды, что обеспечивало потребность в последней защитников крепости **[6].**

По типу памятников Краснояровское городище относится к горным укреплениям, хотя его можно отнести к системе горноравнинных укреплений. Оно имело площадь 180 га, обнесенную по периметру земляными валами высотой 0,5-6 м, протяженностью 7 км, охватывающими горный утес, на территории которого расположено несколько довольно ровных плато, пересеченных оврагами. В плане городище близко к треугольнику, острый угол которого направлен на юг (рис. 1). Внутренняя топография памятника полностью подчинена рельефу местности. Распадок, находящийся в восточной части городища, проходящий в на-

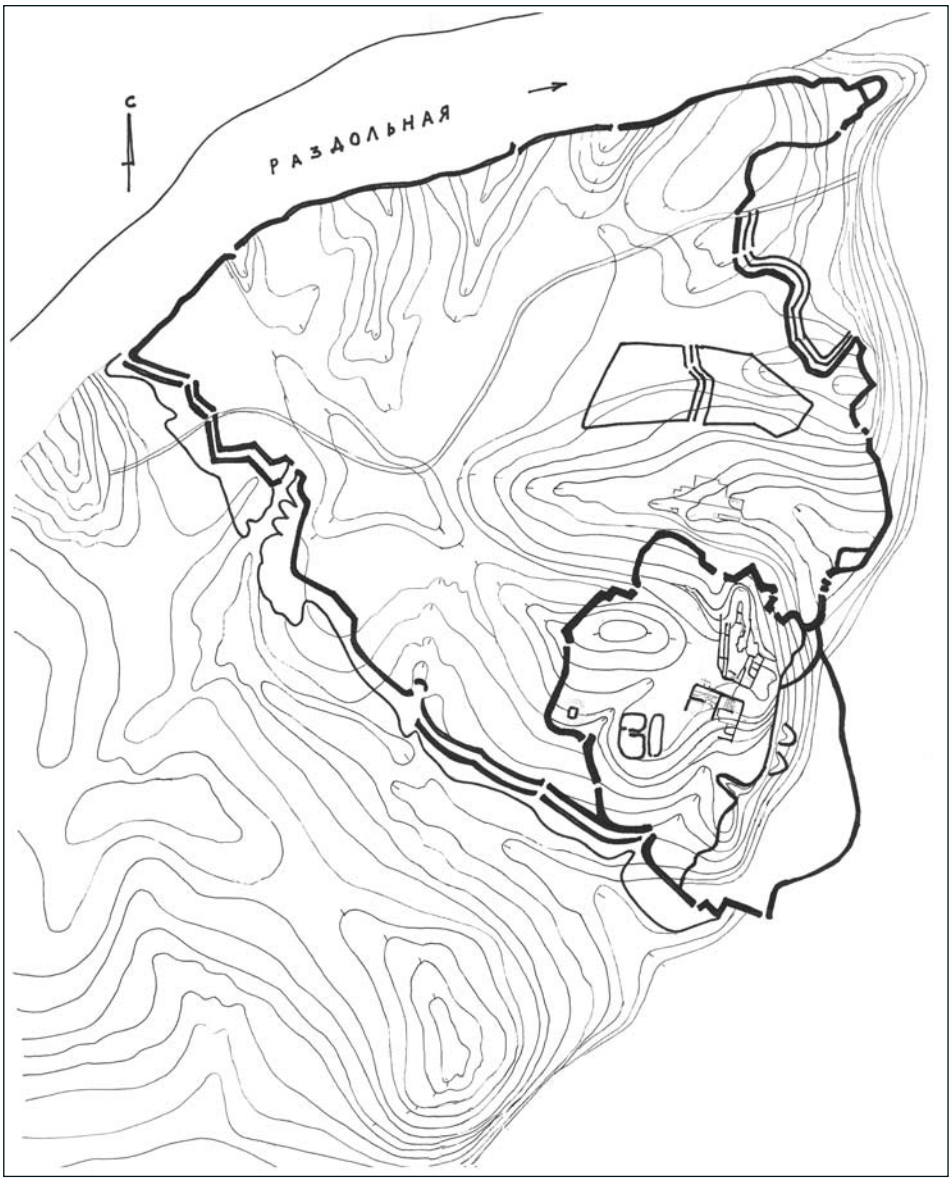

Рис. 1. План Краснояровского городища

правлении северо-запад – восток, делит его на две части, в каждой из которых находились обвалованные участки. В северо-восточной стороне городища их зафиксировано два. Они представляли собой многоугольники площадью 1 га и 1,2 га, обнесенные валами 0,5-0,7 м. В настоящий момент они практически уничтожены современными огородами. В юго-восточной части памятника расположен еще один обвалованный участок – внутренний город, площадью 35 га, высотой валов 3-6 м. На территории внутреннего города, т.е. в центре этого участка расположены большие террасовидные площадки с остатками черепичных крыш и каменными базами от колонн. В западной части внутреннего города находится редут – четырехугольник площадью 20х30 м, обнесенный земляным валом

1-2 м высотой, углами ориентированный по сторонам света.

Исследования внутреннего города показали, что первоначально на этом месте был построен город-крепость, существовавший до образования государства Восточное Ся. После прихода Пусянь Ваньну и учреждения на этом месте нового города, старый – перестраивается, вокруг него строится новый, огромных размеров по сравнению с другими средневековыми памятниками, город. В центральной части внутреннего города, рядом с редутом прослежен большой обвалованный участок, внутри разделенный на обвалованные кварталы. Последние, в свою очередь, внутри делились на три-четыре части. Эти комплексы находились в определенном порядке. Скорее всего, здесь располагались палаты делопроизводителей.

Сложная система фортификационных сооружений сделала городище практически неприступным. Конструктивные свойства крепостных стен должны были обеспечить, как достаточную прочность, так и исключение возможности прохода врага через эти стены. Чжурчжэни использовали, в первую очередь, при возведении стен ландшафт местности. В тех местах, где практически городище неприступно, вал имел небольшую высоту (0,5 м), а иногда и вообще не прослеживается. Особенно сильно укреплены южная и восточная стороны городища, где наиболее пологий рельеф. Здесь вал достигает высоты 4-6 м. На некоторых участках он двойной или тройной.

Наши исследования дали возможность проследить технологию сооружения валов внешнего и внутреннего городов.

Зачистка разрезов внешнего вала была сделана в районе северных ворот городища, в том месте, где в настоящее время проходит деревенская дорога. Вал был построен на слегка понижающемся в северном направлении склоне сопки. Его ширина в основании 14 м, наибольшая высота в настоящий момент 3 м, верхняя часть вала сильно повреждена. На ней даже не прослежен гумус. Постройка вала осуществлялась на выровненной поверхности путем трамбовки чередующихся слоев: черного вязкого суглинка и очень плотной оранжевой глины со щебенкой и редкими включениями крупных камней. В напольной части вала, почти на всю длину, шел слой темного суглинка, толщиной около 20 см, затем – слой глины со щебнем, мощностью до 30 см. После этого слои идут практически параллельно друг другу. Их толщина колеблется в пределах 10-20 см. На этом участке вала насчитывается 17 слоев глины со щебнем и 17-19 слоев черного суглинка. По краям вала слои опускаются вниз – следы сползания земли. Похоже, что вал насыпался при помощи деревянного короба, в который постепенно засыпалась земля разного состава. Причем слои после подсыпки сильно утрамбовывались. На городище много выходов глинистого вязкого песка, который мог использоваться при строительстве вала. Последний и сейчас представляет собой хорошо утрамбованное, мощное сооружение. Вал с внутренней стороны городища имеет высоту около 3-х метров, а с внешней – на многих местах достигает 10 м. С внешней стороны вал был укреплен двумя дополнительными линиями земляных валов. Расстояние между ними 3 м. Высота второго и третьего валов около 1 м, ширина 5-6 м.

Верхняя часть вала в восточной части городища представляет собой довольно уплотненный гребень возвышенности шириной около 1-1,5 м.

Зачистка разреза вала внутреннего города была сделана в северо-западной стороне внутреннего города, в том месте, где находились ворота. После зачистки было выявлено, что вал возводился дважды. Первоначальная засыпка вала осуществлялась на платформе серого песка мощностью 30-40 см путем трамбовки слоев: черного суглинка (10-20 см), затем слоя 5-20 см желтой глины со щебенкой. После этого шел слой

http://www.ojkum.ru/

серого суглинка мощностью 20-50 см, в котором прослеживаются полосы и включения темного суглинка (0,4-10 см). Затем прослеживаются 10 см прослойки оранжевой глины со щебнем, между которыми видны включения полосок до 0,1-0,2 см темного суглинка. Слой глины со щебнем имеет толщину 50-60 см. Далее идет серый глинистый слой мощностью 5-10 см. В верхней части слои белой глины видны больше, но их перекрывает черный суглинок. Весь вал представляет собой "слоеный пирог" с хорошо утрамбованными слоями. Ширина основания его 9 м, наибольшая высота 3-3,5 м. Вал имеет небольшое понижение в северо-восточном направлении. В эту же сторону были "оттянуты" слои вала. По плотности первоначально насыпанный вал был достаточно мягким. Затем вал был подсыпан с внутренней стороны еще на 3 м, причем также на платформе серого песка. По технике возведения и составу слоев он полностью совпадал с внешним валом городища. В досыпанной части прослеживаются два слоя, чередующиеся друг с другом: черный суглинок мощностью 10-15 см и плотная оранжевая глина со щебнем. Скорее всего, черный мягкий суглинок создавал как бы мягкую подушку для более плотного слоя. На этом отрезке прослежено 9 слоев черного суглинка и 9 слоев глины со щебенкой. Новый вал имел ширину 12 м, высоту 3,5 м. Верхняя часть перестроенного вала представляла собой слой серого суглинка мощностью 40-60 см, который является наносным слоем времени. Сверху он покрыт гумусом. Достройка вала внутреннего города, по технике возведения совпадающая с внешним валом, дает основание говорить о том, что городище строилось в два этапа, и на втором – сильно перестраивалось. Внутренний город существовал ранее, чем возведенное укрепление с внешними валами.

Еще один разрез вала был сделан в 1998 г. при раскопках северо-восточных ворот внутреннего города. Длина этого вала 13 м. Наибольшая его высота 1,8 м. Как и предыдущий разрез вала, последний насыпался на платформе темно-серой супеси. Здесь также прослежены чередование слоев черного суглинка (20-60 см) и оранжевой глины со щебенкой. Но в средней части вала камней встречается больше. По составу слоев этот вал аналогичен валу внешнего города, т.е. он был возведен на последнем этапе существования городища.

Оборудованием, примыкающим непосредственно к крепостным стенам, являются ворота. На внешнем вале Краснояровского городища в настоящее время насчитывается 14 разрывов, причем многие из них можно назвать шлюзами для вывода сточных вод за пределы крепости. Парадными или центральными воротами, возможно, являются двое ворот, расположенных в доступных участках городища. Наиболее парадно оформленные – это северо-западные ворота. Они представляют собой проход шириной около 10 м, с обеих сторон, к которому подходят валы высотой 3-4 м. Последние делают поворот почти на 90 градусов во внутрь городища, создавая тем самым проход протяженностью 30 м. После чего правая от входа сторона вала делает Г-образный поворот, образуя так называемую "ловушку". Здесь следует отметить, что перед воротами существует довольно сложный рельеф местности: сама сопка напоминает большой распадок с боковыми ответвлениями в виде оврагов. Между ними выявляются, как бы языки, которые можно принять за траверсы. Они располагаются с двух сторон от прохода ворот. Эти земляные преграды, выступают поперек лощины. Они достаточно ровные в верхней части. На них могли размещаться как лучники, так и ядрометательные машины.

Вся западная сторона городища укреплена земляным валом, на некоторых участках он двойной.

Вторые центральные ворота располагались в северо-восточной ча-

сти памятника. В настоящий момент они представляют собой разрыв в земляном валу, шириной около 4-5 м. Вал на этом участке имеет высоту 3,5-4 м. С внешней стороны от него прослеживается еще одна линия земляного вала высотой 0,7 м, повторяющая форму основного. Вообще эта сторона городища была наиболее уязвима, поэтому она хорошо защищена валами. Выход из этих ворот имеет спуск к реке, и развернут к г. Уссурийску. Вал в этом месте памятника очень извилист. Он вписывается в рельеф местности, а в районе ворот – делает П-образный изгиб, втянутый во внутрь городища, тем самым, создавая хорошую возможность для защиты ворот городища.

По внешнему оформлению ворот их можно разделить на два типа: первый – разрыв между валами не имел оформления или в просвете между разрывами с внутренней стороны находился прикрывающий валик; второй – захабы – ловушки, отличающиеся друг от друга по форме, но объединяет их один принцип постройки – все они как бы втянуты во внутреннюю сторону крепости (рис. 1).

Практически на всех чжурчжэньских городищах прослеживаются башни, но на Краснояровском городище крутые склоны извилистой сопки позволили обойтись без башен. В крепости хорошо видны повороты вала под прямым углом, с сильно выступающим вперед поворотом, очевидно, это барбеты для катапульт (рис. 1).

В юго-восточной стороне городища, где вторая линия валов довольно низко спускается к подножью сопки, нами были обнаружены два дополнительных редута в виде примыкающих к подножью сопки “языков”. Подобные редуты были уже известны на Шайгинском и Круглой Сопке.

На северо-восточной оконечности городища прослеживается еще одно дополнительное укрепление – выходящий на гребень сопки вытянутый вал поперек перегорожен еще одной линией вала. Таким образом, получался как бы небольшой бастион.

Внутри крепости сейчас насчитывается около 20 водоемов, которые были предусмотрены на случай осады города.

Интересной особенностью Краснояровского городища является юго-восточная сторона, где на поле находился обвалованный участок, площадью около 1 га, примыкающий вплотную к городской стене. Этот участок довольно ровный, имеет два входа. Один из них оформлен захабом. Предварительный разрез вала последнего дал возможность проследить слоистость в насыпке вала. Причем по качеству сооружения он близок к валу первоначальной насыпки вала внутреннего города. Вполне возможно, что этот участок был построен одновременно во время первого строительства городища. На это, возможно, указывают и то обстоятельство, что валы обвалованного участка на поле вплотную примыкают к валам внутреннего города. В таком случае перед нами пример горноравнинного укрепления.

Как уже отмечалось выше, на Краснояровском городище, на своем последнем этапе существования, строился столичный центр, о чем свидетельствуют косвенные эпиграфические доказательства **[2, с. 101]**. При этом, многие китайские исследователи, занимающиеся вопросом местонахождения главной – Верхней столицы – городом Кайюанем, доказывают, что она находилась на Краснояровской сопке **[7]**. Исходя из этого, при строительстве Краснояровского городища были, очевидно, применены лучшие и отработанные фортификационные приемы, впитавшие в себя национальные традиции, которые формировались, как нам кажется, под когурёским влиянием строительства горных крепостей. Но здесь следует подчеркнуть, что при строительстве крепостей когурёсцы рядом с долинной крепостью возводили горную, на случай обороны. У чжурчжэней же мы видим, что весь город находился под защитой валов

http://www.ojkum.ru/

и являлся, одновременно и городом, и крепостью. Правда, здесь можно отметить, что в 3 км севернее Краснояровского городище расположено Южно-Уссурийское, которое продолжало существовать и во время государства Восточное Ся и могло быть именно тем долинным городищем, которое входило в систему горно-долинного комплекса **[4]**.

◆

Литература

1. Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII-XIII вв.). Владивосток: Дальпресс, 1998, с. 11.

2. Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. Новые факты в пользу отождествления Краснояровского городища с Верхней столицей государства Восточное Ся // Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции “Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему”. Владивосток: ДВО РАН, 1996, с. 101.

3. Артемьева Н.Г. Характерные особенности городищ государства Восточное Ся (1215-1233 гг.) на территории Приморья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Издательский дом "Наука", 2005, с. 82.

4. Артемьева Н.Г.. Уссурийские древности в свете новых археологических исследований // Окно в неведомый мир. Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова. Новосибирск: СОРАН, 2008.

5. Воробьев М.В. Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения // Доклады Географического общества СССР (этнография). Л.: Изд-во ГО СССР, 1968. Вып.5, с. 61.

6. Когурё Мунхва. Пхеньян: Изд-во Академии общественных наук, 1972.

7. Чжэн Мин. Краткий очерк исследований Восточного Ся // Шэхуй кэкюэ чжаньсянь, 1985. №2. Чжао Минци. Краткое повествование о Пусянь Ваньну // Вэньу. № 2, 1986.

УДК 94(571.6):623.4

Е.А. Багрин

Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке[1]

(по материалам письменных источников)

Regional features of fire-arms usage in Siberia and the Far East in XVII century (according to the written sources)

Статья посвящена использованию огнестрельного оружия русскими на территории Сибири и ДВ. Она рассматривает различные его виды и особенности употребления. В статье так же затронуты аспекты снабжения огнестрельным оружием, его починки и правового владения. Рассматривается вопрос проникновения русского огнестрельного оружия к аборигенному населению.

Ключевые слова: *военное дело, история оружия, российский Дальний Восток, Сибирь.*

◆

Article is devoted to the fire-arms Russian service people in the Eastern Siberia in XVII century. In article features of the use and the characteristic of its basic kinds are considered. The author has considered supply and security questions служилых fire-arms, and as its penetrations to the opponent.

Key words: *military science, history of the weapon, the Russian Far East, Siberia.*

XVII век ознаменовался присоединением к России огромных территорий, от Урала до Тихого океана. Открытие и освоение новых земель было неразрывно связано с вооруженным противостоянием русских и коренных жителей Сибири и Дальнего Востока. Нередко в течение службы русскому первопроходцу приходилось воевать в степи, тайге, тундре, на реках с противниками, применяющими совершенно различную тактику ведения войны. Стремительные набеги кочевников, сменялись партизанской войной в тайге, а выход на реку Амур привел к столкновению с маньчжурами, не уступавшими русским ни в военной организации, ни в вооружении. Новые условия ведения войны, вынуждали первопроходцев приспосабливаться и максимально эффективно использовать те ре-

[1] Работа выполнена по гранту РФФИ 06-06-96000. Используемые в статье материалы основаны на изучение источников касающихся территорий Прибайкалья, Забайкалья, Приамурья и Северо-востока России. Данные из регионов Западной и Южной Сибири использованы лишь для сравнения, и восполнения недостающей информации. Реалии военного дела в различных регионах Сибири и ДВ имели как общие характерные черты, так и определенную специфику.

http://www.ojkum.ru/

сурсы, которыми они располагали. Военное дело русских служилых людей претерпело определенные изменения, которые привели к тому, что сформировались региональные особенности в способах ведения войны, организации, вооружения, характерные для исследуемого региона.

Вооружение – один из самых главных компонентов, составляющих военное дело любого народа. Огнестрельное оружие являлось важнейшей частью комплекса вооружения русского служилого человека. Так, как для русских использование огнестрельного оружия служило альфой и омегой ведения войны, оснащенность им в значительной мере определило их военные успехи. Вопросы, связанные с употреблением огнестрельного оружия в рассматриваемом регионе мало изучены. В 1951 году вышла статья М. Ф. Косинского "Оружие и огнестрельные припасы", а из последних исследований можно отметить статью О. А. Митько "Люди и оружие". Автор постарался, используя документальные источники, дополнить эти исследования новой информацией.

Документы – один из самых информативных источников для изучения применения огнестрельного оружия русскими служилыми. Из них мы можем узнать кто, когда и почему использовал те или иные виды оружия, а также различные нюансы, связанные с его употреблением, оснащением, починкой.

Документы упоминают следующие виды огнестрельного оружия, употребляемого первопроходцами: пищаль, мушкет, винтовка (пищаль винтовальная), карабин, самопал, пистолет. Прежде чем говорить о особенностях применения этих видов оружия, следует отметить, что существует определенная путаница в том, что конкретно подразумевать под тем или иным термином. Например, есть ли принципиальная разница между пищалью, самопалом и мушкетом? В этом отношении автору кажется наиболее приемлемым определения, сделанные еще в 50-х. годах С.К. Богоявленским и Н.В. Гордеевым. Так, мушкетом названо гладкоствольное, крупнокалиберное, длинное и тяжелое ружье, внешним признаком которого является приклад, похожий на современный, с выемкой для большего пальца. Как правило, мушкеты завозились из-за границы и имели очень распространенный в Европе фитильный замок. Из-за своей тяжести стрельба из мушкета была возможна только с упора (сошки, бердыш, вал, стена). Пищалью называлось всякое ружье, которое не являлось мушкетом. Значительная часть пищалей производилась в Москве и других русских городах. Пищаль преимущественно была снаряжена кремневым замком, имела прямой или чуть выгнутый книзу приклад и была значительно легче мушкета. И поэтому не требовала при стрельбе специальных приспособлений **[1;2]**.

Существует мнение, что пищали, употребляемые служилыми в Сибири и на Дальнем Востоке, по преимуществу имели фитильный замок **[12, с. 174-175]**. Автор категорически с этим не согласен. Документы приводят достаточно много прямых и косвенных доказательств того, что оружие, называемое пищалью, главным образом, было снабжено кремневым замком. Более того, многие мушкеты, используемые в регионе, имели такой же замок, хотя в европейской России замок у мушкетов долгое время по преимуществу был фитильный. Есть очень интересный документ – дневник корейского генерала Син Ню, участвовавшего в разгроме отряда Онуфрия Степанова в 1658 году. В части, касающейся раздела победителями трофейного оружия, он описывает кремневый замок как отличительную особенность устройства русских ружей: "26-й день (7-го месяца) Пользуясь случаем, я обратился к командиру отряда с просьбой о ружьях: Во главе отряда я пришел в дальние места, одержал победу и возвращаюсь с триумфом. Это большая слава и для нашей страны. Поскольку ружья врагов особенные, то радость триумфа еще больше воз-

растет, если подарить (нашему) государству несколько стволов. Командир отряда тихо переговорил с сидевшим рядом командиром подразделения и ответил: Этого оружия очень мало, кроме того мы уже доложили в Пекин. Так что ничего не остается, как ждать оттуда ответа.

У врага захвачено 300-400 стволов, а этот подлец жадничает и отказывает.[1] 28-день (7-го месяца). Командир отряда прислал одно ружье. В ружьях врагов, в отличии от наших, не используется фитиль. Внутри них находиться металлическое огниво, снаружи металлический боек. Между ними каменное кресало. Когда он опускается, металл и камень ударяются друг о друга и высекают пламя, что удивительно" **[15]**.

Как видно из приведенного выше, даже во время, когда подобные замки только начали распространяться, сибирские служилые широко их использовали. Косвенно за использование кремневого замка говорит присутствие в документах указаний на использование служилыми пищальных кремней. Так в отряде А. Кондратьева шедшего в Албазинский острог в 1685 году было в запасе "10 пищалей, 300 кремней пищальных, 43 бердыша с ратовищи" **[11, с. 109]**. В том же году в запас Албазинские казаки получили "пищаль затинную ж, 100 пищалей ручных с ложами и с фурмами и с трещетми, 50 бердышев, знамя, средина полотняная, каймы кумачные красныя, да барабан, 850 кремней пищальных" **[11, с. 113]**. Значительная часть кремней ввозилась в Сибирь и на Дальний Восток служилыми в частном порядке наряду с порохом и свинцом. Например, по отчету Верхотурской таможни в 1685-1686 гг. трое казаков завозили в Сибирь пищальные кремни: двое по 500 "кременья пищального", третий 200 "кременья пищального" **[11, с. 296-299]**.

Интересен так же еще тот факт, что при описи оружейной казны острогов исследуемого региона, практически отсутствуют упоминания о запасах фитиля.[2] А так как при использовании фитильного оружия запасы фитиля всегда должны соответствовать по весу пороху и свинцу, пропустить их составители документов при тогдашней дотошности просто не могли. Появление в документах упоминания о фитиле для исследуемого региона обычно связано с применением ручных гранат. Например, в отряде капитана И. Бецальда и прапорщика Л. Нейтера посланного в 1686 году Нерчинск было: "пороховые казны 103 пуда пороху, да на проход 6 пуд 3 чети свинцу, 280 пищалей, 2 пуда фетилю, 100 гранат ручных" **[14, с. 100-101]**.

Составители документов в Сибири и на Дальнем Востоке, так же как и в европейской части России, четко различают все рассматриваемые виды огнестрельного оружия. Часто в одном и том же документе присутствуют упоминания и пищали и мушкета, что говорит о различии этих видов оружия для пишущего.

Например, служилые Е. Хабарова, описывая штурм "Гуйгударова города" в 1652 году писали: "и мы, … , государеве службе поиск чинили ратным обычаем войною, креп учинили большему оружию пушкам и стали бить по башням с нижнюю сторону у того города, и из мелкого оружия, из мушкетов, из пищалей, били по них в городе, и они Даурские люди стреляли к нам из города и от них стрел к нам летело из города от Даурских людей безпрестанно, и настреляли они Дауры из города к нам

[1] Син Ню очень хотел получить новое оружие и обращал внимание китайцев, на то что:"захваченное в прошлый раз трофейное оружие полностью забрало Ваше государство, нет иного способа его получить."

[2] За пределами исследуемого нами региона, фитиль присутствует в документах достаточно регулярно. Например, в челобитной 187 года М. Наумова " в Перми государь, в Чердыни, … …, в твоей, …, казне порох отсырел и излежал, и без переделки к стрельбе негодитца, и ружья мало, без замков с жагры, и то все пережавело, и ложи и жагры попортились и фитилю нет, и без городу и без острогу и без прибавочного ружья то воинских людей жить опасно" **[6, с. 351]**.

http://www.ojkum.ru/

на поле стрел как нива стоит насеяна" **[3, с. 360-361]**.

В росписном списоке Козельчатому острожку на реке Ковыме 1678 года, в одном из 3 зимовий было "четыре мушкета с замками" , а в другом – "пищаль гладкая покойного казака Михайла Диева" **[7, с. 29-30]**.

Рассмотрим по порядку упоминающиеся в документах виды огнестрельного оружия.

Пищаль. Наиболее употребляемым в среде служилых видом оружия была пищаль.

Чаще всего в источниках употребление пищали связано, конечно же, с описанием служилыми боев и потерь.

Семен Дежнев в отписке 1655 года о своих походах и службах пишет: "на море с корги на Корякских людей ходили, и на той драке яз Семейка убил из пищали мужика, да на той же драке Пашка Кокоулина ранили из лука в бок, а он Пашка убил из пищали мужика" **[4, с. 24]**. В другом бою "тогож Пашка ранили из лука, а он убил мужика из пищали в висок" **[4, с. 22]**. Иван Бибиков со своим отрядом в 1679 году был окружен восставшими тунгусами: "и, …, на Юдоме реке на льду стали и нартами огородились и сидели же день до вечера и в вечеру де, по захождению солнца, приехали к ним Ивашку те убойцы, Охотского острожку оленные ясашные Тунгусы Гондиканского роду, … …, и учали де к ним Ивашку приступать и по них стрелять, и они де Ивашко из за тех нарт учали их иноземцев стрелять же из пищалей, и убили де тех иноземцев 4 человек" **[6, с. 292]**.

Часты упоминания о пищали и среди утраченного оружия. В 1655 году из Охотского острожка писали, что "осенью, на рыбной ловле одного служилого человека Афонку Михайлова Суселу иноземцы убили до смерти, а пищаль его Афонкину взяли иноземцы" **[4, с. 4]**. В челобитной 1655 г. служилые В. Бугор и Е. Павлов, описывая свои службы отмечали, что на реке Колыме "в походы ходили на Чукчи, и тут у нас убили служивого человека Васку Григорьева Щукина и пищаль его Чукчи унесли" **[4, с. 8]**.

Снабжение Сибири и Дальнего Востока огнестрельным оружием осуществлялось поставками из Москвы. Правительство отправляло крупные партии оружия в Тобольск и Енисейск, откуда оно рассылалось дальше по подчиненным им острогам. Так в 1675 году было "послано из Тобольска в Даурские же остроги с Тобольским сыном боярским с Ларивоном Толбузиным да с сыном его Алексеем Московской присылки 239 пищалей, с ложами и с замками и с фурмами и с трещетками" **[7, с. 95]**. А в 1686 году из Енисейска на 30 подводах "довелось послать в Нерчинской для поспешения 2 пушки полковых, к ним 200 ядер, 100 пуд пороху, 50 пуд свинцу, 100 пищалей" **[14, с. 98]**.

Часто присылка оружия была связана с созданием новых воинских формирований. В 1683 году царским правительством по "Даурским вестовым отпискам" предписывалось: "В Тобольску и Тобольского розряду в городех Литвы и Литовского и новокрещеного списку, и конных и пеших казаков и стрельцов, и из их детей и братьи и племянников выбрать охочих 500 человек и послать в Енисейск в полк к боярину и воеводе ко князю Константину Осиповичу Щербатово С товарищи, нынешней весны по полой воде, в судах, за лдом вскоре; а великих государей жалованье на подъем дать им 50 рублев человеку да по пищале. А на дачу великих государей жалованья на подъем денежная казна тем ратным людем и 500 пищалей прислано будет с Москвы по нынешнему зимнему пути" **[9, с. 239]**.

Воеводы отчитывались о количестве казенного вооружения у подчиненных им людей. Например, по отписке 1685 г., Албазинского воеводы Алексея Толбузина в Албазинском остроге было "в казне пороху и

Рис. 1. Пример стрельбы из пищалей со стругов.
(Миниатюра из Ремезовской летописи)

свинцу самое малое число, а снаряду было только три пушки, а мелкого оружья ручных пищалей с 300" **[11, с. 110]**. Хотя в большинстве случаев составители описи оружейной казны острогов обычно указывали только то оружие, которое не было выдано на руки и хранилось в специальных оружейных помещениях. Так, в описи казны Охотского острожка 1655 г. было "два пуда с четвертью муки ржаной, девять пищалей, 34 куяка, два ветхия панциря, четверы наручи битые" **[4, с. 2]**.

Пищаль неизменно присутствует в документах при описании уголовных дел, различных бытовых эпизодов, описании имущества служилых. Вот несколько характерных примеров.

В 1646 году члены отряда Пояркова обвиняли служилого Дениску в том, что действия того привели к многим голодным смертям тем, что он "луг зажег и от того трава сгорела, и корени де было сыскать не почему", "а ходил де он Дениско с пищалью для птицы" **[3, с. 60]**. Служилые люди

Рис. 2. Пример стрельбы из пищалей в конном строю. (Миниатюра из Ремезовской летописи)

в жалобе на М. Стадухина в 1655 г. отмечали, что он "Михайло учинил из пищалей стрельбу, не ведомо для чего, а нас он не послушал, и те иноземцы убоялися той стрельбы, прочь отошли" **[4, с. 13-14]**. В челобитной 1649 года якутские служилые написали, что во время похода "на Ковыме реке с нами ж которые пошли из Якутского острогу, Пашко Кокоулин Заварза своровал содомским блудом, …, которого мы взяли в Жиганех для толмачества ясачного якута, именем Арсютку, и убил бы его он Пашко после того, и до того из пищали, …, и за то ему Заварзе учинили наказание, били батоги" **[3, с. 211]**. В отписке 1655 года из Охотского острога сын боярский Андрей Булыгин указывал, что "служилый человек Васка Филиппов помер своей смертию, а борошнишку у него ничего не осталось, а пищаль он Васка отдал при себе служилому человеку Никитке Савельеву; да служилый человек Лаврушка Хомяк умер, а пищаль его взял в государеву казну" **[4, с. 5]**.

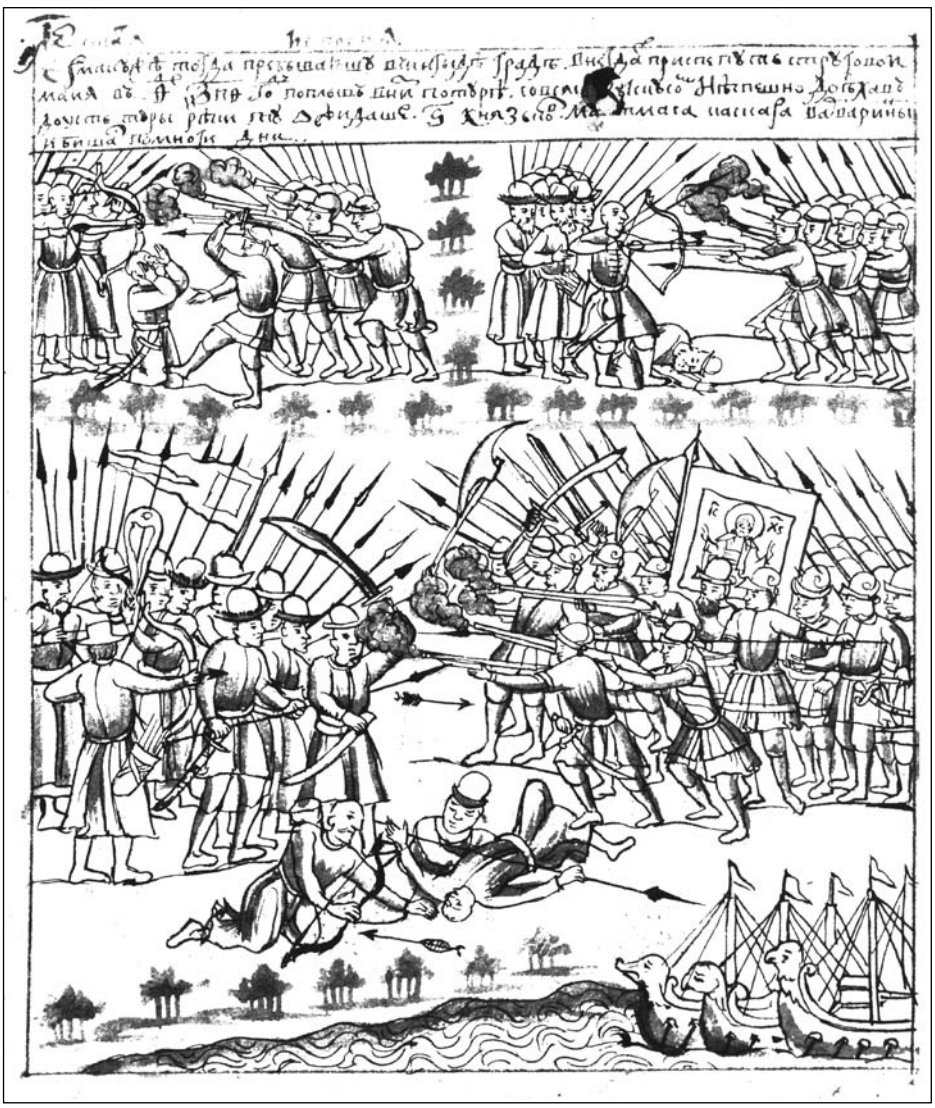

Рис. 3. Пример стрельбы из пищалей в пешем строю. (Миниатюра из Ремезовской летописи)

В 1677 году оленный тунгус Некрунко со своим родом напал на Охотский острог, получив своеобразную информацию о его защитниках от жившей в остроге тунгуски: "и та баба Мароутка сказывала ему Некрунку: казаков де здоровых в Охотском немного, человек с 20 есть, а иные многие казаки увечны, слепые и кривые и хворые, не могут де выстрелить и из пищали" **[6, с. 279]**.

Пищали использовали практически все категории русского неслужилого населения Сибири и Дальнего Востока. Быт первопроходцев того времени всегда был связан с опасностью. Поэтому вооружение всех слоев населения считалось нормой. Например, казачий десятник Алазейского зимовья Пантелей Мокрошубов в 1651 году писал, что призывал на службу гражданское население зимовья и: " торговые и промышленные люди не ослушались, для государевых служеб пришли в ясачную избу; а Степан Семенов да торговый же человек Микитка Ворыпаев в покру-

Рис. 4. Пример зарядки пищали.
(Миниатюра из Ремезовской летописи)

ченники в зимовье своем заперлися и на пищалех лежали и в сенях и в нагородне, а вызывали их трижды, и они не вышли" **[3, с. 279]**. В 1649 в судебном разбирательстве об убийстве тунгусского князя Ковыри промышленный Федулко сказал: " что приходил де тот Ковыря на Мае реке на вершине к промышленным людем на стан, и пришед с стану в свои юрты учал говорить тунгусам своим по тунгуски, и ему де Федулке послышалось, что сын его Ковыря Юманей из Майского верхнего зимовья из аманатов ушел, и он де Федулко убоясь того, что тот Ковыря убъет его Федулка до смерти, и за то убил его из пищали" **[3, с. 175]**. В 1687 году селенгинский толмач Пашко Черемной, выкупивший у "мунгальских людей" "русского селенгинского промышленного человека Савку Денисова" указывал, что "он Пашко, за того русского человека и за лошадь ево, и за пищаль выкупу дал тем ворам, …, на 13 рублев на 20 на 5 алтын" **[14, с. 231]**. Здесь следует отметить, что в среде промышленных

практически не встречается упоминания об употреблении мушкета. Потому что мушкет из-за тяжести и громоздкости не функционален и не удобен на охоте.

Цена оружия вдали от Европейского центра была выше на порядок. В 1655 году А. Степанов писал, что " Тобольского города служивой человек Тихонко Савельев Колупаев унес собою за волок государеву пищаль гладкую из государевы казны, а дана была ему Тихонку та пищаль на пору для осадного сидения, а по Амурской оценке цена той пищали 8 рублев" **[4, с. 37]**. При перечислении утерянного во время восстания якутов имущества пашенного Микитки Непряхи указывалось: "да они ж взяли пищаль добрую, цена десять рублев" **[6, с. 31]**. В Москве цены на пищали, мушкеты, карабины колебались в среднем в пределах от 1 до 4 рублей **[1]**.

Мушкет. Мушкет использовался служилыми гораздо менее активно, чем пищаль. Причины этого могли быть следующие. Во-первых, тяжесть этого вида оружия была мало совместима с мобильностью большинства отрядов первопроходцев (мушкет – оружие "правильного войска", которое сражалось мало подвижными колоннами, а наличие в войске обоза и использование упора при стрельбе в значительной мере снимало с бойца физическую нагрузку). Второй причиной могло быть то, что из-за громоздкости мушкет практически не мог быть использован на охоте. А универсальность в использование была одной из определяющих в выборе служилыми оружия. В третьих, большинство мушкетов имело фитильный замок, очень неудобный для служилых исследуемого региона. Следует помнить, что значительную часть времени они передвигались по рекам. Сырость, туманы, дожди делали фитильный замок малопригодным для ведения боя[1].

Поэтому упоминания о мушкетах в документах, касающихся Сибири и Дальнего Востока, связаны, прежде всего, с формированием запаса оружия в тех острогах, которые располагали значительным людским ресурсом, где в случае опасности могли сформироваться временные отряды, использующиеся для обороны городских стен. Для решения подобных задач мушкет был приспособлен как нельзя лучше.

Так, енисейский воевода К. Яковлев в 1667 году бил челом о присылке мушкетов в городскую казну жалуясь что, "ратных людей послать из Енисейского некого, и мушкетов, нет и пушечных запасов мало; а без присылки, …, пушек и пищалей и мушкетов и без прибавки служилых людей в Енисейском быть никоторыми делы немочно", "а есть ли бы государь, в, …, казне в Енисейском и Красноярском острогах были пушки болшие и тысячи по две мушкетов и пушечных запасов было много", "потому что в Енисейском, …, остроге и уездех по тысячи слишком живет промышленных людей, кроме всяких жилецких людей, и неприятельские б, …, люди ведая в острогах про ружья, к твоим великого государя острогам войною не приходили бы" **[5, с. 168]**[2]. В 1646 году Курбат Ива-

[1] Поэтому мушкеты с фитильными замками переделывали под кремневые замки, в том числе и в приказном порядке. Например, в Тобольске в 1679 году указом из Москвы было предписано: "учинить драгун от приходу воинских людей тысячу человек, и дать им драгуном мушкеты и пищали с роспискою, которые мушкеты и пищали были у салдат и у беломестных казаков и у крестьян даны из нашего великого государя казны, и велеть им драгуном против Московские пехоты сделать к мушкетом, которые были с жаграми, ложи новые, у которых лож быть замком, а замки Московского дела к тем мушкетам присланы будут с Москвы в Тоболеск вскоре, а каковы замки присланы будут, и для образца послано ныне в Тоболеск пять замков для того, чтоб те ложи против тех замков мочно было делать" **[6, с. 356]**.

[2] Интересен факт, что тот же воевода просил вооружить мушкетами и конных казаков (!), притом, что по общепринятому мнению конные бойцы мушкетами не пользовались. На набираемых конных казаков, беломестных требовалось "на приборе на лошади

http://www.ojkum.ru/

нов, закреплявший за Россией Прибайкалье, просил " служилым людем и приборным, которые приберутся из гулящих и охочих людей, человек на 300 мушкетов; а те, …, мушкеты на Лене вперед пригодятся и в иные твои государевы острожки и зимовья из которых твой государев ясак собирается" **[3, с. 23]**.

Такие остроги Западной Сибири, как Тобольский и Томский, располагали большим количеством бойцов, вооруженных мушкетами. Это связано с тем, что во вт. пол. XVII века, эти остроги имели в своем распоряжении значительные по численности гарнизоны, которые Москва пыталась приобщить к военной реформе перевода войск на европейский манер, проводимой в центральной части России. Войска нового строя снаряжались мушкетами, закупавшимися в Европе в огромных количествах. Часть их, естественно, направлялась в Сибирь, а из Тобольска и Томска мушкеты отправлялись в другие остроги. Это можно увидеть в документах, где часто обращают внимание на источник присылки.

В 1667 году, при вестях о набеге татар в Нижне-Братский острог из Енисейского было послано "нового Енисейского дела пищаль затинную железную, да десять мушкетов Томской присылки, …,а болши, …, послать нечего" **[5, с. 170]**. В 1667 году мангазейский воевода В. Павлов отписал в Тобольск, что "из Тобольска, …, у сына боярского у Власа Старкова и у Тобольских служилых людей взял я в Мангазее в государеву казну государевых же четырнадцать мушкетов: и тех, …, мушкетов, …, мало, а здесь в Мангазее оружья никакого, …, в казну купить негде" **[5, с. 163]**. Подъячий Воин Якунин в 1655 году докладывал, что "воровские беглые казаки" Верхоленского острога во главе с М. Сорокиным, бежавшие в "Даурскую землю" на усть Куты "грабили торговых и промышленных людей и пашенных крестьян, и всяких чинов людей со всякими товары и ружье и порох и свинец и хлебные запасы у них поимали ж", "а, …,государеву оружейную казну, которая послана из Тобольска в Якутской острог на, …, государевых запасных судах, мушкеты и порох и свинец, хотели ж грабить и взять с собою в Даурскую землю" **[4, с. 33-34]**[1]. Не исключено, что как раз эти мушкеты были распределены по подотчетным Якутску острожкам и зимовьям. Например, в росписном списке 1684 года Олекминского острожка было "два мушкета, а у одного мушкета замок попорчен, 30 фунтов пороху и с посудой" **[10, с. 157, 203]**.

Карабин. Карабин был достаточно редким видом оружия для служилых от Прибайкалья до Приамурья и Якутии. Карабин – короткое и легкое ружье, снабженное замком более легкого типа, никогда конструктивно не имевший фитильного замка и жагр **[1, с. 279]**. Поступал на вооружение конных бойцов. Упоминания о карабинах в документах того времени единичны. Хотя многие служилые этих районов несли конную службу, и было бы логично предположить распространение в их среде данного вида оружия. Например, К. Иванов вместе со служилыми Верхоленского острога ведя постоянные боевые действия с бурятами просил в 1646 году "для Брацкой службы учинити 200 человек конных, а к тем 200 человеком для своего государева ратного дела, прислать 200 карабинов" **[3, с. 23]**. Неизвестно, удовлетворили ли его просьбу, но все-таки обеспеченность карабинами служилых была минимальна. Так, в казне Якутского острога в 1684 году на 91 единицу негодного к стрельбе "мелкого ружья" приходился всего 1 карабин: "снаряду ломанного и без

по десяти Рублев денег, да по мушкету, и порох и свинец" **[5, с. 168]**.

[1] Воевали, кстати, эти казаки пищалями. В том же документе написано, что они на "усть Куты реки торговых и промышленных и всяких чинов людей в острожке взяли, а в том, …, острожке на приступе убили из пищалей промышленных двух человек до смерти да ранили двух же человек".

замков … к стрельбе не годятся: 7 пищалей полко … да мелкого ружья 91 … тов да 5 пищалей винтовальных … ков, да карабин, и того ружья … и починить некому, потому что в Якутском кузнецов и бронных мастеров нет", "и в вашей великих государей казне ружья пищалей нет" **[10, с. 156]**. В 1688 году в Албазинском остроге Афанасий Байтон среди прибранного в казну не государственного оружия убитых казаков, так же упоминает только один карабин: "а, … …, что опричь что было Воеводскова оружия, давно прибрано в казне Государской семь пищалей разных, карабин да пара пистолей" **[13, с. 183]**.

Упоминание же карабина в бою встречено автором только раз. При описании пленения служилыми Якутского острога в 1676 году якута Байги: "и он Байга казака Стенки не послушал великого государя указу, пустил из лука своего три стрелы, и на четвертую стрелу я Василей набежал, и он Байга лук стрелою на меня вытянул, и я из карабина выстрелил по нему Байге, а его не убил, и в то де время под ним Байгою он Стенка лошадь подстрелил и копьем его ранил, и он Байга после того раненой сдался, и его взяли и лук и стрелы отняли" **[6, с. 11]**.

Одной из причин малого распространения карабинов было то, что оружие за Уралом было очень дорого. Так, карабин по Московским ценам стоил примерно в 2 раза дороже мушкета, а пара пистолей стоила дороже хорошего карабина. Поэтому на окраинах эти виды оружия были достаточно редки. Конные казаки, не имея возможности приобретать карабины, использовали для вооружения обычные пищали (вероятно, малого калибра) и винтовки. Так, селенгинские служилые, посланные к табунуцкому Сакулай тайше в 1687 году отчитывались, что "они Алешка и Пашка, были на приезде у Сакулая, и в то де число взял у них, Алешки и Пашки и у Гараськи, …, 3 лошади, да верблюда и з седлы и узды, 2 саадака[1], да винтовку" **[14, с. 248]**.

Винтовка. В документах винтовки всегда противопоставляются "гладкому" не нарезному оружию. По сути винтовка это пищаль, имевшая в стволе нарезы, за счет которых значительно увеличивалась дальность стрельбы. Однако скорость заряжания этого вида оружия так же увеличивалась примерно в 3 раза. Винтовки имели, как правило, меньший калибр, чем пищали. Из-за своей низкой скорострельности они использовались больше для охоты, чем для войны и были достаточно широко распространены и у служилых, и у других категорий населения, так как охотничий промысел являлся одной из основ жизнедеятельности русских первопроходцев. Поэтому винтовки являлись, как правило,

[1] Помимо огнестрельного оружия казаки применяли в бою лук и стрелы. Из-за низкой скорострельности пищальная стрельба была эффективна только в случае массированного огня. А лук позволял вести бой в условиях когда не было времени на перезарядку огнестрельного оружия. Вот пример применения лука и стрел служилыми из уже упомянутого документа о подавлении восстания якутов в 1676 году: "… и того Айну настиг казак Ивашко Матвеев, и он, Айна, на него, Ивашка, из лука двого стрелял и у лука рог стрелою иверень вышибил; и я, Ивашко Матвеев против ево из лука стрелял и ранил стрелою в крестец и коня под ним подстрелил, и он, Айна, с коня слез и стоит у дерева …, и он, Айна, не сдался, и казак Федотко Калмак приехал с стороны из иной дороги и того Айну из лука стрелою стрелял же и ранил против серца, и после того он, Айна, лук и стрелы покинул." **[6, с. 11]**. Якутские служилые в челобитной 1649 года описывая преступления П. Кокоулина отметили сочетание им в бою огнестрельного оружия и лука: "он же Пашка Кокоулин Заварза приходил украдом, лесом к нашему летовью, где мы холопи твои рыбу промышляли, и как с рыбной ловли ехали служилые люди в лодке возле берега, и он Пашко стрелял из пищали и из лука Ивашка Пуляева, Ваську Вилюя, у Юшка Трофимова руку прострелил" **[3, с. 212]**. Лук и стрелы приобретались различными путями у аборигенного населения. В том числе и незаконно. Например в 1678 году приказчик Охотского острожка Петр Ярыжкин был обвинен тунгусом Бараксанкой в том, что "он Петр взял у меня Бараксанка лук роженец на подержанье, и того лука мне не отдал" **[6, с. 287]**. Вообще же применение лука в Сибири хорошо описал О. А. Митько в статье "Люди и оружие" **[12]**.

http://www.ojkum.ru/

личным не казенным оружием. Например, А. Бейтон в отписке 1688 года, о сборе личного оружия убитых в Албазинском остроге казаков говорит: "о казачьем оружии винтовках и гладком оружии, что опричь что было Воеводскова оружия, …. ", указывая винтовки на первом месте **[13, с. 185]**. Упоминаются винтовки и в документах, касающихся имущества монастыря и Вознесенской церкви Албазина. В описи церковным вещам, привезенным в Нерчинск из Албазина значились "прикладнова оружья: 7 винтовок, 8 пищалей гладких" из церкви, и "10 топоров держаных, пищаль винтовочная, сабля" из Никольского монастыря **[13, с. 202-203]**. Так же в монастырской казне перевозимой Пашкой и Федькой Сухановыми в Нерчинск в 1689 году числились "пищаль винтовка, пищаль гладкая прикладная" **[13, с. 204]**.

В силу того, что винтовка была обычно легче, чем пищаль, ее охотно брали на вооружение конные казаки. Интересно, что кочевые народности, особенно в Западной и Южной Сибири, покупали у русских именно винтовки. Одной из причин этого была их большая удобность в использовании для конного воина. Второй причиной было, скорее всего, то, что частными лицами как раз винтовки и завозились. Пищали служилых были на строгом государственном учете. Винтовки же, достаточно распространенные как личное и охотничье оружие, никакому учету не поддавались и продавались иноземцам, несмотря ни на какие запреты.

Так же винтовки приносились туземным тайшам в дар. Перешедшему в православную веру и поселившемуся в Селенгинске Мергень Айхай тайше были подарены "сабля новая, полоса обоюду остра, булатная, ножны хоз черной, оправа и крыж серебреные с чернью под золотом, на Турецкое дело, черен рыбей щедровой, ценою в 17 рублев, да пищаль винтовальная с замком, ствол вороненой, мерою аршин 6 вершков, у запала и на средине и на дуле и поясье и на стволе насеканы травы серебром, ложа с пером кленовая, врезаны кости, на пере травы и скобы и шонпор с ботиком, и фурма и трещетка и пыжевник, цена 3 рубли" **[9, с. 271]**.

Цены на винтовки были несколько ниже, чем на остальное огнестрельное оружие. В 1702 году прибывшими в Нерчинский острог служилыми были привезены винтовки по цене 4, 4,5 и 5 рублей **(РГАДА. Ф.1121. Оп. 2. Д. 335. Л.1-6)**.

Пистолет. Это, наверное, самый редкий вид вооружения служилых людей рассматриваемого региона. Упоминание о нем встречено автором в документах всего 2 раза. Пистолет значился среди вещей, взятых в "кабалу" у торгового человека Андрея Костромина, шедшего с отрядом Семена Дежнева в 1655 году **[4, с. 23]**. Также, в описании собранного А. Байтоном личного оружия убитых при осаде Албазина казаков, где среди семи пищалей и карабина была пара пистолей **[13, с. 184-185]**.

Как уже говорилось, пара хороших пистолетов стоила дороже карабина, и эта дороговизна также определила мизерное использование данного вида оружия в регионе.

Когда по смыслу просто подразумевалось наличие у бойцов огнестрельного оружия, составители документов употребляли общее название "ружье". Вот несколько характерных примеров. Иркутский письменный голова Лев Кислянский в 1683 году послал на поиск монголов "из Иркутского на Китой на Белую реку служилых и промышленных людей, десятника казачья Данила Уразова с товарыщи, тритцать семь человек, с ружьем наскоро" **[9, с. 243-244]**; Федором Головиным в 1687 году находясь в Удинском остроге было приказано быть "по прежнему по 30 человек стрельцов с ружьем в табунах, и по ночам велено отъезжать по 10 человек в карауле" **[14, с. 199]**.; при встрече монгольского посольства Саин Очирой хана в Иркутске в 1683 году "на площади у пушек

стояло знамя, а под знаменем сорок человек с пиками; а от посольского крыльца стоял голова, а перед ним два знамени с протазаны; у служилых и у посацких и у промышленных людей было на стойке с ружьем 95 человек, да с пиками 235 человек в цветном платье, по обе стороны в три ряды; а по болшой улице стояло конницы с сайдаки 60 человек, а иные с копьями" **[9, с. 246]**. В 1646 году казаки атамана Василия Колесникова у р. Ангары напали на тунгусского князца Котегу: "вышед из судов с ружьем, и с теми тунгусы учинили бой, и на том де, …, бою тех тунгусов изымали и князца Котегу взяли и в аманаты его посадили" **[3, с. 69]**. Служилые Охотского острога в 1666 году, описывая свое бедственное положение, писали "а острог гораздо ветх, и за малолюдством по лес сходить, и острог починить, и корму на себя и на аманатов добыть никоторыми мерами не уметь, потому что не выпустят, днем и ночью на ружье лежим" **[5, с. 69]**.

Термин самопал (иногда, санопал – Авт.) так же употреблялся как общее название огнестрельного оружия. Например, Ф. Головин при встрече китайского посольства в 1689 году послал "перед собою Московского полку противу договору с полковником и с начальными людьми строем 300 человек без санапалов с саблями, з бердышами и с копьями (а для опасности взяты были у тех стрельцов тайно гранатные ручные ядра" **[14, с. 505]**.

Однако по мнению С. К. Богоявленского данное название не распространялось на мушкеты. Автор согласен с этим мнением. В сдаточной описи казенным вещам, вынесенным из Албазина в 1690 году, термин самопал связан именно с пищалью. По описи было сдано: "мелкаго ружья: 66 пищалей гладких целых, 27 пищалей без замков, 40 пищалей гладких самопалов с битыми замки, 45 стволин целых, 10 обрывков стволовых, 368 бердышов целых, 57 бердышов ломаных, … …, 30 замков целых пищальных, … …, , 15 замков ломанных пищальных" **[13, с. 199-200]**. Есть документы и напрямую отделяющие самопал, как вид оружия, от остальных. При составлении в 1667 г. переписных книг в Мангазее на вопрос царского правительства "сколько в Мангазее ружья, пушек и мушкетов и самопалов и карабинов и пистолей, и пушечных всяких запасов", было написано что, " оружья в Мангазее, …, в казне мелкого, мушкетов и самопалов, нет" **[5, с. 163, 206]**.; в 1667 в челобитной из Енисейска указывалось, что " пушек, …, и затинных пищалей и мелкого ружья, мушкетов и самопалов и пистолей, в Енисейском, …, в казне нет, да у многих, Енисейских служилых людей ружья, мушкетов и пищалей, нет" **[5, с. 165]**.

Окончание следует

◆

Литература

1. Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки. Т.4. М., 1938. С.258-285.

2. Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 3-59.

3. Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб, 1848. 557 с.

http://www.ojkum.ru/

4. Дополнения к актам историческим. Т. 4. СПб, 1851. 416 с.
5. Дополнения к актам историческим. Т. 5. СПб, 1853. 510 с.
6. Дополнения к актам историческим. Т. 7. СПб, 1859. 374 с.
7. Дополнения к актам историческим. Т. 8. СПб, 1862. 350 с.
8. Дополнения к актам историческим. Т. 9. СПб, 1875. 353 с.
9. Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб, 1867. 504 с.
10. Дополнения к актам историческим. Т. 11. СПб, 1869. 312 с.
11. Дополнения к актам историческим. Т. 12. СПб, 1872. 423 с.
12. Митько О. А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Выпуск 1. Новосибирск, 2004. С. 165-206.
13. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2. Приложения. М., 1844.
14. Русско-китайские отношения в XVII веке. Т.2, 1686-1691, Составитель Демидова Н.Ф., Мясников В.С., М.: Наука, 1972. 834 с.
15. Симбирцева Т.М. Дневник генерала Син Ню 1658 г. Первое письменное свидетельство о встрече русских и корейцев. // Проблемы истории, философии и культуры. 13. 2003, 2. С. 336-343.

УДК 001.89(519.5)

Н.Г. Ахапкина

Научно-техническая политика Республики Корея (1948 – 1987 гг.): Концентрация сил на приоритетных направлениях

Scientific and technical politics of the Korean republic (1948-1987): The concentration of forces on the priority directions

Статья посвящена обзору и анализу процесса развертывания во времени научно-технической политики, проводимой южнокорейским правительством в период с Первой по Пятую республики (1948-1987 гг.), анализу пятилетних планов экономического развития, рассмотрению интеграции промышленности и науки на примере корейской республики и назначенных в качестве приоритетных источников развития.

Ключевые слова: *интеграция науки и промышленности, научно-техническая политика, Республика Корея.*

◆

The article is devoted to the review and analysis of the process of the science and technological development carrying by the South Korean government from the first up to the fifth republics (1948-1987), analysis of five year plans of economic development, examination of integration of industry and science on the example of the Korean Republic and prior sources of development.

Key words: *integration of science and industry, scientific and technical policy, Republic Korea.*

Изучение проблем технического процесса имеет не только научное и практическое, но и политическое значение. Говоря о становлении научно-технической политики как социального института, отметим, что в традиционном национальном государстве под научной политикой понималась система принятия решений о стратегии развития научно-технического комплекса страны и действия, направленные на претворение этих решений в жизнь. Наука рассматривалась в качестве средства реализации военной и экономической политики государства, получения

http://www.ojkum.ru/

перспективы развития партийных программ, подкрепления амбиций и престижа страны на международном уровне. В конце XX в. научная и инновационная политика стала важнейшим направлением государственного регулирования. В нем наука воспринималась не только как способ повышения конкурентоспособности и безопасности, но как основа общества нового типа – общества, основанного на знаниях. Наука стала основой инновационной системы современного общества.

Интеграция ее с производством длится чуть более века и имеет обоюдную выгоду. Производство предоставляет науке капитал на ее развитие и практические задачи, наука же в свою очередь позволяет с помощью инноваций выходить на качественно новые этапы экономического развития.

Научно-техническая политика вытекает из общих целей социально-экономического развития страны. Роль государства в научно-технической политике выступает, как определяющая, независимо от экономической системы, как в странах с рыночной экономикой (Франция, США) так и с централизованным планированием и управлением (КНР).

На сегодняшний день лидирующее положение РК во многих сферах деятельности неоспоримо. Исторический опыт Республики Корея в отношении выстраивания научно-технической политики представляет немалый интерес для Российской Федерации на данном этапе развития. Это связано прежде всего с политикой российского руководства, направленной на построение экономики инновационного типа, фундаментом для которой выступает индустриальная модель экономики.

Опыт выстраивания научно-технической политики Республики Корея был подготовлен почти полувековой угнетенностью корейского народа Японией. Причиной японской аннексии на Корейском полуострове профессор химии и истории наук Сеульского национального университета Ким Юнъ Сик в своей статье "Некоторые размышления о науке и технике в современном корейском обществе" называет более раннюю и успешную ассимиляцию японским правительством западной науки и техники **[8, с. 5-6]** , в то время как Корея, избегая контактов с проявлением культуры западного мира, с присущим ей авторитетом "вечно вчерашнего"[1], игнорировала технические знания европейцев. Именно этот факт, с точки зрения корейцев, способствовал занятию их государством положения сырьевого придатка Японии. Проводя политику колониализма, она использовала территорию Кореи исключительно в потребительских целях и не занималась развитием технического уровня зависимого государства, сосредоточив всю производственную деятельность на Корейском полуострове в добывающей и частично обрабатывающей отраслях, и оставив промышленную отрасль на крайне низком уровне технического развития **[5, с. 7]**.

После выхода из-под зависимости от японской метрополии первым приоритетом для укрепления корейского государства стало принятие западной науки и техники. Положение беднейшей в мире страны, технически отсталой, не имеющей своей промышленности и науки, было усилено экономической разрухой Корейской войны (1950 – 1953 гг.), последовавшей в начале нового десятилетия, после которой правительство КНДР начало реализацию политики строительства социалистического общества. В ответ Сеул и США, заручившись поддержкой иностранного капитала, приступили к форсированию экономического развития Южной Кореи. Таким образом, объявленный Ли Сын Маном в кон. 1950-х гг.

[1] Авторитет "вечно вчерашнего" – термин М. Вебера, понимающий под собой "авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение". Подробнее: Вебер М. Политика как призвание и профессия. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/08.php. November 17, 2008.

курс на индустриализацию был заблаговременно обеспеченной поддержкой иностранных средств мерой по увеличению военно-промышленного потенциала страны, южнокорейской реакцией на успешное претворение в жизнь планов КНДР. План исполнения был разделен на два этапа: первый (1950-е гг.) был посвящен импортзамещению, второй (1960-е гг.) – экспорториентации; однако в чистом виде эти стратегии не осуществлялись. В то же время целостная концепция экономического роста страны до переворота 1961 г. у южнокорейских властей фактически отсутствовала[1]. И только с приходом к власти генерала Пак Чжон Хи появилась большая заинтересованность администрации в проблемах экономического развития: в реализации планов государственного регулирования, в управлении отраслями промышленности и других сфер экономики. Считая, что объявленный предыдущим правительством курс на индустриализацию сможет способствовать скорому переходу аграрной экономики Республики Кореи в индустриально-аграрную и индустриальную стадии развития, а также понимая отсутствие необходимых для индустриализации внутренних источников накопления в экономически отсталом из-за почти полувековой колонизаторской политики Японии южнокорейском государстве, правительство Пака было вынуждено прибегнуть к иностранной помощи в виде займов, кредитов и технической помощи. К тому же аграрно-сырьевая направленность хозяйства позволяла иностранному капиталу сохранять здесь свои сильные позиции. По этим причинам в нач. 1960-х гг. экспертами американского Агентства международного развития на основе рекомендаций МВФ была разработана долгосрочная (на 20 лет) программа развития экономики Южной Кореи. Концепция программы ориентировала индустриальное развитие на связь с рынками промышленно развитых стран. Из отраслей промышленности в Республике Корея были представлены легкая и добывающая при почти полном отсутствии производства орудий труда. Результат же успешной политики проведения индустриализации вел к созданию и развитию материально-технической базы, повышению производительности общественного труда, расширенному воспроизводству материальных благ, подготовке высококвалифицированных кадров. Таким образом, на основе выполнения курса на индустриализацию правительство Кореи планировало осуществить перестройку всех отраслей экономики на базе внедрения промышленных методов производства и современных достижений науки и техники, а также создание национальной промышленности для обеспечения экономической независимости страны.

В статье, посвященной промышленности в Большой советской энциклопедии доктор технических наук Ефимов А.Н. говорит, что "промышленность играет решающую роль в успешном освоении достижений… [науки и техники] во всех сферах материального производства и обслуживания путем создания высокоэффективных орудий и предметов труда, внедрения прогрессивных технологических процессов и организационных систем" **[4]** В то же время основой индустриализации, как периода опережающего развитие производства, выступает применение в ее организации науки и техники наряду со сложным разделением труда и использованием разных видов энергии. Таким образом, налицо обоюдная заинтересованность науки и техники с одной стороны и промышленности с другой в эффективном развитии друг друга и содействие этому.

Проследим становление наукоемкого сектора производства на базе смены приоритетных отраслей промышленности, указанных в пятилет-

[1] Высокая текучесть кадров разветвленного аппарата администрации, заинтересованных в личной выгоде и оказании разного рода содействия своему окружению за короткий срок (1 – 1,5 года) пребывания во власти не позволял проводить систематизированной взвешенной политики во всех сферах деятельности.

http://www.ojkum.ru/

них планах экономического развития в рассматриваемый период.

Первая пятилетка (1962 – 1966 гг.) провозглашала своими задачами импортзамещающее производство и развитие ключевых отраслей промышленности, но, прежде всего, легкой. Легкая промышленность занимает одно из важных мест в производстве валового национального продукта и играет значительную роль в экономике страны, так как позволяет, не теряя времени, получать прибыль от вложенных средств и осуществлять быструю смену ассортимента выпускаемой продукции при сведенных к минимуму затратах. Это обеспечивает высокую мобильность производства и объясняет первенствующее значение на начальных фазах индустриализации.

Пришедший на смену второй план пятилетнего развития (1967 – 1971 гг.) заменил уже устаревшую тактику импортзамещения на политику экспорториентирования. Приоритет легкой промышленности был сохранен, но в целях плана значился рост самообеспеченности тяжелой промышленности, а в задачах – создание новых производств. Поддерживаемое успешными итогами проведения первого пятилетнего плана экономического развития (фактический средний ежегодный прирост ВНП (7,8 %) превысил запланированный (7,1 %)) и открыв с восстановлением южнокорейско-японских отношений широкий поток японского капитала в Корею, правительство Кореи наметило модернизацию производственной структуры через развитие тяжелой промышленности. Будучи основой переворота в народном хозяйстве она играет наиболее важную роль в укреплении материально-технической базы, развитии производств и усилении оборонной способности страны[1]

Такое направление деятельности имело результатом в период третьего пятилетнего плана (1972 – 1976 гг.) быстрое развитие тяжелой промышленности, направленной на экспорт, и переход от низкопроизводительного трудоемкого производства к капиталоемкому, требующему высококвалифицированной рабочей силы, крупных вложений на начальных стадиях производства и устойчивого эффективного спроса на производимые в большом количестве товары.

Выполнение 3-ей пятилетки делало возможным в следующей, четвертой пятилетке (1977 – 1981 гг.), при создании базы собственных НИОКР, самообеспечение корейской экономики посредством структурных преобразований. С помощью технологической модернизации промышленности, и вкупе с ней, создавалась основа для выпуска своей электронно-вычислительной техники.

Так что в перечне задач пятого пятилетнего плана (1982 – 1986 гг.) значилось увеличение экспорта наукоемкой продукции. Среди особенностей наукоемких отраслей, определяющих их лидирующую роль в экономике, доктора философских наук Авдулова А.Н. и Кулькина А.М. в совместной статье "Наукоемкие технологии и их роль в современной экономике" выделяют быстрый темп роста, большую долю добавленной стоимости в конечной продукции, крупные объемы экспорта, высокую заработную плату рабочих и, наконец, высокий инновационный потенциал, распространяющийся не только на свою, но и на другие отрасли экономики **[3]**.

Тем самым мы можем констатировать успешный результат планового промышленного развития (от легкой промышленности к тяжелой и наукоемкому сектору, от курса на импортзамещение к экспорториентации, от трудоемкого производства к капиталоемкому и высокотехнологичному). За счет планомерного проведения грамотно продуманной

[1] Последний пункт не переставал быть актуальным для режима, пришедшего к политическому господству в результате военного переворота, в стране, где традиции протеста против властей оставались достаточно сильными.

долгосрочной политики выстраивания отношений между промышленностью и рынком у изначально экономически слабой страны за период, охватывающий чуть более двух десятилетий, появилась возможность конкурировать на мировом рынке научно-технических достижений. Во-первых, этому способствовала тактика экспорториентирования, положительными сторонами которой были: возможность использования в качестве поддержки технического уровня промышленно развитых стран, получение доступа к передовым научным достижениям и, как результат такой стратегии, рост поступлений иностранной валюты и временное ослабление напряженного платежного баланса. Во-вторых – особенности корейского менталитета, в котором глубоко укоренилась авторитарность, ведущая к быстродействию системы реализации решения по направлению сверху вниз и быстрой мобилизации ресурсов. Из-за проецирования семейного уклада на государственный уровень иерхаичность системы общественных отношений приводит к ясному делению сфер ответственности и четкой работе административного аппарата. В результате грань между личной жизнью и службой стирается, а такая черта национального характера как безучастность, которую относят к типу политической культуры **[1]**, дает основания для пассивного выполнения требований начальства.

И все же в большей степени достижение удачного результата объясняется заинтересованностью правительства, во главе которого стоял крайне экономичный в быту харизматичный лидер **[2]**, требовавший от подчиненных умения вести скромный образ жизни и уменьшения личных нужд для пользы государства. Выполнение таких требований имело высшую степень значимости для населения в стране, где политический авторитет вождя уподоблялся авторитету родителей, уважение к которым традиционно беспрекословно соблюдается. Пак Чжон Хи особо акцентировал необходимость опоры на собственные силы для достижения поставленных целей и со второй половины 1970-х гг. стал отходить от рекомендаций международных экономических организаций, проводя политику возвращения к национальным корням.

С начала своего пребывания у власти новое правительство в полной мере оценило роль науки и техники, как ведущей силы для роста экономики, по этой причине развитие отрасли продвигалось с целью поддержки социально-экономического роста. Для реализации деятельности по разработке научно-технической политики требовалось создание основ институциональной структуры. В результате в 1967 г. был опубликован Закон о поддержке науки и техники, в 1966 г. создан Корейский институт науки и техники (KIST) и в 1967 г. создан центральный орган по формированию и осуществлению национальной научно-технической политики – Министерство науки и техники (MOST). Профессор ун-та Дьюка (штат Каролина, США) и главный руководитель Общества корейско-американских ученых Хан Му Ёнъ считает, что "основание MOST и KIST ознаменовали начало науки и техники Республики Корея" **[6]**. В своей статье "Аннотированная хронология корейской науки и техники: От рисовых полей к дисплеям с плоским экраном" он называет 1960 г. нулевой координатой развития науки и техники в Корее **[6]**.

Традиционно сорокалетний период развития политики в области науки и техники Южной Кореи делят на декады **[9]**: 1960-1970-е гг. – имитационная фаза – обучение заграничным передовым технологиям и воспроизведение их в корейских условиях; 1980-е гг. – фаза внутреннего развития – активные адаптационные процессы и широкое внедрение улучшенных технологий; 1990-е гг. – инновационная фаза – увеличение отечественных научно-технических разработок; 2000-е гг. – фаза зрелых инноваций – создание научно-исследовательских разработок мирового

http://www.ojkum.ru/

уровня.

Научно-техническая политика начала формироваться в 1960-е гг. как составляющая часть промышленной политики. Первый финансируемый государством НИИ – Корейский институт науки и техники (Korean Institute of Science and Technology – KIST), – в задачи которого входило содействие промышленности в применении, изучении, адаптации, улучшении иностранных технологий, был создан в 1966 г., еще до основания Министерства науки и техники. В 1960 – 1970-е гг. технологическая политика шла в ногу с промышленной. Их цели, направленные на заложение фундамента под экономический рост, перекликались, и задачи способствовали заложению и развитию научно-технической инфраструктуры.

В начале 1960-х гг. приоритеты технологической политики были направлены на поддержку ввоза и адаптации иностранных технологий, а также на построение внутренней технологической базы. На этой основе промышленная политика ориентировалась на создание фундамента для индустриализации посредством развития импортзамещающих технологий и отраслей легкой промышленности, в том числе экспорториентированных.

В середине 1970-х гг. внимание промышленной политики было обращено на целевую поддержку стратегических – капиталоемких и технологически интенсивных – отраслей, к числу которых относились электроэнергетика, машиностроение, судостроение, химическая промышленность и электроника. Здесь имеет смысл привести слова Иоффе Я.А. о том, что "в обеспечении научно-технического прогресса и повышения производительности труда решающая роль принадлежит (именно – примеч. А.О.) электроэнергетике, машиностроению и химической промышленностям, которые масштабами и структурой своего производства определяют темпы и характер технического перевооружения всех отраслей народного хозяйства". В БСЭ он иллюстрирует это утверждение материалами, указывающими, что в 1972 г. на долю этих отраслей в развитых капиталистических странах приходилось 57,4% всей промышленной продукции **[4]** Первоочередной интерес технологической политики был направлен на укрепление технологического потенциала, прежде всего на подготовку кадров.

Самой выдающейся стадией роста южнокорейской промышленности называют 1970-е гг. **[7, с. 22].** Однако успехи промышленности не означали одновременных научно-технических успехов. Некоторые виды производств южнокорейской промышленности создавались иностранными монополиями как отдельные звенья технологического цикла, и результатом такого процесса стал "рост без развития". Промышленное и научно-техническое усовершенствования требовали ввоза передовых иностранных технологий. В свою очередь технологический импорт вел за собой потребность в так называемых высоких поглощающих способностях, то есть высоком умении адаптировать иностранные технологии на корейской земле, вылившееся в правительственную программу строительства научно-технических институтов. Для смягчения острого недостатка инженерных и ученых кадров и для усиления образования в сфере науки под ответственностью MOST в феврале 1971 г. правительство учредило Корейский передовой научный институт (KAIS).

С середины 1970-х гг. стало очевидно, что для дальнейшего экономического роста южнокорейской экономике необходим дух соревнования с передовыми странами. Важность фундаментальных и прикладных наук для состязаний подобного рода была неоспорима. И для поддержки фундаментальной науки в 1977 г. был основан Корейский фонд науки и инженерии (KOSEF) – центральная организация по поддержке и фи-

нансированию фундаментальных исследований в науке и инженерии, по продвижению в массы научного образования и по надзору за университетами, имеющими отношении к НИИ. Но развитие KOSEF было замедленным[1]. В промышленном секторе с целью содействия развитию экономики и общества с помощью развития новых знаний и технологий в информатике, телекоммуникации и электронике и выпуска квалифицированной рабочей силы в области IT в 1976 г. был организован НИИ электроники и телекоммуникаций (ETRI). Он стал основой текущего развития электронной и телекоммуникационной промышленности Кореи и одним из сильнейших исполнительных секторов экономики.

Наряду с этими мерами для того, чтобы лучше справиться с усиливающимся международным экономическим соперничеством, правительство требовало от частных компаний учреждать собственные организации в сфере НИОКР, стимулируя их налоговыми льготами и оказывая финансовую поддержку. В целях продвижения развития промышленных технологий корейское правительство призывало крупные компании учредить один исследовательский центр на одну компанию, в то время как малым и средним компаниям рекомендовалось организовывать исследовательский консорциум.

К концу 1970х гг. была заложена модель развития корейской науки и техники. Сложилась централизованная система управления, представленная связкой MOST – KOSEF. KIST и ETRI стали флагманами НИОКР в технологии. KAIST занимался подготовкой отечественных кадров и возвращением корейских ученых из-за рубежа.

В то же время можно утверждать, что на протяжении 1960-х и большей части 1970-х гг. в политике правительства наблюдалось определенное игнорирование фундаментальной науки, объяснить которое можно срочностью требований для экономического роста и отсутствием времени на ожидание вероятных будущих дивидендов от продолжительных исследовательских программ. В силу этого государственная поддержка была направлена на прикладные промышленные исследования.

Переоценка и реорганизация научно-технической тактики, под знаком которых прошли 1980-е гг. были заданы переменами в международной экономической среде и политической ситуации внутри РК в конце 1970-х – начале 1980-х гг.[2] Уже в 1980 г. KIST и KAIS были объединены в одну структуру – Корейский передовой институт науки и техники (KAIST). В 1980 – 1981 гг. новое корейское правительство выпускает ряд законов, посвященных поддержке особых НИИ и содействию технического развития. В 1981 г. для предоставления финансовой помощи развитию новых и существующих технологий была учреждена Корейская корпорация технологического развития (KTDC). Созданная совместными усилиями государства, бизнеса и Международного Банка, она была наделена полномочиями стимулировать развитие высокотехнологичной промышленности через обеспечение частных предприятий венчурным капиталом для реализации проектов, связанных с высокими технологиями. Кроме того, для более эффективного использования существующих исследовательских возможностей оборудование и кадры шестнадцати поддерживаемых государством НИИ были объединены в девять институтов под руководством MOST. В 1984 г. целью поддержки будущих ученых высшей квалификации, как специальный преддиплом-

[1] Так, к примеру, программа для научных сотрудников с ученой степенью началась только в 1982 г.

[2] В конце 1970х гг. мировая инфляция и рецессия, резкий рост цен на нефть после иранской революции достигли РК. По стране прокатилась волна банкротств и стачек, которые увенчались экономической стагнацией, напряженностью корейско-американских отношений и новым кровавым военным переворотом 1980 г.

http://www.ojkum.ru/

ный обучающий центр для научно одаренных студентов был учрежден Корейский институт технологии (KIT) с базовым четырехлетним циклом обучения. Проводимая правительством научно-техническая реструктуризация предполагала усиление качественных показателей для более успешной реакции на технологические требования будущего вследствие уменьшения количества составляющих.

Подводя итог под хронологическим обзором эволюции науки и техники Республики Корея в период 1948 – 1987 гг., отметим, что на начальном этапе развития научно-техническая политика выступала частью промышленной политики. С начала 60-х гг. государством была признана большая роль науки и техники для модернизации страны. С середины 70-х гг. проступают главные изменения в политике по направлению "утечки мозгов". Результаты этой государственной кампании – сначала тоненькая струйка, а затем установившееся течение корейских ученых и инженеров, обученных в США, которые стали возвращаться на родину. Наряду с уплотнением рынка ученых и инженеров в США этому способствовало основание в Корее многочисленных НИИ, поддерживаемых государством. 1980-е гг. стали поворотной точкой в развитии РК. Это время кардинальных перемен в политике и экономике. Время, названное "золотым". Два важнейших события этого периода – открытие научного городка Тэдук и учреждение Поханъского института науки и техники (POSTECH) – иллюстрируют смещение центра с поддержки промышленных исследований, проводимых в 60-70-е гг., в сторону установки долгосрочного основания для развития науки и техники. Таким образом, только с 1980-х гг. позволительно говорить о научно-технической политике Южной Кореи как таковой без привязки к политике промышленной.

Правительство Республики Корея с помощью продуманной концентрации совокупности ресурсов на приоритетных направлениях развития отраслей народного хозяйства в кратчайшие сроки совершила прорыв в экономическом развитии, позволивший получить ей в 1996 г. международный статус промышленного государства. Все усилия правительства были направлены на достижение научно-технического прогресса: была выстроена соответствующая административная система, создана законодательная и институциональная основы, велась кадровая политика, пятилетние планы экономического развития поэтапно совершали шаги для выполнения осуществления перехода к производству наукоемкой продукции. На основе показателей уровня научно-технического развития можно говорить, что за менее чем полувековой период страна из традиционного государства стала современным, и научно-техническая политика, вытекающая из целей социально-экономического развития страны, способствовала достижению этой цели – созданию независимой экономики Республики Корея.

◆

Литература

1. Асмолов К. Административная культура Южной Кореи. URL: http:// www.gos-uprav.ru/about/clause/445/706918/. December 26, 2007.

2. Асмолов К. Генерал Пак Чон Хи. Очерк политической биографии // Сеульский вестник. №№ 77-80, июнь – ноябрь 2003 г. URL: http:// malchish.org/

lib/politics/korea_Pack.htm. February 13, 2008.

3. Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Наукоемкие технологии и их роль в современной экономике. URL: http://www.rffi.ru/default.asp?doc_id=5767. November 14, 2008.

4. БСЭ. URL: http://slovari.yandex.ru/dict/bse. August 3, 2007.

5. Суслина С.С. Промышленность Южной Кореи. М., 1988. 216 с.

6. Han Moo Young. Annotated Chronology of Korea's Science and Technology. From Rice Paddies to Flat Panel Displays. URL: http://www.duke.edu/~myhan/kaf0401.html. October, 2007.

7. Kim Dong-hyun. The Development of Indigenous Science and Technology Capabilities in Korea //Korea Journal. Feb.1990. P. 22.

8. Kim Yung Sik. Some Reflections on Science and Technology in Contemporary Korean Society // Korea Journal. August 1988. 4-15 pp.

9. The ministry of science and technics of Republic Korea. URL: http://www.most.go.kr. March, 2006.

УДК: 338:91(511.03)

Ши Чуньян

"Пять точек на одной линии": стратегия провинции Ляонин в новой структуре открытости внешнему миру[1]

"Five points, on the same line": Liaoning province strategy as a part of new structure of openings to the external world

Работа посвящена анализу стратегии развития китайской провинции Ляонин "пять точек на одной линии". Рассматривается содержание стратегии, преимущества стратегии развития как плана и преимущества провинции Ляонин как места развёртывания этого плана, указываются перспективы совершенствования стратегии и возможности Ляонина и Северо-Востока КНР в условиях реализации данного плана.

Ключевые слова: *стратегия "открытости", экономика Ляонина, приморский пояс, Бохайский залив, "портовая" экономика.*

◆

An analysis of the developing strategy "five points, the same line" for China Liaoning province is the focus of this work. The author examines the strategy according to its contents, overweights, perspectives of perfection. Also the advantages of Liaoning as a place of the strategy embodying are considered. Finally, the author estimates Liaoning and the North-East of China perspectives and possibilities as a result of the "five points, on the same line" strategy.

Key words: *openess strategy, Liaoning economics, Bokhai bay, "seaport" economy, coast zone*

Провинция Ляонин является самой важной на Северо-Востоке КНР, это единственная провинция в регионе, имеющая выход к морю и обладающая, таким образом, двойным потенциалом развития – старых промышленных баз и прибрежных районов. Поэтому с первой половины 2005 года Ляонинский комитет КПК и правительство провинции реализуют стратегические предложения по расширению открытости внешне-

[1] Перевод с китайского Кондратенко Г.В.

http://www.ojkum.ru/

му миру провинции Ляонин, названной "пять точек на одной линии".

1. Содержание стратегии

Формирование структуры открытости "пять точек на одной линии" положило начало реализации стратегии развития старых промышленных баз Северо-Востока страны на общекитайском уровне. В 2003 г. Госсовет КНР выпустил "Некоторые предложения по реализации стратегии развития старых промышленных баз Северо-Востока" **("Чжунфа" (2003 г.), документ 11)**, в которых было декларировано ускоренное развитие Северо-Востока. Для того, чтобы эффективнее использовать возможности развития, партийный комитет и правительство Ляонина, оценив положение провинции, быстро разработали стратегию развития "одна главная цель, два основания, три отрасли"[1]. В том числе было предусмотрено создание в Даляне международного центра воздушных и морских перевозок для дальнейшего процветания города, развитие побережья Бохайского залива, строительство шоссе вдоль побережья и формирование вокруг него нового экономического района.

В 2005 г. канцелярия Госсовета КНР выпустила "Предложения о мерах стимулирования расширения открытости внешнему миру старых промышленных баз Северо-Востока" **(Канцелярия Госсовета (2005), документ 36)**, в этом документе чётко отмечался курс на развитие старых промышленных районов Северо-Востока. В свою очередь, ляонинский комитет КПК и правительство провинции чётко определили необходимость поддержания и использования двойного потенциала развития старых промышленных баз и прибрежных районов провинции. В июле 2005 г. собрание народных представителей провинции приняло решение о включении провинции на основании стратегии развития побережья Бохайского залива в структуру стратегии развития побережья Жёлтого моря; стратегия расширения открытости внешнему миру была принята с целью обогащения и процветания провинции Ляонин. В дальнейшем, по замыслу создателей, стратегия открытости "пять точек на одной линии" затронет всю провинцию и даст очевидный эффект в развитии прибрежных районов.

В феврале 2006 г. были официально обнародованы "Некоторые политические предложения народного правительства провинции Ляонин в отношении стимулирования развития внешней открытости ключевых приморских районов" ("Предложения..."), в которых были чётко определены пять ключевых приморских территорий провинции для ускоренного развития. Одновременно были официально выработаны 12 пунктов политических преференций, стимулирующих развитие внешней открытости ключевых приморских территорий, что создало благоприятные политические гарантии для разработки стратегии открытости. В итоге новая структура внешней открытости была сформулирована официально. В "Предложениях" указывается, что "пять точек" включают в себя со стороны Бохайского залива – Даляньскую портовую промышленную зону роста, производственную базу Инкоу, приморскую экономическую зону Цзиньчжоу (включает промышленную зону Цзиньчжоу и портовую промышленную зону Хулудао), а со стороны Жёлтого моря – технопарк Даньдуня и Даляньский район технико-экономического освоения "Чжу-

[1] "Одна главная цель" – Далянь должен стать международным центром воздушных и морских перевозок в Северо-Восточной Азии; «два основания»: во-первых, промышленность, оснащённая современным оборудование, во-вторых, промышленность, полностью обеспеченная сырьём и материалами; «три отрасли»: первая – информационные технологи и наукоёмкое производство, вторая – современное сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность в аграрном секторе, третья – современная сфера услуг.

http://www.ojkum.ru/

анхэ хуаюань". На базе развития открытости пяти ключевых районов в Ляонине был создан долгосрочный план развития на уровне уездов от города Хулудао на западе до восточного порта Даньдуня на востоке: общая протяжённость шоссе вдоль Бохайского залива составит 1443 км, таким образом возникнет единый приморский регион, что создаст перспективы расширения открытости "на одной линии" **[3]**.

2. Преимущества Ляонина как места развития стратегии

Ляонин омывается с востока водами Жёлтого моря, а с запада – Бохайским заливом. Береговая линия провинции, ограниченная с востока портом Ялюйхун, а на западе – портом Шаньхайгуань, по форме напоминает букву N и её общая протяжённость составляет 2290 км, т. е. 12% от общей протяжённости береговой линии Китая. Из 14 крупных городов Ляонина 6 находятся на побережье, а 2/3 площади провинции (включая Шэньян, Аньшань, Ляоян, Чаоян, Фусинь) находится внутри стокилометровой приморской зоны. Ляонин является по-настоящему приморской провинцией, но в прошлом это игнорировалось ляонинцами, они "находились на берегу, не зная об этом", а Ляонин представлялась как провинция, развивающая старые промышленные базы и внутренние районы провинции. Большинство стратегических промышленных пунктов провинции долгое время было сосредоточено в городах, расположенных в центральной части Ляонина.

На Северо-Востоке Ляонин является единственной приморской провинцией и обладает богатыми портовыми ресурсами и ресурсами береговой линии. Ляонин располагает тысячекилометровой прибрежной зоной, пригодной для стоянки судов, при этом более 400 км составляет глубоководная прибрежная зона, в которой расположены 38 удобных торговых портов, в том числе 5 крупных, в которых боле ста десяти причалов для принятия судов водоизмещением свыше 10 тыс. тонн. Помимо этого, побережье провинции располагает более чем 40 большими и малыми заливами, что создаёт перспективу дальнейшего роста приморской инфраструктуры района. Далянь и Инкоу являются превосходными незамерзающими портами, а порты Цзиньчжоу, Хулудао и Даньдуна всё время наращивают масштабы деятельности.

Побережье Ляонина относится к небольшому числу районов, территория которых освоена не полностью – так, на побережье имеется большое количество заброшенных соляных промыслов, солончаков, пустошей и соляных отмелей, которые обладают сравнительно небольшим стартовым потенциалом развития. В настоящее время в прибрежном Юго-Восточном регионе Китая существует серьёзный недостаток земельных ресурсов, а для созидательного развития необходимы земля и ресурсы. Их недостаток создаёт серьёзные ограничения для ускоренного развития экономики, и поэтому в условиях необходимости расширения жизненного пространства побережье провинции Ляонин, обладающее свободными площадями, может привлечь китайских и иностранных инвесторов. Создание прибрежного экономического пояса "пять точек на одной линии" безусловно соответствует закономерностям мировой экономики и создаёт новые возможности для развития побережья Ляонина.

3. Дальнейшее развитие стратегии

Главное значение развития прибрежного экономического пояса "пять точек на одной линии" – это создание национальной промышленной базы нового типа, это прорыв в создании сильной прибрежной эко-

номики в Ляонине, это основное мероприятие для расширения внешней открытости в Северо-Восточном регионе. К основным задачам, стоящим перед разработчиками и исполнителями стратегии, можно отнести следующие.

1) Необходимо полностью завершить организацию новой структуры всесторонней открытости, ускорить открытое экономическое строительство. В ближайшее время Ляонину придётся использовать иностранные инвестиции для сохранения высоких темпов роста и открытое экономическое строительство будет являться показателем развития ситуации. Также необходимо изучить потенциальные преимущества развития, в том числе и не полностью выявленные, и не до конца использованные, особенно в ближайших регионах – Японии и Республике Корея. Ускоренное создание и развитие прибрежного экономического пояса "пять точек на одной линии" даёт возможность увеличить приток инвестиций из Японии и Южной Кореи, привлечь транснациональные компании с целью размещения их штаб-квартир в провинции, а также позволит развернуть сильные стороны промышленной базы Ляонина и стимулировать внешнеориентированное развитие производства, расширить внутрирегиональное индустриальное пространство, реализовать внутренние и внешние резервы и уникальные преимущества двух рынков для развития прибрежного экономического пояса, повысить уровень ориентированности ляонинской экономики на внешние рынки, уровень национальной и международной конкурентоспособности **[2]**. Посредством развития внешней открытости внутренних районов необходимо стимулировать взаимное сближение приморских и внутренних районов, определить место и роль Ляонина в новой структуре внешней открытости Северо-Восточного региона, создать сильную прибрежную экономику в провинции.

2) Нужно распространить регулируемое пространство производственной структуры на весь Северо-Восток, ускорить создание новой национальной промышленной базы. В настоящее время на Северо-Восток приходится 33% производства сырой нефти, железной руды и сырья для сталелитейной промышленности и около 50% готовой продукции нефтяной промышленности и металлургии. Ляонину необходимо сделать свои морские порты местом концентрации полуфабрикатов и готовой продукции и их дальнейшей перевозки. Таким образом, ляонинское побережье станет залогом развития добычи угля и металла во внутренних районах Северо-Востока. Развитие прибрежного экономического пояса позволит стимулировать размещение производства крупногабаритного оборудования для нефтяной, металлургической и сырьевой промышленности в приморском районе, также позволит эффективно участвовать в международном переносе производства тяжёлой промышленности. Район "пяти точек" станет важным элементом новой национальной производственной базы, выведет производственную структуру региона, включая весь Северо-Восток, на качественно новый уровень, и в итоге станет ключом к созданию новой промышленной базы Китая.

3) Следует стимулировать сбалансированное развитие экономики региона, в целом повышая её конкурентоспособность. В провинции Ляонин у 5 городов, кроме Даляня средний уровень производства составляет лишь 80% от среднего показателя производства провинции в целом, и их экономическая мощь относительно слаба **[1]**. Создание прибрежного экономического пояса и в особенности – ускоренное развитие пяти ключевых пунктов, позволит использовать заброшенные соляные промыслы, солончаки, пустоши и соляные отмели, задействовать новые резервы для эффективного освоения и использования, в итоге превратив прибрежный регион в новую "блестящую точку экономического раз-

http://www.ojkum.ru/

вития". Одновременно, Инкоу, Цзиньчжоу и Даньдун станут ключевыми морскими воротами соответственно для центрального, западного и восточного экономических районов провинции Ляонин, развитие этих приморских городов несомненно может стать стимулом для развития внутренних районов провинции, обеспечив тем самым на практике всестороннее и гармоничное развитие экономики провинции в целом.

4. Перспективы развития провинции Ляонин и Северо-Востока в целом

Стратегия развития прибрежного экономического пояса "пять точек на одной линии" позволит объединить двойной потенциал развития Северо-Востока – развития старой промышленной базы и расширения приморской открытости, связать системы научных и технических изобретений, развить производственную кооперацию, укрепить приморскую экономику, создать новую структуру внешней открытости, использовать "пять точек" в качестве ключевых пунктов стимулирования развития приморского экономического пояса, повысить комплексную мощь, инновационный потенциал, уровень сервиса и международную конкурентоспособность. Создание приморского экономического пояса приведёт к возникновению нового промышленного пояса и нового района экономического роста в Северо-Восточном регионе, Китае в целом и даже в Северо-Восточной Азии **[5]**.

В ближайшее время важными задачами роста являются: ускоренное усовершенствование базовых мероприятий по развитию пяти ключевых пунктов в выбранном регионе; повышение уровня региональной целостности; удовлетворение базовых потребностей развития промышленности; развитие основных статей импорта; подготовка плана приоритетов развития промышленности; постепенное формирование новой платформы внешней открытости провинции в целом; перемещение производства и трудовых ресурсов внутри региона; включение приморского экономического пояса в национальную стратегию развития в качестве нового центра экономического роста.

Общая площадь территории, включённой в перспективный план развития приморского экономического пояса провинции Ляонин составляет 482, 9 км^2, в том числе площадь территории района "пяти точек на одной линии" – 195, 26 км^2, протяжённость приморского шоссе составляет 1443,3 км, эта дорога, объединив 6 крупных городов, 21 уезд, 103 посёлка, соединит 25 крупных и мелких портов; согласно принципам "правительство управляет, рынок регулирует, инвестиции стимулируют, движение развивает" были обеспечены инвестиции в основные фонды: строительство дорог, источники энергии, электрообеспечение – базовый набор мероприятий был завершён в той части региона, где планировалось быстрое введение в строй необходимых объектов. К ноябрю 2007 г. площадь прибрежного открытого региона развития "пять точек" составляла 118,16 км^2, т. е. 60,51% от запланированной площади (195,26 км^2), на территории 94 км^2 были расположены объекты, практически использовать можно территорию площадью 53,77 км^2. К ноябрю 2007 г. была освоена территория площадью 40,95 км^2: площадь, занятая объектами, составляла 32,96 км^2, площадь практически осваиваемой территории составила 34,55 км^2. К отчётному периоду общая сумма капиталовложений в основные фонды пяти ключевых районов развития составила 296,03 млн. юаней, в том числе капиталовложения в основные фонды составили 18,4 млн. юаней, общая сумма вложений при осуществлении базовых мероприятий составила 127,55 млн. юаней **[4]**.

С целью привлечения международных инвестиций в регион, повы-

шения международной конкурентоспособности производства наукоёмкой продукции, были подписаны соглашения с международными ТНК о размещении на территории района дочерних компаний. К ноябрю был заключён 471 договор, сумма инвестиций составила 1921,23 млн. долл. В период с января по ноябрь 2007 г. был заключен 241 договор, сумма инвестиций составила 1076 млн. долл. В сентябре 2007 г. японские префектуры подписали договор о вложении 6 млн. долл. в развитие расположенных в портовых районах предприятий, выпускающих удобрения. С января по ноябрь 2007 г. была санкционирована регистрация в этом регионе 226 объектов с объёмом капиталовложений 731,88 млн. юаней. Фактически было введено в строй 180 новых объектов, что составляет 70,87% от общего числа запланированных объектов, и сумма инвестиций составила 343,06 млн. юаней **[4]**.

С января по ноябрь 2007 г. реальные показатели развития приморского района "пять точек" были следующими: валовой региональный продукт составил 64,1 млн. юаней, валовой промышленный продукт составил 129,28 млн. юаней, общая сумма налогов составила 9,36 млн. юаней, финансовая прибыль – 17,03 млн. юаней, было трудоустроено 32670 человек **[2]**. Сейчас появилась возможность перенести экономический центр Ляонина и Северо-Востока в целом в приморский регион, построить "квазипортовую экономику" и создать главный составной компонент и ключевое звено структуры экономического развития всей провинции.

Развитие старой промышленной базы провинции Ляонинн – это залог целостного и всестороннего развития провинции. И это означает постепенное расширение открытости внешнему миру, открытости в целом. Стратегия открытости внешнему миру "пять точек на одной линии" будет стимулировать взаимное развитие экономики приморских и внутренних районов, осуществлять равномерный экономический рост каждого района провинции, создаст необходимые условия для гармоничного социального развития. Являясь единственным приморским регионом на Северо-Востоке, Ляонинский прибрежный экономический пояс может стать ключевым пунктом для экономического кольца Северо-Восточной Азии. Это позволит не только упрочить отношения с провинциями Цзилинь, Хэйлунцзян, восточными районами Внутренней Монголии, районом Пекин – Тяньцзинь – Тангу, но и расширить торговый потенциал с Японией, Россией, Республикой Корея и КНДР. Прибрежный экономический пояс "пять точек на одной линии" повлияет не только на развитие Ляонина, но и станет основным фактором развития Северо-Востока вплоть до восточных районов Внутренней Монголии.

◆

Литература

1. Далянь: создание экспортно-ориентированной экономики – заранее прогнозируемый успех // [Электронный ресурс]. URL: http://www.ln.stats.gov.cn/infopub25/PubTemplet [Дата обращения: 10.12.2008]

2. О мероприятиях стратегии "открытости" приморского пояса провинции Ляонин // [Электронный ресурс]. URL: http://www.ln.xinhuanet.com/dongbei/2008.10/23/content_14715546 [Дата обращения: 10.12.2008]

3. "Пять точек на одной линии" – залог расцвета провинции Ляонин // [Электронный ресурс]. URL: http://news.sohu.com/20070404/n249180012.shtml

http://www.ojkum.ru/

[Дата обращения: 10.12.2008]

4. Ху Синь. "Пять точек на одной линии" – создание ключевых пунктов "открытости" в провинции Ляонин // [Электронный ресурс]. URL: http://www.ln.xinhuanet.com/2008-11/20/content_14973076.htm [Дата обращения: 10.12.2008]

5. Ян Чжунхоу. Промышленность Ляонина на пути ускоренного развития // [Электронный ресурс]. URL: http://www.ln.xinhuanet.com/2008-11/20/content_14973145.htm [Дата обращения: 10.12.2008]

УДК 001.83(571:510)

М.С. Емешкина

Взаимодействие России и Китая в области научно-технического сотрудничества: к вопросу об историографии исследования

The cooperation of Russia and China in the field of scientific and technical collaboration in their historiography of the problem

Рассматриваются взгляды российских и китайских авторов на проблему взаимодействия России и Китая в области научно-технического сотрудничества, а также на такие его составляющие, как взаимодействие в военной и энергетических сферах

Ключевые слова: *историография, Китай, научно-техническое сотрудничество, Россия.*

◆

The article describes views of Russian and Chinese authors on the problem of scientific and technical cooperation between Russia and China and also there is an aspect in their cooperation. It is an interaction in military and energetic fields.

Key words: *historiography, China, scientific and technical cooperation, Russia.*

Китай и Россия являются крупными научно-техническими державами, они имеют свои преимущества и одновременно взаимно дополняют друг друга во многих направлениях науки и техники.

Многие факты свидетельствуют о том, что научно-техническое сотрудничество России и Китая налаживается в полной мере на основе равноправия, и взаимной выгоды. В ходе сотрудничества обе стороны заключают соглашения и контракты в соответствии с принципом рыночной экономики и с учетом собственных интересов.

В научно-технической области Китай и Россия имеют свои преимущества и полезны друг для друга, что служит основой и благоприятной предпосылкой для развертывания ими научно-технического сотрудничества. Применение российских технологий позволяет повышать уровень китайских технологий в ряде сфер, при этом Китай, в свою очередь, имеет собственные преимущества в содействии индустриализации научно-технических достижений и превращении их в конкурентоспособную на рынке продукцию.

В настоящее время немало китайских предприятий и исследовательских институтов, используя собственные финансовые, кадровые преимущества, доводят заимствованные в России научно-технические достижения до инновационной продукции с большими рыночными воз-

http://www.ojkum.ru/

можностями. Российская сторона получает от этого огромные экономические выгоды, благодаря сотрудничеству с Китаем получает возможность освоения технологий и их индустриализации.

Развитие и усиление российско-китайского научно-технического сотрудничества приобретает все большее значение на фоне усиления интеграционных процессов в мире и в частности в СВА.

Изучение международных отношений России и Китая в области научно-технической политики началось с момента заключения межправительственного соглашения по научно-техническому сотрудничеству 18 декабря 1992 года.

С 1992 года в российской научной литературе был сделан ряд попыток рассмотреть российско-китайское научно-техническое сотрудничество. Например, монография В.Л Ларина **[12]** "В тени проснувшегося дракона" посвящена эволюции отношений России и Китая в последние 25 лет. В работе затрагиваются политические, экономические, правовые аспекты двусторонних отношений. Автор уделил особое внимание злободневным и спорным вопросам межцивилизационных контактов. В работе "Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.)" **[13]** В.Л. Ларин изучает различные аспекты российско-китайских региональных связей (преимущественно между Дальним Востоком России и Северо-Восточным Китаем) на рубеже XX – XXI вв. Особое место в монографии уделено анализу пограничной политики двух стран и результатам экономического взаимодействия соседних территорий.

В.Л. Ларин **[14]** в работе "Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы" отмечает, что за последнюю четверть века развитие российско-китайских связей стало более интенсивным, и "большое значение этих связей неоспоримо, как неоспоримо и их влияние на нынешнее состояние и будущее развития российско-китайских отношений в целом. Уже только поэтому их опыт и проблемы заслуживают внимательнейшего изучения" **[14, с. 41]**. Также автор уделил внимание перспективам развития региональных связей между Россией и Китаем.

В монографии "Китай – Россия 2050: стратегия соразвития" Б.Н. Кузык, М.Л. Титаренко **[11]** предпринята попытка исследовать потенциал развития Китая до 2050 года, а также проблемы и противоречия, которые могут возникнуть на его пути, возможные перспективы их решения. Вместе с тем в книге раскрывается потенциал сотрудничества и соразвития России и Китая в решении внутренних и международных задач.

Работа Л.Е. Стровского **[22]** "Китай после вступления в ВТО. Адаптация китайской экономики к условиям мирового хозяйства" раскрывает актуальность вступления Китая во Всемирную Торговую Организацию и важность преобразований, произошедших в китайской экономике. В работе подчеркнута значимость и важность сотрудничества между Россией и Китаем, как на общегосударственном, так и на региональном уровнях.

Исследование "Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний" А.Д. Воскресенского **[2]** – результат многолетнего авторского исследования основных проблем российско-китайских отношений XVI – XXI вв. В третьем разделе этой работы обобщается история четырехсотлетних контактов между Россией и Китаем, включая малоизвестные и спорные моменты, и строятся сценарии развития будущих отношений между государствами.

В труде "Китай в мировой политике" **[7]** международный коллектив авторов из России, Китая и США впервые комплексно рассматривает ге-

ополитические и геоэкономические вопросы, связанные с выдвижением Китая в ранг государств "первого уровня", анализируются глобальные и региональные последствия этого процесса.

Проблемы динамично развивающегося Китая, а также изменения, произошедшие в этой стране за последние 30 лет, рассматриваются в книге Ю.В. Чудодеева **[25]** "На глазах меняющийся Китай". Отдельные разделы книги посвящены российско-китайскому стратегическому взаимодействию в рамках глобального международного сотрудничества.

Двустороннее сотрудничество России и Китая и научно-техническое сотрудничество в частности также было рассмотрено в статьях российских авторов. Например, И.А. Рогачев **[20]** в статье "Взаимодействие России и Китая на международной арене" пишет о совпадении или близости взглядов обоих государств на ключевые проблемы современного мироустройства. В работе "Российско-китайский договор о добрососедстве дружбе и сотрудничестве: итоги первого года" **[21]** им не только сделан экскурс в историю договорных отношений России и Китая, но и отмечается, что первый год после подписания Договора был успешен как для России, так и для Китая. Автор обращает внимание на то, что перспективными сферами двустороннего сотрудничества являются энергетика (совместное строительство нефте- и газопроводов, закупка российского энергооборудования, организация выпуска ядерного топлива для газоцентрифужных заводов и т.д.), а также сфера высоких технологий (создание на территории России и Китая технопарков). В заключение автор отмечает, что такой исторический документ, как Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, заключенный между Россией и Китаем, внес огромный вклад в укрепление глобальной и региональной стабильности и то, что обе страны в будущем также будут поддерживать основополагающий принцип взаимодействия, закрепленный в российско-китайском Договоре – ненаправленность против третьих стран.

В.Я. Портяков **[19]** в работе "О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства" раскрывает основные особенности российско-китайских отношений на современном этапе. Автор отмечает, что "для России и Китая отношения друг с другом имеют в настоящее время и сохранят в обозримой перспективе важное многофункциональное значение" **[19, с. 28]**.

Сравнительный анализ взглядов американских и китайских аналитиков на проблему национальной стратегии развития Китая дан в статье Я.М. Бергера **[1]** "Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей".

В исследовании В. Фроленкова **[23]** "Коллективное экономическое сотрудничество стран-членов ШОС: начальный этап становления" приведена оценка перспективам развития экономического сотрудничества между странами-членами Шанхайской организации сотрудничества, России и Китая в особенности.

Совместная работа А.В. Крутских и В.В. Ничкова **[10]** "Научно-технологическое направление российской дипломатии" раскрывает ряд направлений по которым осуществляется научно-техническое сотрудничество с зарубежными странами. Также в этой статье дана оценка проводимой политики в данной сфере сотрудничества.

Помогает раскрыть интересующую тему работа российского автора Н.Н. Ныровой **[18]** "Организационные и юридические вопросы научно-технического сотрудничества с Китаем". Автор указывает на то, что "международное научно-техническое сотрудничество является не веянием моды, но требованием современной экономики в условиях глобализации науки и техники и усиления международного разделения труда. Однако сотрудничество с разными странами имеет свои особенности.

Чтобы правильно выбрать форму сотрудничества, необходимо ставить четкие цели, понимать способы их достижения, знать правовую среду страны партнера, поскольку научно-техническое сотрудничество носит политический характер, но не предоставляет эксклюзивные экономические права" **[18, с. 1]**.

В статье В.С. Мясникова **[17]** "Взаимоотношения России с Китаем: тенденции, динамика, перспективы" дана геополитическая оценка тенденциям и перспективам развития двустороннего сотрудничества России и Китая.

Проблема двустороннего сотрудничества России и Китая в научно-технической сфере затрагивается и в работах китайских авторов. Например Ли Чаншунь **[15]** в работе не только дает обзор новейшей истории российско-китайских отношений, а также приводит показатели углубления российско-китайских отношений в новом веке, но и рассматривает перспективы развития российско-китайских отношений.

Заслуживает внимания статья Лю Цинцай **[16]** "Современная внешняя политика Китая и китайско-российские отношения". В ней говорится о том, что отношения между Россией и Китаем характеризуются не присоединением к любым блокам и не направленностью против любой третьей страны. Оба государства имеют большой потенциал и географические преимущества для активного развития взаимовыгодного сотрудничества, укрепления двусторонней торговли и технико-экономического взаимодействия. На сегодняшний момент открыты широкие перспективы для активизации сотрудничества между Россией и Китаем в сфере торговли, инвестиций, науки, образования и т.д., что благоприятствует совместному развитию и процветанию обеих стран. Автор отмечает, что в результате совместных усилий руководителями КНР и РФ был заключен ряд совместных соглашений, которые в свою очередь заложили положительную основу для дальнейшего развития российско-китайских отношений.

Ян Ли **[26]** в своей работе "Зоны высоких технологий в Китае: поиск, проблемы" приводит определение термина "высокие технологии" и уделяет особое внимание развитию высокотехнологичного производства в Китае.

Чжан Дэгуан **[24]** дает оценку результатам, полученным в ходе первого года со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ. Автор считает, что данный Договор отчетливо определил статус отношений двух стран, отразил широкий круг интересов России и Китая и закрепил идею мира между народами двух государств. Данный Договор поднял российско-китайские отношения стратегического партнерства и взаимодействия на качественно новый уровень. Автор пишет о том, что Россия и Китай взаимно дополняют друг друга с точки зрения природных ресурсов, науки и техники, товарной структуры и т.д. и в связи с этим сотрудничество двух стран обладает мощным потенциалом. Уделяется внимание научно-техническому сотрудничеству России и Китая и рассматривается, как заключение Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве повлияло на развитие отношений двух стран в области науки и техники. В статье отмечается, что после заключения Договора российско-китайские отношения в научно-технической сфере вступили в новый этап углубленного развития. В заключение автор дает прогноз об углублении отношений между Россией и Китаем.

Ряд работ посвящен такой проблематике научно-технического сотрудничества, как взаимодействие в военно-технической сфере. Например, в статье П.Б. Каменова **[5]** "КНР: проблемы обороны" говорится о том, что в настоящее время в Китае военно-промышленный комплекс

рассматривается в качестве отрасли, имеющей для страны стратегическое значение. Большую роль для Китая в решении проблем модернизации обороны играет сотрудничество с Россией. В своей второй работе "Военная политика КНР" **[4]** Каменов отмечает, что в начале столетия военная политика Китая направлена на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития. В статье "Космическая программа Китая"[6] он уделяет внимание развитию космической промышленности в Китае и такой важной составляющей научно-технического сотрудничества, как сотрудничество в области космических технологий. По мнению автора, Китай активно участвует в международном сотрудничестве по мирному освоению космоса, где значительно взаимодействие с Россией.

В работе А.Ф. Клименко **[8]** также рассматривается военно-техническое взаимодействие, обращается внимание на то, что взаимодействие России, Индии и Китая в области науки и техники в рамках Шанхайской организации сотрудничества способствует обеспечению и поддержанию мира, безопасности и стабильности в регионе.

Для раскрытия исследуемой темы имеют значения работы, посвященные проблеме сотрудничества в энергетической сфере. Например, в статье А.Г. Коржубаева **[9]** "Сотрудничество с Китаем в нефтегазовой сфере" говорится, что России и Китаю необходимо развивать отношения в области энергетики исходя из геополитических и экономических интересов двух стран. Ю. Ершов **[3]** в работе "Нефть и газ Сибири и Дальнего Востока в контексте российско-китайских отношений" отмечает, что разработка нефтегазовых месторождений, расположенных на территории Сибири и Дальнего Востока России, играет важную роль в развитии двустороннего сотрудничества в топливно-энергетической области.

В работах всех вышеперечисленных авторов лишь частично затрагивается проблема международных отношений России и Китая в области научно-технического сотрудничества. Комплексные монографические исследования или работы, посвященные теме научно-технического сотрудничества, пока отсутствуют. Данная проблема требует дальнейшего изучения.

◆

Литература

1. Бергер Я. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. №1. С.34-51.

2. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний/ А.Д. Воскресенский. М.: Муравей, 2004. 600, [8] с.

3. Ершов Ю. Нефть и газ Сибири и Дальнего Востока в контексте российско-китайских отношений // Азия и Африка сегодня. 2006. №6. С. 3-12.

4. Каменов П. Военная политика КНР // Азия и Африка сегодня. 2007. №5. С. 7-14.

5. Каменов П. КНР: проблемы обороны // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 52-66

6. Каменов П. Космическая программа Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2007. №4

7. Китай в мировой политике. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); РОСПЭН, 2001. 528 с.

8. Клименко А.Ф. Перспективы взаимодействия России, Индии и Китая в двустороннем формате и в рамках ШОС: военно-политические аспекты// Военная мысль. 2007. №6. С. 2-9

9. Коржубаев А.Г. Сотрудничество с Китаем в нефтегазовой сфере // ЭКО. 2007. № 9. 67-77

10. Крутских А., Ничков В. Научно-технологическое направление российской дипломатии // Международная жизнь. 2002. №12. С. 89-102

11. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай и Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 656с.

12. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.

13. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. 390, [2]с.:ил.

14. Ларин В. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 40-53.

15. Ли Чаншунь. Российско-китайские отношения в наступившем XXI веке поднимутся на качественно новый уровень //Проблемы Дальнего Востока. 2002. №2. С. 43-52

16. Лю Цинцай. Современная внешняя политика Китая и китайско-российские отношения// Проблемы Дальнего Востока. 2004. №5. С.54-59.

17. Мясников В.С. Взаимоотношения России и Китая: тенденции, динамика, перспективы. URL: www.omsu.omskreg.ru/vestnik/articles/y1998-i41a050/article.html#begin (Дата обращения: 1 декабря 2008 г.)

18. Нырова Н.Н. Организационные и юридические вопросы научно-технического сотрудничества с Китаем. URL: www.law-news.ru/up/u11/page_231.html (Дата обращения: 1 декабря 2008 г.)

19. Портяков В. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 5 С. 18-31.

20. Рогачев И. Взаимодействие Росси и Китая на международной арене // Проблемы Дальнего Востока. 2007. №6. С. 12-21.

21. Рогачев И. Российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве: итоги первого года // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №4.С. 21-29

22. Стровский Л.Е. Китай после вступления в ВТО. Адаптация китайской экономики к условиям мирового хозяйства: монография. М.: ЮНИТА-ДАНА, 2007. 224 с.

23. Фроленков В. Коллективное экономическое сотрудничество стран-членов ШОС: начальный этап становления // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 84-96.

24. Чжан Дэгуан. Широкие перспективы китайско-российских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №4. С. 30-34

25. Чудодеев Ю.В. На глазах меняющийся Китай. М.: Институт востоковедения РАН, 2008. 160 с.

26. Ян Ли. Зоны высоких технологий в Китае: поиск, проблемы // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 63-69.

УДК 008(571:510)

Е.В. Соловьева

Российско-китайское культурное взаимодействие: к вопросу об историографии проблемы

The Russian – Chinese cultural interaction: to a question on a historiography of a problem

Статья посвящена историографическому обзору материала по проблеме культурного взаимодействия России и Китая. Автор выделяет два уровня культурного взаимодействия – межгосударственные и межрегиональные контакты, приводит перечень наиболее значительных работ, посвященных рассмотрению этих контактов, подчеркивает важность культурного взаимодействия в дальнейшем развитии российско-китайского стратегического партнерства.

Ключевые слова: *историография, Китай, культурное взаимодействие, Россия.*

◆

The article is devoted to the historiographic review of a material on the problem of cultural interaction of Russia and China. The author allocates two levels of cultural interaction – interstate and interregional contacts, presents the list of the most significant works devoted to consideration of these contacts and emphasizes importance of cultural interaction in the further development of Russian – Chinese strategic partnership.

Key words: *historiography, China, cultural interaction, Russia.*

Потребности развития российско-китайских отношений в XXI веке диктуют необходимость исследования как существующих, так и возможных методов и вариантов культурных взаимодействий. Вектор развития мировой экономики все больше смещается в Азиатско-Тихоокеанский Регион, центральными партнерами которого являются Россия и Китай. В настоящее время особенно актуальна проблема культурного взаимодействия стран с различными типами культуры. Проблемы глобализации, охватывающие почти все стороны жизни народа, будь то политика, экономика, не оставили без внимания и область культурных связей, превратив культурный обмен в важную составляющую взаимодействия государств. Без культурного сотрудничества, взаимоизучения культур, взаимодействия и взаимопонимания не возможен переход на более высокий качественный уровень отношений.

Существует два уровня рассмотрения российско-китайского культурного взаимодействия: 1) межгосударственные контакты; 2) межрегиональные контакты.

Наиболее значительный вклад в разработку данной проблемы на общегосударственном уровне вносит М.Л. Титаренко **[24]** – директор

Института Дальнего Востока РАН, председатель общества российско-китайской дружбы (ОРКД). Осознание того, что за последние годы сотрудничество и добрососедство России и Китая создали достаточно благоприятные условия для осуществления совместных интересов каждой из стран, реализации планов, касающиеся приграничных районов, укрепления позиций обеих сторон на международной арене, углубили взаимопонимание, выделяет автор. "Наша линия в отношении Китая, на наш взгляд, должна заключаться в неизменном стремлении к взаимопониманию и сотрудничеству с ним. Но ее следует строить на основе обоюдного уважения и двусторонней выгоды без малейших признаков ущербности. Важно не подорвать все еще глубоко коренящееся в Китае мнение о России как о великой державе и поддерживать веру китайцев во взаимовыгодность и стабильность нашего сотрудничества" **[24, с. 274-275]**.

Не менее важным исследователем по изучаемой проблеме является Г.В. Куликова **[7]**, которая рассматривает диалог культур России и Китая, пишет о мосте взаимопонимания, дружбе и сотрудничестве.

Особого внимания заслуживает работа, посвященная проведению году России в Китае в 2006 году, в которой автор описывает ряд мероприятий, проходившие в разных городах Китая. Куликова в своей работе подчеркивает важность официального визита В. Путина в Китай в конце 2005 года и обмена приветствиями его с президентом Китая Ху Цзинтао; обращает внимание на заявления В. Путина: "Отношения России и Китая достигли беспрецедентного уровня. Эти отношения обогатились новыми инициативами… Созданы благоприятные условия для дальнейшего углубления нашего стратегического партнерства в духе взаимного уважения и доверия. Именно такой цели призвано служить проведение года России в Китае и года Китая в России…", и его коллеги Ху Цзинтао: "Проведение года России в Китае в 2006 и года Китая в России в 2007 – великий почин в истории китайско-российских отношений, имеющий исключительное значение для всестороннего развития межгосударственных отношений" **[6, с. 361-362]**.

В работе Титаренко отмечается значение визита В. Путина в Китай, проходившего 21-23 марта 2006 года **[23]**. Автор анализирует количество подписанных соглашений и протоколов о сотрудничестве в различных сферах на общегосударственном, межрегиональном и межведомственном уровнях, акцентирует внимание на выдвижение взаимоотношений России и Китая на новый уровень за счет совместного проведения национальных годов.

Достаточно подробное описание мероприятий, которые осуществлялись во время проведения национальных годов можно увидеть в статьях А.Л. Верченко **[2]** и К. Внукова **[3]**. Одной из главных задач, как указывают авторы, является укрепление социальной базы двустороннего сотрудничества.

Новое качество партнерства России и Китая отражено в работе С. Ливишина **[16]**. Благодаря решению о проведении года России в Китае и году Китая в России российско-китайское партнерство выходит на новый уровень взаимного доверия. Цель – через политическое, экономическое и культурное взаимодействие активизировать контакты по линии неправительственных, общегосударственных организаций и довести это партнерство до каждого жителя обоих государств, отмечает автор.

Ряд исследователей занимается изучением нормативно-правовой базы двустороннего сотрудничества. И. Рогачев **[18]** анализирует итоги первого года российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе в 2001 году и сравнивает его реализацию с договорами прошлых лет. Автор выделяет наиболее важные аспекты развития российско-китайского

партнерства за год, прошедший со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Региональная и глобальная стабильность, разнообразные контакты столиц двух государств в рамках культурного взаимодействия, контакты между регионами двух стран и другие, по мнению автора, весьма отчетливо показывают, какие новые перспективы для нашего взаимодействия открылись после подписания этого документа, являющегося документом долгосрочного исторического действия.

Китайский исследователь Чжан Дэгуан **[26]** отмечает широкие перспективы двустороннего сотрудничества после подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанного 16 июля 2001 года. Являясь чрезвычайным и полномочным Послом КНР в РФ, он занимался "развертыванием работы по воплощению в жизнь главной линии в китайско-российских отношениях, которую определил Договор". Автор выделяет четыре основных направления успешного начала реализации плана Договора.

Сюе Сяньтянь и Луань Цзинхэ **[22]** рассматривают историю и современное состояние двусторонних отношений, опираясь на три союза и "Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве". Авторы делают исторический анализ, и показывают сближение Китая и России на этом этапе российско-китайских отношений (от прошлого к современности), касаясь всех областей сотрудничества, в том числе и культурного.

Новый интерес к освещению и изучению российско-китайских культурных связей возник в 2000 г., после образования Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. Согласно официальным документам данная комиссия была создана с целью "стимулирования гуманитарных отношений, координации деятельности центральных и местных органов исполнительной власти на гуманитарном направлении сотрудничества, реализации в полном объеме соответствующих межправительственных и межведомственных соглашений" **[27]**.

В 2002 – 2003 гг. на страницах "Жэньмин жибао" и в электронной версии газеты стали публиковаться материалы, посвящённые совместным культурным мероприятиям, особенно значительное внимание уделено "дням национальной культуры" в России и в Китае. Серьёзный интерес вызывает статья о "неделе Китая" в Санкт-Петербурге в рамках празднования 300-летия города. В статье, озаглавленной "Чжао Цичжэн и А. Прохоренко активно оценивают развитие культурных обменов между Китаем и Россией" приводятся слова начальника пресс-канцелярии Госсовета Китая Чжао Цичжэн, который отметил, что "китайско-российские связи охватывают политическую, экономическую, культурную и другие сферы, а культурные контакты встречают понимание со стороны народов двух стран и являются также основой дружбы двух стран" **[27]**. Следует подчеркнуть, что эти слова являются своего рода декларацией политики Китая в отношении развития российско-китайских культурных связей.

Большой вклад в изучение культурных связей вносят Н.А. Спешнев **[21]**, С.А. Торопцев **[25]**, Н.А. Лебедева **[18]**, рассматривающие роль и значение литературы в современной культуре Китая. Так, благодаря работе Н.А. Спешнева, выступившего в качестве переводчика и критика, российские читатели получили возможность познакомиться с творчеством китайского писателя Фэн Цзицая. При содействии Спешнева был издан сборник Фэн Цзицая "Чудаки" **[21]** и состоялась его встреча с учёными-китаеведами в Санкт-Петербургском государственном университете. Ряд работ С.А. Торопцева, опубликованных как в журнале "Проблемы Дальнего Востока", так и вышедших в самостоятельных изданиях посвящён знаменитому китайскому писателю Ван Мэню **[1]**. В частно-

сти, он является составителем, переводчиком и автором одной из частей издания "Окно. Россия и Китай смотрят друг на друга" **[17]**. В этой книге в первой части опубликованы очерки о России Ван Мэня и Фэн Цзицая, а во второй – очерки о поездках в Китай, рассказы о культуре современного и традиционного Китая. Кроме того, С.А. Торопцев активно занимается изучением феномена современного китайского и тайваньского кинематографа. Так в 1998 г. вышла его монография "Кинематография Тайваня" **[25]**, которая, во-первых, продолжает исследование "Очерк истории китайского кино", но и дополняет его изучением второй ветви – тайваньского кино. Данная проблематика в изучении российских авторов является очень актуальной, т. к. в программах российско-китайских культурных мероприятий кинофестивали занимают значительное место (в частности, кинофестивали в г. Владивостоке "Меридианы Тихого", в г. Благовещенске "Амурская осень"), и знакомство российского зрителя с историей развития кинематографа КНР и Тайваня перед просмотром фильмов не только усиливает восприятие повседневной жизни Китая, но и позволяет больше узнать о культуре соседей.

Трудно переоценить значение работ Н.А. Лебедевой. Она занимается изучением литературного наследия Китая и знакомит отечественных читателей со знаменитыми и забытыми китайскими авторами **[15]**, произведения которых служат не только отражением истории и повседневности Китая, но и иллюстрациями китайской культурной и литературной традиции, являющейся во многом зеркалом китайской философии, и уже в силу этого – уникальной. Тем не менее, Лебедева, в своих работах, неоднократно подчёркивала влияние, которое оказывает русская классическая литература на современную литературу Китая, (произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.А. Горького). Кроме того, Лебедева обращает внимание и на новые методологические аспекты изучения литературы Северо-Восточного Китая **[14]**, который имеет богатое литературное и культурологическое наследие, являющееся залогом активного развития приграничного культурного взаимодействия России и Китая.

Развивая тему литературных контактов между двумя странами, некоторые исследователи отмечают "сходство культурных процессов в двух странах (связанное, прежде всего, с официальным в России или же "неоглашенным" в Китае отказом от старой системы), что делает вопрос о состоянии культуры и литературы Китая особенно интересным. Обе страны переживают рост коммерциализации литературы и культуры, снижение статуса литературы, усиление влияния переводной иностранной литературы" **[4]**.

В рамках работы некоторых общественных организаций – Китайское Пушкинское общество, Ассоциация изучения русской и советской литературы, Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), занимающихся популяризацией русской культуры и русского языка, в 2002 г. были выпущены информационные бюллетени, которые распространялись в рамках справочной информации МИДа РФ и знакомили российскую общественность с мероприятиями по распространению русской культуры и русского языка в Китае. В частности, в этих бюллетенях говорилось о мероприятиях, укрепляющих китайско-российские культурные связи. Отмечалось, что на русском языке в Пекине и в провинциях издаются несколько общественно-политических и деловых газет и журналов; агентством "Синьхуа" выпускается ежедневный информационный бюллетень объемом до 100 страниц; ежесуточно Международным радио Китая осуществляется 20-часовое внешнее и 1-часовое внутрикитайское вещание (на 22 крупнейших китайских города); в течение пяти лет на Пекинском телевидении еженедельно идет

получасовая передача “Русские страницы”, а затем через спутники ретранслируется на всю страну (самый высокий рейтинг среди телепередач на иностранных языках); центральными, провинциальными и университетскими издательствами выпущены сотни наименований учебников, словарей, одно- и двуязычных изданий с произведениями отечественной литературной классики, монографий и альбомов об истории и коллекциях основных российских художественных музеев, в том числе Эрмитажа, Государственного русского музея, Третьяковской галереи и ГМИИ имени А.С. Пушкина **[28]**.

С 2006 г. в России выходит журнал "Китай", ставший заметным явлением в российско-китайском культурном сотрудничестве. На презентации журнала в декабре 2005 г. присутствовали директор Института Дальнего Востока и председатель общества российско-китайской дружбы академик М.Л. Титаренко и бывший посол РФ в КНР И. Рогачёв, впоследствии ставшие научными консультантами издания. Журнал призван знакомить "народ России с современным Китаем, политикой, экономикой, культурой соседнего государства с целью дальнейшего развития стратегического партнёрства между Россией и Китаем. Ещё одним информационно-справочным изданием, которое не просто информирует об основных проблемах и достижениях современного Китая, но и является изданием, отслеживающим основные тенденции российско-китайских отношений, является ежегодник ИДВ "КНР: политика, экономика, культура" и именно в этом издании публикуются все основные работы учёных, работающих в Институте Дальнего Востока (г. Москва). Основным научным периодическим изданием, посвященным современным проблемам Китая и российско-китайским отношениям является журнал "Проблемы Дальнего Востока". Кроме того, что в "ПДВ" публикуются статьи российских и китайских авторов, посвященные, в том числе и культурному компоненту двустороннего сотрудничества, анализируются документы и договоры, составляющие нормативно-правовую базу двусторонних отношений. В журнале публикуются материалы круглых столов и конференций, в рамках которых обсуждаются и проблемы культурного сотрудничества Китая и России. В частности, в 2006 г. в "Проблемах Дальнего Востока" были опубликованы материалы китайско-российского форума по проблемам общественных наук. В его работе приняли участие российские учёные. В частности, многие российские исследователи отметили, что "современные китайские авторы рассматривают российско-китайские отношения в контексте глобализации и диалога цивилизаций, при этом характер стратегии взаимодействия рассматривается как конструктивная альтернатива идее столкновения цивилизаций" **[5]**.

На региональном уровне проблема российско-китайских культурных связей изучается сравнительно небольшим количеством исследователей. Среди них стоит упомянуть Н.А. Лебедеву, Н.П. Рябченко, О.Н. Рябченко, Д.А. Владимирову. Кроме того, ряд учёных, такие как А.А Хаматова, А.Я. Соколовский и др. рассматривают гуманитарные аспекты российско-китайского взаимодействия.

В контексте развития российско-китайских отношений наибольший интерес заслуживают работы директора Института Истории, Археологии и Этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессора В.Л. Ларина, который в своих монографиях "В тени проснувшегося дракона" **[8]** и "Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия" **[9]** и ряде статей **[10;11]**, оценивая российско-культурные связи, стоит на позиции, сходной с позицией академика М. Титаренко. В своей монографии В.Л. Ларин "Китай и Дальний Восток" подчёркивает, что "отношения между Китаем и Россией были и остаются формой межцивилизационного контакта", а также указывает,

что "Российское Приамурье и Забайкалье и северо-восточные провинции Китая на протяжении трёх столетий являлись контактными зонами межкультурного общения" **[9, с. 152]**. Изучая российско-китайские культурные связи на региональном уровне, В. Ларин подчёркивает, что в 90-е гг. XX века культурные связи между Россией и Китаем отследить было трудно ввиду их немногочисленности и приуроченности к определённым памятным датам. Тем не менее, главным результатом этих контактов стало развитие так называемых "прямых культурных связей" **[8, с. 175]**. Основной проблемой двусторонних связей он считает социально-психологическую среду взаимодействия. "Взаимное недоверие и предрассудки достаточно глубоки. Они по-прежнему сдерживают попытки обеих сторон поднять отношения на новый уровень" **[11, с. 47]**.

Ещё одной проблемой, о которой пишут многие исследователи, изучающие культурные связи на межрегиональном уровне, является проблема коммерциализации культуры, которая негативно сказывается на всём комплексе двусторонних отношений и на некоторых уникальных приграничных инициативах. Подобной инициативе, а именно созданию приграничного культурного коридора на Северо-Востоке КНР, посвящена статья О.Н. Рябченко **[20]**, где анализируются региональные измерения культурной политики КНР. В статье подробно рассматривается государственная политика КНР по изучению культуры соседних стран, в том числе и России, и созданию "культурного пояса" с целью дальнейшего расширения взаимоотношений с Россией, в том числе в экономике – "создание образцового промышленного пояса Харбин – Дацин – Цицикар, и культуре – культурного пояса ландшафтного туризма оз. Ханка – оз. Цзинбоху – Ябули – Цзиньюань, а также использовать города пограничных переходов и расположенные вдоль границы деревни и посёлки для создания духовной цивилизации" **[20, с.168]**.

Работы Н. А. Лебедевой, занимающейся изучением литературного наследия Китая, отражают специфику российско-китайского диалога, который по её мнению имеет определённую специфику: "в ситуации, когда одно из государств ослабевает, другое навязывает свои интересы и поэтому в такой ситуации трудно рассчитывать на равноправное партнёрство, но диалог, необходимый в такой ситуации, будет способствовать взаимопониманию и доверию друг к другу" **[14, с. 119]**. В исследованиях подчёркивается важность вовлечения в культурный диалог широких слоёв населения – "от школьников до пенсионеров. И тогда, школьники в своих сочинениях не будут писать, что китайцы-спекулянты едят собак, а их матери утверждать, что китайцы появляются у нас с одной целью – захватить нашу территорию" **[12, с. 4]**.

В этом же ключе написана работа Н.П. Рябченко **[19]**, который изучает двусторонние российско-китайские отношения в области политики, идеологии и культурного диалога. В статье подчёркивается, что Дальний Восток является определённым "мостом" между дальневосточными цивилизациями. И именно этим он объясняет проблемы, связанные с российско-китайским диалогом, так как Дальнему Востоку присущ традиционный консерватизм, сказывающийся в отстаивании перед лицом зарубежной культуры традиционных культурных ценностей. Для России как евразийского государства, предпосылки для дальнейшего развития культурного развития необходимо создавать именно на базе Дальнего Востока, который является одновременно и "фильтром" и "мостом" культурного сотрудничества России и Китае.

В эпоху компьютеризации, глобализации в сети Интернет можно найти огромное количество сайтов, дающих возможность познакомиться с Китаем в целом, его взаимодействием с Россией, также посмотреть

нормативно-правовую базу[1].

Материалы известной китайской газеты "Жэньмин жибао" размещены на сайте, где можно узнать о новых веяниях и тенденциях российско-китайских отношений, в общем, и в области культуры в частности **[29]**.

Проблему культурного взаимодействия рассматривают многие ученые. При большом массиве работ, затрагивающих только отдельные аспекты взаимодействия в разные периоды XX века, проблема культурного взаимодействия до сих пор не получила всестороннего освещения, особенно после 90-х годов. Данная проблема требует дальнейшего комплексного изучения.

◆

Литература

1. Ван Мэн. Следы на склоне, ведущие вверх./ Сост. и послесловие С. А. Торопцева. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

2. Верченко А.Л. Мероприятия года Китая в России. Китайская народная Республика в 2007 г.: политика, экономика, культура./ Институт Дальнего Востока РАН. М.: Русская панорама, 2008. 540 с.

3. Внуков К. Год России в Китае и год Китая в России – две половинки единого целого // Проблемы Дальнего Востока. 2007. №1. С.33 – 37.

4. Завидовская Е. Постмодернизм и современная китайская литература // Проблемы Дальнего Востока. 2003. №2. С. 143 – 149.

5. Китайско-российский форум по проблемам общественных наук // Проблемы Дальнего Востока. 2006. №6. С. 165.

6. Куликова Г.В. "Друзья – это вечное достояние". Китайская народная Республика в 2006 г.: Политика, экономика, культура. Ежегодник / РАН. Институт Дальнего Востока. М.: 2007.516 с.

7. Куликова Г.В. ОРКД: укрепление доверия, взаимопонимания и сотрудничества. Китайская народная Республика в 2006 г.: Политика, экономика, культура. Ежегодник / РАН. Институт Дальнего Востока. М.: 2007. 516 с.

8. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.

9. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. 283 с.

10. Ларин В.Л. Россия и Китай: уроки прошлого, откровения настоящего, горизонты будущего // Россия и АТР. 2007. №6. С. 5 – 10.

11. Ларин В.Л. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 40 – 53.

12. Лебедева Н.А. Восток-Запад: уроки диалога культур // Россия и АТР. Владивосток. 1996. №3. С.4. – 6.

13. Лебедева Н.А. Новое в литературоведении и истории литературы Северо-Восточного Китая. (1919 – 1949 гг.) // Китайской Народной Республике 50 лет: история и современность: Тезисы докладов и сообщений международной

[1] Например: Доступно из URL: http://russian-shanghai.com; http://magazeta.com; http://changchun.ru; http://russian.northeast.cn; http://partnery.cn

http://www.ojkum.ru/

научной конференции, 18 – 19 мая 1999 г. Владивосток: ДВО РАН, 1999. С. 25 – 27.

14. Лебедева Н.А. Российско-китайский культурный диалог – путь к взаимодополнению в XXI веке // Россия – Китай- Япония в Северо-Восточной Азии: проблемы регионального взаимодействия в XXI веке. Материалы Международной научной конференции. 18 – 19 сентября 2000 г. Владивосток, 2000. С. 116 – 121.

15. Лебедева Н.А. Сяо Хун. Жизнь, творчество, судьба. Владивосток: Дальнаука, 1998. 164 с.

16. Ливишин С. 2006 – Год России в Китае. Новое качество партнерства // Проблемы Дальнего Востока. 2006. №1. С.11 – 21.

17. Окно. Россия и Китай смотрят друг на друга. М.: ИКЦ "Академкнига". 2007. 208 с.

18. Рогачев И. Российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве: Итоги первого года // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №4. С. 21 – 29.

19. Рябченко Н.П. Россия – Восточная Азия: проблемы культурных заимствований // Россия – Китай- Япония в Северо-Восточной Азии: проблемы регионального взаимодействия в XXI веке. Материалы Международной научной конференции. 18 – 19 сентября 2000 г. Владивосток, 2000. С. 110 – 116.

20. Рябченко О.Н. Формирование приграничного культурного коридора на Северо-Востоке КНР // Россия и АТР. 2007. №1. С. 166 – 169.

21. Спешнев Н.А. Талант Большого Фэна // Фэн Цзицай. Чудаки: Короткие рассказы. СПб.: Бельведер, 2003. С. 7 – 12.

22. Сюе Сяньтянь, Луань Цзинхэ История и современное состояние китайско-российских отношений. От трех союзов до "Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве" // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №5. С. 26 – 38.

23. Титаренко М.Л. Важный этап российско-китайских отношений (К итогам визита президента РФ В.В.Путина в Китай). Китайская народная Республика в 2006 г.: Политика, экономика, культура. Ежегодник / РАН. Институт Дальнего Востока. М.: 2007. 516 с.

24. Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии / РАН, Ин-т Дальнего Востока. М.: Республика, 1998. 320 с.

25. Торопцев С.А. Кинематография Тайваня. М.: Едиториал УРСС, 1998. 200 с.

26. Чжан Дэгуан. Широкие перспективы китайско-российских отношений (К первой годовщине заключения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ) // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 4. С. 30 – 34.

27. Чжао Цичжэн и А. Прохоренко активно оценивают развитие культурных обменов между Китаем и Россией // Доступно из URL: http://www.ln.mid.ru/blraz.nsf/7b27b40957ce8e5743256a2c00350999/89c41c371fa087de43256c7d006b5ba7?OpenDocument

28. Министерство иностранных дел РФ. [Электрон. ресурс]. Доступно из URL: http://www.ln.mid.ru/blraz.nsf/7b27b40957ce8e5743256a2c00350999/fd9d38fe3134b0b143256c7d00

29. Газета "Жэньмин жибао" [Электрон. ресурс]. Доступно из URL: http://renmingribao.ru

УДК 327(73)

Е.В. Журбей

Внешняя политика "перемен" Барака Обамы: ребрендинг или кардинальная перестройка?

Foreign policy of "changes" Barack Obama: rebrending or cardinal perestroyka?

Данная статья посвящена внешнеполитическому процессу демократической администрации Барака Обамы. Статья освещает ряд вопросов. Какой будет внешняя политика администрации Обамы, и будет ли она соответствовать ожиданиям не только американцев, но и мира в целом? Кто и как будет формировать внешнюю политику США в новой администрации? Будет ли эта политика кардинальным образом отличаться от внешней политики предыдущей администрации? Будет ли внешняя политика столько же приоритетной для Обамы, как решение внутриэкономических проблем?

Ключевые слова: *администрация США, Барак Обама, внешняя политика, международные отношения.*

◆

This article is devoted to foreign policy process of the democratic administration of Barack Obama. The article will allow us to answer some questions. What will the administration of the foreign policy and Barack Obama be and will it meet the expectations of not only Americans, but the world community? Who and in what manner will form the outer U.S. policy in its new administration? Will this policy be different from the foreign policy of the previous administration and what will it be if it is so? Will this foreign policy be priority for Obama presidency, as the deci-sion of the domestic problems?

Key words: *administration of USA, Barack Obama, foreign policy, the international relations.*

"Мы остаемся самым процветающим, самым могущественным государством на планете. Сегодня производительность нашего труда не ниже, чем перед началом кризиса. Наш разум не менее изобретателен, потребность в наших товарах и услугах не меньше, чем она была неде-

http://www.ojkum.ru/

лю, месяц или год назад. Наш потенциал не приуменьшился. Но время, когда мы топтались на месте, защищая узкие интересы и откладывая неприятные решения, – это время, несомненно, должно остаться позади. Начиная с сегодняшнего дня, мы должны подняться на ноги, стряхнуть с себя пыль и начать перестраивать Америку" **[4]**. Привычная констатация величия, но с другой стороны и посыл на необходимость скорейших перемен, которые вернули бы Америку к былому величию. Круг замыкается. Я преднамеренно привел слова Барака Обамы из инаугурационной речи 20 января 2009 года. В этих словах – суть политической философии новой демократической администрации США. Именно их цитируют сотни информационных агентств, телевизионные каналы и страницы печатной прессы. Что это? "Перестройка по-американски"? Обама – это новый Горбачев? Уже появились такие сравнения: "Горбачев представлял поколение, следующее за поколением Брежнева и его недолговечных преемников. Обама же представляет поколение после Джесси Джексона и ему подобных. Горбачев не собирался уничтожать коммунизм, но хотел лишь реформировать его. Обама заявляет, что позитивная дискриминация ему по нраву, но не обязательно в существующей на данный момент форме. Горбачева любили журналисты. Обама... допустим, что TIME возьмется выбирать человека десятилетия; как вы думаете, кто станет избранным?" **[14]**. Весьма вероятно, что человеком нашего десятилетия будет Б. Обама, при условии, что он начнет претворять свои "перемены", в том числе и во внешней политике.

В данной статье мы попытаемся понять на основе открытых и уже многочисленных источников, какой будет внешняя политика администрации Барака Обамы и будет ли она соответствовать ожиданиям не только американцев, но и мира в целом. Мы постараемся ответить на несколько вопросов. Кто и как будет формировать внешнюю политику США в новой администрации? Будет ли эта политика кардинальным образом отличаться от внешней политики предыдущей администрации и если да, то чем? Будет ли внешняя политика столько же приоритетной в первый срок президентства Б. Обамы, как решение внутриэкономических проблем?

Предвыборная кампания демократов прошла под лозунгом необходимости скорейших перемен. Это то, что повторял Барак Обама, а вслед за ним его сторонники, миллионы американцев. Но какой смысл, вкладывают в слово "перемены" американцы? Содержательная составляющая данного предвыборного слога вызывает дискуссии даже среди его сторонников. "Все кричат, что публика хочет изменений, но спросите, какие изменения они хотят. Люди, в том числе и очень образованные, будут вам говорить о различных проблемах, часто в деталях: медицинская страховка, уход рабочих мест за границу, проблемы с окружающей средой, в том числе глобальное потепление, окончание войны в Ираке и тому подобные вещи. Но ведь это не радикальные изменения, не так ли? Молодежь, которая связывает перемены с Обамой, вообще не понимает, чего она хочет" **[8, с. 68]**. Таков был ответ профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке, на мой вопрос о том, в чем же заключаются перемены, ожидающие США с приходом администрации Б. Обамы. Фактически, ответ – не знаю. Каждый вкладывает в это слово собственный близкий ему смысл, который обусловлен конкретными проблемами текущей жизни американцев. Вместе с тем, почти все американцы упоминают проблему Ирака. Проблема Ирака – это единственная внешнеполитическая проблема, волнующая американцев, но остальной мир не ограничивается ею.

Ожидания перемен в связи с приходом в Белый дом Обамы со стороны мирового сообщества едва ли меньше, чем у самих американцев.

Есть ощущения того, что мир в президентство Дж. Буша-младшего потерял не столько идеал для подражания, сколько лидера. Да, именно лидера, за которым идут по собственной воле, а не по принуждению. Можно сколько угодно спорить, но мировое сообщество, выражая радость с исходом выборов в США, воплощает некий момент согласия с представлениями Америки о собственном национальном предназначении. Америка почти на всем протяжении собственной истории воспринималась, как символ возможностей и надежды, как пример для всего мира. Антиамериканизм, охвативший мир в правление Буша основывался преимущественно на идее о том, что эти идеалы обесцениваются тем, как США используют свою военную, политическую и экономическую мощь в Ираке, Афганистане и других странах. Мир смотрел на Америку, как на страну возможностей, но в тоже время он видел, что расизм в этой стране не изжит, что черные и латиноамериканцы находятся в неравном положении по отношению к белым протестантам. Однако Америка с избранием чернокожего президента в какой-то мере вернула миру известную всем "американскую мечту", которая обещает каждому, независимо от происхождения, возможность воплотить свои желания, амбиции, устремления в жизнь при волевом усилии. Именно подобная мечта является более сильным оружием, чем военная гегемония. Думаю, что именно благодаря этому пониманию, Обама воспринимается миром на "ура". Настало время доказать не только американцам, но миру в целом, что 44-й президент США умелый дипломат и политик.

В силу сложившихся традиций ключевую позицию в процессе формирования и осуществлении внешней политики США играет, конечно же, президент. "В американской системе управления единственной фигурой, избираемой в общенациональном масштабе, является президент, он также является единственной инстанцией, определяющей общенациональные цели и задачи. Прочие институты могут высказывать свои суждения по вопросам внешней политики, но только президент обладает возможностью проводить эту политику в жизнь в течение продолжительного отрезка времени" **[5, с. 674]**. Полномочия президента США в области внешней политики можно разделить условно на две группы. Во-первых, это те полномочия, которые прямо предусмотрены конституцией США в разделе 2 и 3 статьи 2, т.е. это военные полномочия, полномочия по возможности заключения международных договоров и полномочия по приему дипломатических представителей **[7, с. 36-37]**. Во-вторых, это полномочия прямо не предусмотренные в тексте конституции, но выводящиеся из ее духа и реальных потребностей американского государства. Например, многократное использование вооруженных сил за пределами национальных границ без одобрения Конгресса основывалось на полномочиях данной группы. Под полномочиями, вытекающими из духа конституции и реальных потребностей государства, необходимо понимать любые действия исполнительной власти США и ее главы, которые определяются национальными интересами американской нации и не противоречат положениям основного закона страны. Вышеизложенное является скорее прописной истиной, нежели каким-то откровением для людей знакомых с внешнеполитическим процессом в США, но для людей, не владеющих данной кухней Америки необходимо отметить тот факт, что американский президент, скорее генеральный директор крупной корпорации, который периодически ведет заседания совета директоров, а их немало.

Перед Обамой стоят нелегкие внешнеполитические задачи – Ирак, Афганистан, проблемы международного терроризма и другие. Может ли Обама решить их в одиночку? Конечно, нет. Во многом это будет зависеть от того, какими советниками, помощниками и единомышленниками он

себя окружит, и кто из этой команды завоюет симпатию и расположение президента. Обратимся еще раз к американской конституции. На основании раздела 2 статьи 2 президент "назначает на должности и по совету с Сенатом вводит в должности послов, других официальных представителей и консулов, судей Верховного суда и всех других должностных лиц Соединенных Штатов" **[7, с. 36-37]**. Соответственно в своей деятельности, в том числе и внешнеполитической он опирается на многочисленное количество федеральных чиновников. Условно всех чиновников-помощников можно разделить на две группы. К первой группе относятся представители федеральных министерств, а ко второй группе – представители особого подразделения президентской власти, созданного еще в 1939 г. – Исполнительного аппарата при президенте (ИАП).

Со времен администрации Клинтона за внешнеполитической командой президента закрепилось неофициальной название "Комитет Принципалов" (Principals Committee). Комитет "рассматривал крупные вопросы внешней политики и формулировал рекомендации, которые затем направлялись президенту. Кроме советника по национальной безопасности президента, который был председателем комитета, в него входили государственный секретарь, министр обороны, директор ЦРУ, председатель Объединенного комитета начальников штабов армии США и советник вице-президента по национальной безопасности" **[9, с. 178]**. К наиболее ключевым общефедеральным ведомствам, непосредственно участвующим в формировании и осуществлении внешней политики, относятся, прежде всего, Государственный департамент США и Министерство обороны.

Несомненный приоритет в вопросе выработки внешнеполитической доктрины, стратегии национальной безопасности американского государства принадлежит Государственному департаменту и главе этого федерального ведомства, в частности. В этой связи весьма многое зависит от личности самого государственного секретаря, от его профессио-нализма и настойчивости в доведении своей линии до президента. Ближайшая история Америки знала, как сильных государственных секретарей (М. Олбрайт, К. Райс), так и слабых, которые проигрывали своим "конкурентам" из других ведомств (У. Кристофер, К. Пауэлл). При разработке внешнеполитической доктрины чиновники данного ведомства находятся в постоянном контакте с иными ведомствами, что подтверждается наличием в составе американского аналога министерства иностранных дел различного рода консультантов, в том числе и из Пентагона. В военных аспектах деятельности американского государства несомненный приоритет остается за Министерством обороны и Комитетом начальников штабов.

В своей деятельности американский президент, помимо федеральных ведомств, опирается на многочисленный штат советников, объединенных в Исполнительный аппарат при президенте. После многочисленных изменений с момента создания этого органа в 1939 г. более или менее окончательную форму данная структура принимает в 1977 г. в результате утверждения "Плана реорганизации исполнительного аппарата президента" **[10, с. 181-183]**. В основную структуру ИАП входят "Совет национальной безопасности, Совет по внутренней политике, Совет по международной экономической политике, Служба Белого дома, Служба Вице-президента, Административно-бюджетное управление, Совет по качеству окружающей среды, Совет экономических консультантов, Управление по науке и технике, Управление специального представителя на торговых переговорах, Надзорный совет по разведке, Совет по стабилизации заработной платы и цен" **[10, с. 183]**. Из них три подразделения несут ответственность за вопросы политического разви-

тия: Совет национальной безопасности, Совет по внутренней политике и Совет по международной экономической политике. Разделение сферы компетенции между Советом национальной безопасности, отвечающим за внешнюю политику, и Советом по внутренней политике, отвечающим за политику внутреннюю, демонстрирует американскую традицию использовать категорию "национальная безопасность" исключительно в приложении к сфере международных отношений.

Совет национальной безопасности (СНБ) с момента своего возникновения в 1947 г. претерпел существенные изменения. Из органа чисто консультативного, не имеющего функций выработки политики, в настоящее время он превратился в узловой механизм планирования, принятия решений по всем важнейшим вопросам внешней и оборонной политики, а также инструмент координации деятельности различных министерств и ведомств, замыкающихся на внешней политике. План реорганизации ИАП следующим образом определяет функции входящих в него подразделений, в том числе и СНБ: "Оказывать помощь Президенту в планировании и разработке приоритетных направлений, содействовать и давать оценку осуществлению поставленных Президентом целей, уяснить и разрешать конфликты между должностными лицами, занимающими равное должностное положение, контролировать развитие кризисных ситуаций, особенно в области национальной безопасности" **[10, с. 183]**. Соответственно, Совет национальной безопасности занимает наряду с Государственным департаментом и Министерством обороны занимает ключевое положение в формировании и осуществлении всего американского внешнеполитического процесса.

Костяк Комитета принципалов Барак Обама сформировал еще 2 декабря 2008 года, что указывает на его решимость скорейшим образом вникнуть в проблематику национальной безопасности. Однако, выбор Обамы своих советников в области внешней политики заставил многих экспертов задаться вопросом о том, не создал ли новый президент команду соперников, которая будет тратить больше времени на скрытые или даже открытые конфликты, чем на выработку политики. "Политикой в сфере национальной безопасности в администрации избранного президента Барака Обамы будет заниматься весьма необычная команда. На первый взгляд, ее состав противоречит некоторым общепринятым критериям подбора кадров: считается, что если президент включает в состав кабинета людей с собственной политической базой поддержки, которых поэтому в случае чего будет непросто уволить, он тем самым ослабляет собственные рычаги контроля. Аналогичным образом, назначение на посты советника по национальной безопасности, госсекретаря и министра обороны лиц, обладающих давно устоявшимися взглядами относительно политического курса страны, заставит президента тратить много сил на улаживание споров между своими волевыми советниками" **[13]**.

Чем обусловлены такие экспертные оценки? В значительной мере это следствие того выбора, что сделал новый президент. Новоназначенные госсекретарь Хилари Клинтон и министр обороны Роберт Гейтс – вашингтонские тяжеловесы, со своими собственными взглядами на внешнюю политику и оборонные вопросы, а будущий советник по национальной безопасности генерал Джеймс Джонс занимал высокую должность в НАТО. У Сьюзен Райс, выбранной представлять США в ООН, нет столь внушительного политического опыта, но как отмечают эксперты, она компенсирует это личной близостью к избранному президенту, в команде которого она работала во время предвыборной кампании. Не будем забывать и об избранном вице-президенте США Джо Байдане, который несколько десятилетий занимался вопросами национальной безопасности в Конгрессе США. Столь сильного в вопросах национальной

безопасности вице-президента в США не было уже давно.

Наиболее сильной фигурой из Комитета принципалов считается Хиллари Клинтон. Напомню, что именно она считалась вероятной кандидатурой от демократической партии на пост президента, но новейшая история распорядилась по-иному. Клинтон долго лидировала в президентской гонке, но когда настало время выбора, она "наступила на хвост" своим амбициям и поддержала Обаму, как единственного кандидата от демократов, тем самым, внеся существенный вклад в победу демократов. Обама даже если он этого желает, не может игнорировать сегодня безусловный факт влияния "клана Клинтонов" не только в партии, но и на весь американский политический истеблишмент. Времена Билла Клинтона многими из сегодняшнего настоящего воспринимаются своего рода "золотым веком" США. Все восемь лет пребывания последнего у руля власти Америка находилась на подъеме. Экономические успехи и внешнеполитические достижения прочно ассоциируется с Б. Клинтон и его командой. Обама это прекрасно понимает, а в условиях цейтнота и отсутствия собственной команды он обратился за "помощью" именно к Клинтонам, которые в период президентской гонки считались чуть ли не врагами. Если взглянуть на уже сформированную администрацию Барака Обамы, то 2/3 мест в этой команде занимают соратники бывшего президента Б. Клинтона, а пост государственного секретаря его супруга Х. Клинтон. Что двигало Обамой в принятии такого решения?

Самое банальное и простое объяснение подобного шага заключается в известной по-говорке: "Друзей держи вблизи себя, а врагов – еще ближе". Одним выстрелом Обама получает контроль над политической машиной Клинтона: сетью, спонсорами и электоратом. Данным назначением Обама отворачивает от себя тяжелую артиллерию и направляет ее наружу. Имеет ли эта версия право на жизнь? Да, конечно. Однако, думаю, что не все так просто как кажется на первый взгляд. Думается, что у Обамы были опасения по поводу введения в новую администрацию Хиллари Клинтон. Какие? Во-первых, выдвижение Х. Клинтон на одну из ключевых позиций в государстве, по мнению противников этого, в корне поменяет расстановку сил в будущей администрации (причем не в пользу президента), а возможно и ее политику. При этом указывается на политический вес будущего госсекретаря. Х. Клинтон в ходе предварительных выборов набрала 18 млн. голосов избирателей. Во-вторых, высказываются также опасения, что дуэт жены и мужа Клинтонов будет располагать большим внешнеполитическим ресурсом, чем администрация, учитывая те финансовые возможности и личные связи, которые имеет экс-президент не только в кругах международной политической элиты, но и в деловом и финансовом мире. А также среди ученых, общественных и религиозных деятелей. В-третьих, располагая таким потенциалом, Хиллари Клинтон сможет продвигать собственную внешнеполитическую доктрину, которая, как известно, по ряду ключевых направлений существенно отличается от тех идей, которые декларирует Обама. Причем продвигать не только официально, но и через мужа и его фонд и программы, т.е. в обход собственного ведомства и правительства и без контроля с их стороны. Отмечается, что если рейтинг Обамы в будущем будет падать, то демократы могут выдвинуть Х. Клинтон в качестве кандидата на президентских выборах 2012 года.

Опасений, как мы видим, предостаточно, но у Обамы не было иного выбора. Сегодня и Америка и, несмотря на победу, демократическая партия находятся не в лучшей форме. Обама был вынужден преодолеть раскол внутри партии между своими сторонниками и сторонниками Хиллари Клинтон. В этой связи назначение Клинтон на пост государственного секретаря поможет наладить отношения внутри Демократической пар-

тии, немало пострадавшие в ходе жесткой борьбы за номинацию. Кто-то из апологетов Обамы говорит о том, что, предложив Х. Клинтон на один из высших государственных постов, Обама предстанет самостоятельным и уверенным в себе лидером, который не боится протянуть руку бывшему сопернику и не чурается сильных личностей в своем окружении. В американских СМИ много говорят о том, что Обама стремится создать "команду конкурентов", в которой хочет собрать оппонентов для стимулирования продуктивных дебатов в своем окружении – так, как в свое время поступил Авраам Линкольн (именно с этим президентом США часто сравнивают Обаму).

Заслуживает пристального внимания и то объяснение, что Обама не имеет собственной команды "профессионалов". Несмотря на политику партийного сотрудничества, о которой Обама постоянного говорит, он не мог раздать ключевые посты своим соперникам республиканцам. Откуда взять профессионалов демократов? Только из команды Билла Клинтона. Сегодня у новой администрации нет времени на раскачку. Именно по этой причине 2/3 мест в администрации заняли сотрудники администрации Б. Клинтона. Несмотря на то, что экономика будет превалировать в повестке дня для команды Обамы, новая администрация не сможет исключить внешнюю политику из числа своих приоритетов. Именно у Х. Клинтон сегодня есть безусловный международный вес и что важно, то признание, которое ее кандидатура получила после номинации на должность государственного секретаря за рубежом. У нее есть и необходимые опыт, знания и контакты. Обама сможет доверить ей внешнюю политику, пока сам будет заниматься экономикой.

В декабре 2008 года, почти сразу после объявления Обамой кандидатур на ключевые "внешнеполитические" посты, бывший государственный секретарь США в администрации Никсона Генри Киссинджер опубликовал знаковую для нашего исследования статью в Washington Post под названием "Команда тяжеловесов", где поставил под сомнение опасения критиков позиции Обамы по формированию собственной внешнеполитической ко-манды. Обладая колоссальным опытом во внешней политике, а, также зная не понаслышке кухню американского внешнеполитического процесса, Киссинджер пришел к выводу, что "Обама и его кандидат на пост госсекретаря – сенатор Хиллари Клинтон – пришли к выводу, что интересы страны и преданность общественному служению требуют от них сотрудничества" **[13]**. Понимание необходимости сотрудничества было обоюдным как со стороны Обамы, так и со стороны Клинтон. По-иному просто не может и быть. "Те, кто воспринимает фразу "друзья-соперники" буквально, не понимает сути взаимоотношений между президентом и госсекретарем. Я не знаю ни одного исключения из следующего правила: госсекретарь пользуется влиянием лишь в том случае, если его воспринимают как "руку президента". Любая иная ситуация ослабляет позиции президента, а госсекретаря просто выталкивает на обочину. Вашингтонская мельница утечек и инсинуаций заработает на полную мощность, стараясь максимально углубить любой видимый раскол между ними. Правительства других стран тоже постараются воспользоваться подобными разногласиями, разработав альтернативные линии в отношении Белого дома и Госдепартамента. Чтобы внешняя политика осуществлялась эффективно, а Госдепартамент играл в ней существенную роль, необходимо, чтобы президент и госсекретарь имели одинаковые взгляды на международное устройство, общие стратегические цели и тактику их достижения" **[13]**. Любые разногласия, которые будут возникать между президентом и государственным секретарем, будут решаться исключительно за закрытыми дверьми, так как только конфиденциальность потенциальных конфликтов позволит президенту

США больше прислушиваться к своему первому министру.

Государственный департамент – это не только ведущий политический институт, несущий прямую ответственность за реализацию политики национальной безопасности, но это и весьма элитарная бюрократическая структура в системе государственной службы Америки, отличающаяся клановостью. "Мнения людей, которые не прошли весь путь по служебной лестнице от самого подножия, здесь не всегда воспринимаются всерьез – возможно, исходя из мнения о том, что эти люди могли бы не сдать "экзамена" на дипломатический профессионализм. Госсекретарей зачастую выводит из себя запутанность ее внутренних процедур, а президенты в своих мемуарах сетуют на нерасторопность Службы" **[13]**. Не все государственные секретари смогли расположить к себе внешнеполитическую бюрократию США. В этой связи вспоминается не совсем удачное "госсекретарство" Джеймса Бейкера и Уоррена Кристофера. Киссинджер отмечает, что "нынешний кандидат в госсекретари (Х. Клинтон), несомненно, обладает лидерскими качествами, позволяю-щими сломать косные стереотипы и сыграть решающую роль на любых переговорах. Ее первоочередные задачи – обеспечить стратегические установки и реорганизовать Госдепартамент с тем, чтобы недюжинный потенциал дипломатической службы в плане сбора и обработки информации дополнялся столь же высокой эффективностью принятия решений. Эта роль госсекретаря имеет особое значение в связи с тем, что организационно Госдепартамент больше ориентирован на собственного шефа, чем на Белый дом" **[13]**. Думаю, что Киссинджеру не отнять прозорливости в этом вопросе. Еще рано судить о том, как проявит себя Х. Клинтон на должности госсекретаря, но можно уже с уверенностью сказать, что битва за "души" Фогги Боттона[1] уже началась.

Выступая перед сотрудниками Госдепартамента, Х. Клинтон продемонстрировала не только ораторское искусство, но и указала на стиль предстоящей совместной работы. "Американская внешняя политика включает три основных элемента: оборону, дипломатию и развитие. Мы с вами несем ответственность за два из них. И в своей работе мы ясно дадим понять, что дипломатия и развитие являются жизненно важными инструментами в достижении долгосрочных целей Соединенных Штатов. И я сделаю все возможное, работая вместе с вами, для того, чтобы всем стало очевидно, что активная дипломатия и эффективное развитие являются наилучшими долгосрочными инструментами, для обеспечения безопасного будущего Америки… Нам предстоит нелегкое время, и для выполнения наших задач и использования возможностей нам понадобятся средства и методы XXI века. Я потребую от вас многого. Я хочу, чтобы вы мыслили нестандартно. Я хочу получать от вас самые лучшие советы. Я хочу, чтобы вы понимали: превыше всего я ценю здо-ровый спор и такой диалог, который поможет нам лучше справляться с нашими обязанностями. Думаю, что наступило время для использования имеющегося потенциала и возможностей. Просыпаясь по утрам, я думаю не только об угрозах и опасностях, как бы они ни были реальны. Я думаю также о том, что мы можем сделать, кто мы есть и кого мы представляем. Поэтому я вступаю в свою должность, испытывая неподдельную радость и ответственность, преданность делу и желание сотрудничать. А теперь, дамы и господа, – за работу" **[6]**. Работа не заставила себя долго ждать. Кадровые назначения были произ-ведены немедленно, и Клинтон принимала в этом самое деятельное участие. Заместителями руководителя внешнеполитического ведомства США назначены бывшие члены команды Б. Клинтона – Джеймс Стайнберг, в прошлом занимавшего пост

[1] Так называют Государственный департамент США по названию района Вашингтона, где располагается его центральное здание.

заместителя помощника президента по национальной безопасности, а также Джейкоб Лью, бывший глава административно-бюджетного управления Белого дома. Кандидатуры на момент написания статьи еще не прошли утверждения в Сенате, но вряд ли с этим возникнут серьезные проблемы.

Помимо прямых назначений в Госдепартаменте поддержана инициатива Х. Клинтон по созданию группы специальных представителей в ранге послов по особым поручениям, каждому из которых будет поручена острая проблема или тот или иной проблемный регион. Администрация Буша-младшего вообще не жаловала институт специальных посланников, предпочитая полагаться во внешней политике на госсекретаря и посольский корпус. 22 января госсекретарь Х. Клинтон объявила в Госдепартаменте, что бывший сенатор США Джордж Митчелл войдет в администрацию в качестве специального представителя по достижению мира на Ближнем Востоке и сосредоточит свое внимание на арабо-израильских отношениях. Митчелл возглавлял усилия администрации Б. Клинтона по достижению мира в Северной Ирландии, а также руководил работой международной комиссии по расследованию случаев насилия между израильтянами и палестинцами. Клинтон также объявила, что бывший посол США Ричард Холбрук, который был одним из авторов Дейтонских соглашений, положивших конец Балканским войнам 1992 – 1995 гг., вернется в администрацию в качестве специального представителя по Афганистану и Пакистану.

Кроме кадровых вопросов новый госсекретарь поставила вопрос о необходимости расширения ответственности Госдепартамента и повышения финансирования его программ. Она высказывается за расширение программ внешней помощи. Клинтон настаивает также на том, чтобы Госдепартамент проводил координацию действий ведомств американской администрации на международной арене в связи с борьбой с глобальным эконо-мическим кризисом. С учетом остроты кризиса и первостепенной важности международных усилий по борьбе с ним это способно в значительной степени повысить роль госсекретаря США.

Партнером по Комитету принципалов Х. Клинтон является Министр обороны, единственный на данный момент республиканец в администрации Б. Обамы Роберт Гейтс. Многие гадают, почему Обама оставил Р. Гейтса в должности при том, что последний проводил в жизнь политику предшествующего президента, в то время как сам Обама ее подвергает сильнейшей критике и в первую очередь за явные провалы в Ираке и Афганистане. Напомню, что Обама имеет на это абсолютное моральное право, так как был единственным, кто не поддержал в Сенате интервенцию в Ирак, в отличие от сенатора Х. Клинтон. Обама нуждался в профессионале, который не понаслышке знаком с реальной ситуацией в Ираке и Афганистане и в этой ситуации Р. Гейтс рассматривается в большей степени как "антикризисный менеджер", а не политик. Его первостепенной задачей станет концентрация всех усилий по выводу американских войск из Ирака и локализации афганского конфликта. Гейтс – умелый администратор, нравится демократам, а лишние потрясения оборонному ведомству в военное время попросту не нужны. Гейтс сейчас как никто другой способен не столько вникать в проблемы Ирака и Афганистана, сколько предлагать конкретные шаги по исправлению негативного для США тренда в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Уже в декабре Роберт Гейтс выступает с программной статьей в журнале Foreign Affairs "Сбалансированная стратегия: перепрограммирование Пентагона для новой эпохи". Статья Р. Гейтса заслуживает пристального внимания, так как содержит в себе оценки ситуации, в которой сегодня находится американская армия, а также тех перспектив,

к которым она должна стремиться. Есть высокая вероятность того, что военная стратегия США, предложенная ведомством Гейтса, будет учтена в выработке общей Стратегии национальной безопасности США, как неком результирующем программном документе в области внешней политики новой администрации Обамы. В декабрьской статье Р. Гейтс недвусмысленно указывает на неуместность войн в отношении других государств со стороны США, если это не затрагивает интересы выживания самого американского государства: "Любая война неизбежно трагична, малопродуктивна и непредсказуема, и очень важно относиться критически к аналитическим запискам, компьютерным моделям, игровым теориям и доктринам, которые этого не учитывают. Глубокого сомнения заслуживают идеалистические, триумфалистские и националистические концепции будущих конфликтов, авторы которых закрывают глаза на неизменные принципы и страшные реалии войны и воображают, будто противника легко запугать, шокировать и победить, просто напугав его до смерти, вместо того чтобы преследовать врага от холма к холму, от дома к дому, от квартала к кварталу… Любая попытка сделать войну легкой и безопасной может обернуться бедой и унижением" **[11]**. Министр обороны также фактически дает ответ на многочисленные инсинуации по поводу того, что США разрабатывают планы по вторжению в Иран: "В обозримом будущем США вряд ли повторят иракский или афганский сценарий – насильственную смену режима и государственное строительство в боевых условиях" **[11]**. Гейтс явно указывает на тот факт, что США, уверившись в своем всемогуществе, после 11 сентября 2001 г. использовали военную силу как единственно верное и возможное средство достижения национальных интересов, что в современных условиях не допустимо. "Соединенные Штаты – сильнейшая и величайшая нация на Земле, но все же она не всесильна" **[11]**. А это значит, убежден глава Пентагона, что, несмотря на необходимость оставаться на страже "мира во всем мире", "США не могут, да и не должны реагировать военными средствами на каждое нарушение, пусть и вопиющее, каждый акт агрессии, и каждый кризис" **[11]**. За счет военной силы и современных технологий решить все мировые вопросы невозможно, а "любая попытка сделать войну легкой и безопасной может обернуться бедой и унижением" **[11]**.

Роберт Гейтс не исключает, что Америка и при президенте Обамы может столкнуться с аналогичными вызовами в целом ряде регионов мира, но при этом делает принципиальное заявление. США не должны автоматически прибегать к использованию военной силы и в обязательном порядке решать все возникающие проблемы вместе с союзниками, которыми пренебрегали при Буше-младшем (например, Францией и Германией при вынесении решения об интервенции в Ирак). "Стратегия США состоит в том, чтобы везде, где это возможно, использовать методы непрямых действий, – прежде всего за счет усиления потенциала государств-партнеров и их силовых структур – чтобы не допустить перерастания нерешенных проблем в кризисы, требующие таких дорогостоящих и неоднозначно воспринимаемых акций, как прямая военная интервенция. В рамках подобных усилий силы и средства, которыми располагают союзники и партнеры США имеют порой не меньшее значение, чем наши собственные, и их укрепление представляется не менее, а может быть и более важным, чем боевые действия, которые ведут сами Соединенные Штаты" **[11]**.

Заявления Гейтса демонстрируют также умеренность в финансовых аппетитах военного ведомства США. Известно, что бюджет Пентагона сопоставим с бюджетами одновременно нескольких европейских стран. Обама в предвыборной гонке неоднократно заявлял о необходи-

мости сокращения дефицита бюджета. Выступая в Сенате Министр обороны США Гейтс заявил, что начавшаяся с терактов 11 сентября эпоха Буша, связанная с увеличением затрат на оборонные нужды, подходит к концу, а поэтому любая программа перевооружения американской армии не защищена от потенциальных сокращений **[12]**.

Профессионализм и прагматизм Гейтса привлек Обаму при выдвижении его на пост министра обороны. Гейтсу явно обозначили его круг первостепенных задач (Ирак и Афганистан), но множество факторов говорит о том, что Роберт Гейтс в администрации Обамы не будет политиком. Его нельзя рассматривать конкурентом, точкой приложения некого влияния в пирамиде американской власти. Еще раз повторю. Гейтс – "кризисный менеджер". Министерство обороны постепенно наполняется новыми, "проверенными", "своими" людьми. Если раньше было непонятно, позволят ли Гейтсу оставить в министерстве своих ближайших советников, то теперь The Washington Post выяснила, что не позволят.

В результате можно смело утверждать, что Роберт Гейтс вряд ли сможет составить достойную конкуренцию Государственному секретарю Х. Клинтон за влияние на президента в вопросах национальной безопасности. Вопрос остается в том, кто из оставшихся членов Комитета принципалов сможет ее оказать? Помощник президента по национальной безопасности или постоянный представитель США при ООН? Какую роль в этой партии сыграет действующий вице-президент США?

Пост советника по национальной безопасности займет отставной генерал Джеймс Джонс, бывший командующий Корпусом морской пехоты и руководитель командования сил США и НАТО в Европе. Известно, что в ходе кампании Обамы Джонс давал демократическому кандидату ценные советы. Назначение авторитетного военачальника, с одной стороны, должно помочь Обаме наладить отношения с военными, которые относятся к будущему хозяину Белого дома настороженно. С другой стороны, генерал должен помочь в регулировании отношений между Гейтсом и Клинтон. Критики отмечали тесные связи, которые сформировались у Джонса с нефтяной промышленностью, а также его подход к разрешению арабо-израильского конфликта. Генерал, по имеющимся данным, информировал Буша о неэффективных действиях израильской армии на Палестинских территориях и предлагал развернуть там миротворческий контингент под эгидой НАТО.

Влияние руководителя Совета национальной безопасности меняется в зависимости от администрации, но эксперты оценивают достаточно высоко шансы нынешнего советника. Однако это не мешает дискуссии, которая развернулась в СМИ по поводу того, удатся ли Джонсу найти общий язык с Клинтон и Гейтсом? Обама поспешил заверить общественность, что он преднамеренно собрал столь сильную команду, так как опасается единообразия и соглашательства в работе.

Роль советника по национальной администрации меняется от администрации к администрации, но вместе с этим не меняется его предназначение. Его роль не ограничивается менеджерскими функциями по составлению схем информационных потоков. Советник по национальной безопасности является реальным участником процесса принятия решений. "В идеале, задача советника по национальной безопасности – заботиться о том, чтобы политические шаги не терпели неудачу из-за обстоятельств, которые следовало предугадать заранее, а возможности не упускались, потому что мы не смогли их вовремя разглядеть. Советник должен гарантировать, что президенту будут представлены все возможные варианты действий, а выполнение принятого решения соответствовало его духу. Ведомства часто рассматривают принятие собственных рекомендаций как вопрос престижа, и имеют тенденцию толковать при-

нятые решения в том смысле, который вкладывался в их предложения. Таким образом, роль советника по национальной безопасности, который должен при необходимости настаивать на предоставлении дополнительных вариантов действий или их более тщательной проработке, а также на точности исполнения, не всегда воспринимается с энтузиазмом" **[13]**.

Джеймс Джонс будет обладать важным преимуществом перед госсекретарем и министром обороны. Это преимущество называется "доступ к телу". Киссинджер утверждает, что функциональные обязанности советника связаны исключительно с проблемами, волнующими лично президента. Советник всегда "при теле", а государственный секретарь постоянно в разъездах. Однако подобная "близость" требует особого такта. Послужной список генерала говорит о том, что он не обделен подобным тактом и сможет исполнить возложенные на него надежды президента Обамы.

Наименее титулованной из внешнеполитической команды Обамы является Сьюзан Райс, которую 23 января 2009 года Сенат утвердил в должности постоянного представителя США при ООН **[15]**. "Политический статус" утвержденного представителя США при ООН в администрации Обамы до конца не ясен. Не ясно будет ли данная должность, условно говоря, министерской или нет. При республиканских администрациях постоянные представители США при ООН не входили в ближний круг президента. Впервые придать данной должности министерский статус предложила в свое время Мадлен Олбрайт, отвечавшая в первый срок президентства Клинтона за передачу дел в Совете национальной безопасности. Сегодня пока не ясно, сможет ли Сьюзан Райс, бывший заместитель Мадлен Олбрайт по проблемам Африки стать второй Олбрайт. Райс активно участвовала в предвыборной гонке на стороне Обамы. Она первый чернокожий представитель США при ООН. Эксперты считают, что сегодня еще не пришло ее время, и составить конкуренцию Клинтон, Гейтсу и Джонсону она не сможет.

Последней фигурой заслуживающей особого внимания является вице-президент США Джозеф Байден, и не столько по тому, что он второй человек в государстве и председатель Сената. Байден – гуру в области внешней политики. Политик с более чем 30-летним опытом пребывания в Конгрессе. Инициатор множества законопроектов, что весьма важно для сенатора. У него богатый внешнеполитический опыт и вполне понятно, что он пожелает его применить. Насколько он будет вникать в эту сферу? Ответ понятен. Насколько позволит президент. Председатель комитета по международным делам Совета Федерации Михаил Маргелов так оценил перспективы Байдена в команде Обамы: "Мне кажется, что в команде у Обамы все-таки главным по международным делам будет Обама. Абсолютно понятно, что Хилари Клинтон, которая становится госсекретарем США, имеет набор своих идей, своих представлений о мире и мироустройстве. Ее муж – бывший президент США Билл Клинтон – всегда будет рядом, это тоже абсолютно понятно для Обамы. Но точно также Джозеф Байден вовсе вряд ли собирается запереться в военно-морской обсерватории, где традиционно живет вице-президент Соединенных Штатов Америки в Вашингтоне, и не участвовать в международных делах. Как организовывать вот этот непростой треугольник по международным делам, конечно, это такая серьезная шахматная задачка для Обамы. Мне кажется, что правильным для Обамы было бы, если он, скажем, Байдену дал бы какие-нибудь конкретные задания, да? Есть целый набор международных проблем, на которых надо концентрироваться какому-то конкретному человеку. В противном случае, проблема будет размываться в Госдепе, в Пентагоне, в ЦРУ, или, там, шире в раз-

ведсообществе, и уходить в бюрократическое никуда. Вот если Байден получит от Обамы какое-то конкретное или какие-то конкретные задания, то Обама избежит того, что Джозеф Байден будет все время вертеться под ногами в принятии каких-то оперативных решений" **[3]**.

Фактор Байдена будет весомым. Именно Дж. Байдену было поручено представить контуры будущей внешней политики США на 45-й конференции по безопасности в Мюнхене. Байден возглавил представительную делегацию, в которую вошли практически все те, кто будут формировать внешнюю политику США в ближайшие четыре года, а именно советник президента по национальной безопасности Джеймс Джонс, новые руководители Госдепа Джеймс Стейнберг, Филипп Гордон и Ричард Холбрук, а также командующий вооруженными силами США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии Дэвид Петреус. Журналисты сразу отметили, что из "ключевых персонажей не хватает только госсекретаря Хиллари Клинтон. Впрочем, ее отсутствие можно истолковать как подтверждение предположения американских аналитиков, что новую политику США будет формировать не она, а в первую очередь господа Байден и Джоунс" **[2]**. Это весьма смелое утверждение, что позволяет подвергнуть его критике. Не думаю, что отсутствие Х. Клинтон, а также Р. Гейтса на конференции умоляет их роль и влияние. Презентацию контуров внешней политики должен был представить именно вице-президент, как второе лицо в государстве. Он глава делегации состоящей из представителей различных ведомств. В целом, говоря о роли Байдена в определении внешней политики государства можно сказать, что с одной стороны он будет уравновешивать "внешнеполитическую безграмотность или неопытность" Обамы, а с другой тормозить напористость Х. Клинтон и Р. Гейтса, но в первую очередь напористость государственного секретаря.

Сможет ли команда Обамы предложить Америке и миру что-то новое в сфере внешней политики или все сведется к варианту ребрендинга, т.е. косметическому "ремонту фасада" потрепанного правлением Буша-младшего? Первые шаги показывают, что это не ребрендинг. "За два дня новая администрация задала такой темп, в котором не работала ни одна из предыдущих президентских администраций. Отдавая распоряжения из Белого дома и главного здания Государственного департамента, которые находятся в нескольких кварталах друг от друга, Обама объявил о закрытии тюрьмы в Гуантанамо на Кубе, о запрещении жестких методов допроса сотрудниками разведслужб, о приостановке минимум на 120 дней работы военных трибуналов в Гуантанамо по делам подозреваемых в террористической деятельности, об отказе от использования разведывательным сообществом секретных тюрем за рубежом и о назначении двух специальных дипломатических представителей, которые будут работать над достижением арабо-израильского мира и стабилизацией обстановки в Афганистане и Пакистане" **[1]**. Демократическая администрация демонстрирует традиционный возврат к политике построенной на идеалах демократии (свободы, прав человека и т.д.). Думаю, что для Обамы это не простая риторика. Обама не стоит перед выбором – безопасность или верность идеалам. Президент своими первыми шагами продемонстрировал, что восстановление стандартов правовой процедуры и основных конституционных ценностей даже в условиях борьбы с терроризмом, в условиях войны обязательно. "Отдавая данное распоряжение, я не только выполняю предвыборное обещание, но и следую призыву наших отцов-основателей вести себя принципиально не только в простых, но и в сложных случаях" **[1]**. Это уже не ребрендинг политики Буша, а реальный шаг на пути смены всей внешней политики.

Первые шаги Обамы говорят о неком тренде во внешней политике,

но оценить насколько этот тренд превращается в закономерность, мы сможем по действиям в Ираке и Афганистане. Напомню, что Обама был противником ввода войск в Ирак. Существуют десятки факторов, которые не позволяет более или менее точно прогнозировать развитие ситуации в Ираке или Афганистане. Совершенно точно можно согласиться с тем, что войска не будут выведены из Ирака за 16 месяцев, как к тому призывал Обама перед собственным избранием. Это компромисс, на который он пошел со своим окружением (Клинтон, Гейтсом, Байденом) и республиканским меньшинством в Конгрессе, поддержка которого необходима ему для реализации плана по оздоровлению американской экономики. Вместе с тем вывод войск начнется уже в ближайшее время, но вывод не в США, а в Афганистан. Демократы считают, что настало время, когда сами иракцы должны решить свое будущее, а Америка может только оказать посильную помощь иракской администрации. Летом в Ираке планируется провести референдум по вопросу пребывания иностранных войск на территории страны. Спрогнозировать результат этого референдума не трудно. Американцы не желают, чтобы иракский народ публично указал им на дверь, но в тоже время торопливое бегство не входит в планы США. В этой связи Министерство обороны подготовило для президента США три сценария вывода войск из Ирака. Они отличаются друг от друга, прежде всего, длительностью процесса – 16, 19 или 23 месяца. Командующий войсками в Ираке генерал Реймонд Одьерно и глава Центрального командования, в сферу оперативной ответственности которого входят Ирак и Афганистан, генерал Дэвид Петрэус склоняются в пользу самого длительного варианта, по которому для вывода войск из Ирака необходимо 23 месяца. По словам представителя Пентагона, именно такой срок необходим, чтобы не подвергнуть риску достигнутые в Ираке успехи в области безопасности. Какой из трех сценариев выберет президент еще не известно, но высока вероятность того, что он прислушается к доводам военных.

Ситуация в Афганистане несколько иная. США не собираются покидать данный регион, а скорее наоборот увеличат свое присутствие в регионе. Причем это увеличение будет существенным. Сегодня в Афганистане находится примерно 35000 американских солдат, но в ближайшее время их численность возрастет вдвое. Американцы понимают, что Афганистан сегодня это рассадник терроризма и источник наркотрафика. Победить аль-Каиду для США – дело чести, жизненно важный национальный интерес. На почве Афганистана тестируется на профессиональную пригодность такое военно-политическое объединение, как НАТО. Демократы уже призвали к восстановлению прежних союзов, а что как не Афганистан сможет доказать миру, что союзы не устарели. Именно в Афганистане США постараются восстановить подорванное Ираком взаимопонимание с европейскими партнерами и, прежде всего, с Германией и Францией. Думается, что США придется привлечь к решению афганской проблемы Россию и Китай, активнее работать со странами Центральной Азии и "установить" проамериканский режим в Пакистане. Назначение деятельного Р. Холбрука специальным представителем в данный регион свидетельствует о решимости создать условия для нормализации ситуации в этой стране. В свое время Холбрук занимался бывшей Югославией и, не смотря на неоднозначные результаты его деятельности, в этом регионе сегодня не ведутся боевые деятельности, а все проблемные вопросы решаются за столами переговоров. В Афганистане до этого еще далеко, но решимости новой администрации не занимать.

В заключении хочется отметить, что внешнюю политику любого государства и в частности США можно анализировать несколькими путя-

ми. Например, путем анализа ее понятийного аппарата, т.е. ключевых элементов методологической и мировоззренческой основы внешней политики. Можно также путем конкретного эмпирического анализа стратегических целей, приведенных в выступлениях, докладах президентов США, высших чиновников, отвечающих за внешнеполитическую проблематику. В данной статье мы выбрали второй путь. Мы попытались на основе имеющихся открытых источников проанализировать внешнюю политику США как процесс ее формирования и осуществления, а также (в отсутствие основополагающих внешнеполитических документов (например, Стратегии национальной безопасности) обозначить контуры внешней политики администрации Барака Обамы. Со времен инаугурации президента Джона Кеннеди, в Америке не было ни одной новой администрации, на которую возлагались бы столь огромные надежды. Случай беспрецедентный: все главные субъекты международных отношений открыто заявляют о своем стремлении к преобразованиям, которые навязал им глобальный кризис, причем преобразования эти они хотят осуществлять во взаимодействии с США. Обама еще в предвыборный период уделял внешней политике весомое внимание, но это была в большей степени оппозиция политике Дж. Буша в Ираке. Прошло некоторое время, и проблему Ирака затмила проблема всемирного экономического кризиса, а внешнеполитическая проблематика ушла на второй план. Однако плачевная ситуация в мировой экономике не снимает с США ответственности за вопросы мировой безопасности, которые они, в качестве лидера мирового сообщества, привыкли всегда брать на себя.

Обама сформировал потрясающую по своему профессионализму и политическому весу команду "партнеров-конкурентов", которая без промедления приступила к анализу многочисленных проблем, накопившихся за восемь лет пребывания республиканцев в Белом доме. Смею предположить, что ключевыми регионами первостепенного внимания новой администрации станет Ближний и Средний Восток (Ирак, палестинская проблема и ядерная программа Ирана), регион Южной Азии (ситуация в Афганистане и Пакистане) и регион Тихоокеанской Азии, так как от перспектив взаимоотношений с Китаем напрямую зависит решение текущего мирового экономического кризиса. Как указывают многочисленные эксперты, ключи от кризиса сегодня лежат не только в Вашингтоне, но и в Пекине. Политика именно этих двух государств, скоординированная политика способна вывести мир из пике падения. Проводить более серьезный, детальный анализ по перспективам внешней политики США в предстоящие годы считаю преждевременным, так как у администрации Обамы еще нет так называемой "большой стратегии". Администрация еще определяется с общими рамками нового мировоззрения Америки и ее отношениями с другими странами. Однако у Америки появился уникальный шанс предложить миру концепцию, которую увязывает собственные интересы и идеалы страны с подходами большинства ведущих мировых субъектов (Европейского Союза, Китая, России и др.). Такой шанс у Америки есть, но использовать его надо в самое ближайшее время.

◆

Литература

1. Внешнеполитический курс США меняется с молниеносной быстротой [Электронный ресурс].URL: http://www.america.gov/st/peacesecrussian/2009/January/20090126121651dmslahrellek0.8068964.html?CP.rss=true [Дата обращения 28.01.2009].

2. Вчера открылась 45-я Мюнхенская конференция по безопасности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc.aspx?docsid=1115246 [Дата обращения 07.02.2009].

3. Джозеф Байден, вице-президент США. [Электронный ресурс]. URL: http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/567045-echo/ [Дата обращения 28.01.2009].

4. Инаугурационная речь президента Обамы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.america.gov/st/elections08-russian/2009/January/20090121085901abretnuh0.7421228.html [Дата обращения 28.01.2009].

5. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 847 с.

6. Клинтон Х. Выступление Хиллари Родэм Клинтон перед сотрудниками Государственного департамента. [Электронный ресурс]. URL: http://www.america.gov/st/elections08-russian/2009/January/20090123103257eaifas0.216839.html?CP.rss=true [Дата обраще-ния 28.01.2009].

7. Конституция Соединенных Штатов (1787 г.) // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты: Пер с англ. М.: Прогресс, Универс, 1993.

8. К президентским выборам в США 4 ноября 2008 г.: интервью с Э. Беляевым // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2008. № 3. С. 59-69.

9. Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт. / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес бук, 2004.

10. План реорганизации № 1 1997 г. "Исполнительный аппарат президента" (извлечения) // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты: Пер с англ. М.: Прогресс, Универс, 1993.

11. Gates M. Robert. A Balanced Strategy Reprogramming the Pentagon for a New Age [Электронный ресурс]. URL: http://www.foreignaffairs.org/20090101faessay88103/robert-m-gates/how-to-reprogram-the-pentagon.html [Дата обращения 28.01.2009].

12. Gates M. Robert. Nothing Is Off the Table' Regarding Cuts [Электронный ресурс]. URL: http://www.defensenews.com/story.php?i=3920873&c=AME&s=TOP [Дата об-ращения 28.01.2009].

13. Kissinger A. Henry. Team of Heavyweights [Электронный ресурс]. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/12/04/AR2008120402863_pf.html [Дата обращения 28.01.2009].

14. Taranto J. Mikhail Sergeyevich Obama [Электронный ресурс]. URL: http://online.wsj.com/article/SB121614307710855139.html?mod=Best+of+the+Web+Today [Дата обращения 28.01.2009].

15. U.S. Senate confirms Rice as U.N. ambassador [Электронный ресурс]. URL: http://www.reuters.com/article/companyNewsAndPR/idUSN2226571320090123 [Дата обращения 28.01.2009].

УДК 930.1:338.2)

Л.Б. Биниконский

Историческая наука в условиях рыночной экономики

The historical science in the conditions of the market economy

В статье рассмотрено воздействие общественных преобразований в России 1990-х гг. на развитие исторической науки и образования. Основное внимание автор уделяет состоянию вузовской науки на российском Дальнем Востоке.

Ключевые слова: *историческая наука, общественные преобразования в России, российский Дальний Восток, рыночная экономика.*

◆

The influence of public transformations in Russia of 1990th on the development of historical science and education is considered in the article. The author gives the main attention to the condition of the high school science in the Russian Far East.

Key words: *historical science, social transformations in Russia, the Russian Far East, market economy.*

Беру на себя смелость утверждать: сегодня всё измеряется понятием "рынок", в том числе, на наш взгляд, историческая наука и образование, которые, казалось бы, далеки от этого понятия. Тем не менее, любая наука имеет свою цену, хотим мы этого или нет.

Экономический кризис, охвативший все сферы народного хозяйства СССР в середине 80-х гг. XX столетия, не мог обойти образование и науку. С этого времени система образования и наука стали испытывать острую нужду в средствах и, фактически, стремительно катились навстречу рынку, который, действительно, мог бы помочь приобрести требуемые средства при условии правильного взаимодействия рынка и науки, что давно уже было апробировано на Западе. Эта тенденция ясно проявилась в начале 90-х гг. в назревшей реформе высшей школы России.

Реформа высшей школы, проведённая в 90-х годах, была основана

http://www.ojkum.ru/

полностью на принципах рыночной экономики. Она предполагала отказ от централизованного управления образованием, усвоение западного опыта подготовки специалистов, в том числе многоуровневое образование в соответствии с западными моделями, нацеленность на мировые стандарты подготовки специалистов. Однако это касалось в основном тех профессий, которые были востребованы рынком. Профессии исторического профиля, формирующие, как известно историческое сознание и, в частности, его институциональные воплощения, в категорию востребованных, к сожалению, не входили.

Чтобы осуществить реформу на практике нужны были огромные деньги, которых в условиях кризиса экономики негде было взять, и выделяемые на образование и науку ресурсы, едва-едва составлявшие 30-40% от необходимого, покрывали лишь нищенскую зарплату преподавателей, научных работников и стипендии студентам. По мнению президента Российской академии образования Николая Никандрова: "В 90-е годы из-за недофинансирования и уничтожения традиций воцарился хаос, качество образования упало катастрофически. По ряду показателей Россия оказалась в пятом десятке стран мира" **[6]**. А если к этому добавить развал материальной базы, сокрушительный удар по социальному статусу учителя (преподавателя) и научного работника – картина положения образования и науки будет полной.

Унаследованные от Советского Союза образование и наука без всякой подготовки оказались в условиях рынка: рынка дикого, безжалостного, не оставлявшего выбора для большинства работников этой отрасли. Нищие, но гордые преподаватели и научные сотрудники, жившие надеждой на то, что всё образуется, продолжали гореть энтузиазмом и безропотно тянуть свою лямку. Однако, через некоторое время они стали осознавать реалии происходящего: рынок, о котором так много говорили демократы (вспомните известное: социалистическая революция, о которой так много говорили большевики), переворачивал все представления о разумном, добром и вечном. И в этом рынке те, кого они учили, адаптировались гораздо быстрее, чем сами учителя. Опросы общественного мнения, проводимые в то время, показывали, что большинство россиян не понимало или не желало рынка и демократии **[11, с.88]**, и тем более "реформ", представляющих собой непрерывный "процесс разграбления, обнищания, демодернизации и дестабилизации России" **[11, с.11]**.

Вспоминаю своих студентов Дальрыбвтуза, где я работал в начале 90-х гг. на кафедре истории и философии, спрашивавших меня с огромным любопытством: "Сколько зарабатывает в месяц доцент?". И когда я, прибавив от стыда к своей грошовой зарплате, сотню-полторы, озвучивал её, студенты дружно смеялись[1] и задавали недоумённый вопрос: "Так зачем и за что вы работаете?". И приглашали меня пойти с ними в море, где есть возможность подзаработать.

Постепенно всё становилось на свои места: образование и наука приспосабливались к рынку, в большей степени – кадры. Кто-то выехал за границу, часть ушли в коммерцию и производство, остальные остались на местах, в том числе большинство представителей исторической науки, не видевшее себя в рыночных отношениях и не востребованное на Западе.

Что касается вузов, то они вынуждены были постепенно переходить к коммерческой подготовке специалистов, к чему толкало их кризисное состояние высшей школы, отсутствие средств на оплату труда преподавателей и оснащение лабораторий и кабинетов, вопреки положению Конституции РФ о бесплатном государственном образовании **[9]**.

Пограничное положение Дальнего Востока России способствовало

[1] Автор использовал в данном месте более сильное выражение (Прим. ред.)

установлению связей вузов региона с учебными заведениями стран АТР. Первые контакты были осуществлены ещё в 1988 – 89 гг. ДВГУ, например, имел в то время соглашения с университетами США, Японии и Республики Корея. В 1990 г. исторический факультет университета оказал содействие Орегонскому историческому обществу (США) в проведении выставки музея штата Орегон. Выставка проходила в течение двух месяцев в залах Краеведческого музея им. В.К.Арсеньева.

В 1991 г. во Владивостоке на базе ДВГУ Правительство Российской Федерации специальным Постановлением разрешило провести 3-ю конференцию президентов университетов и директоров научно-исследовательских институтов стран АТР и европейских стран. Важнейший итог этого мероприятия – целенаправленная деятельность дальневосточных вузов по установлению связей с ведущими учебными заведениями США, Китая, Японии, Республики Корея, Вьетнама, Индии, Великобритании, Германии и Голландии **[2]**.

Рассматривая перспективы взаимодействия с учебными заведениями стран АТР, руководители дальневосточных вузов были уверены, что готовить специалистов по новым профессиям следует в России, но с учётом мировой практики и с привлечением зарубежных профессоров, имеющих опыт подготовки таких специалистов в условиях рыночной экономики и знающих законы рынка не понаслышке. На начальном этапе нужно было только овладеть опытом привлечения зарубежных специалистов в систему российского высшего образования, а для этого нужны были средства и не малые. Государство дать нужного количества средств не могло, необходимо было самим учебным заведениям думать, где найти необходимые суммы.

Новая рыночная концепция образования, ориентированная на мировые стандарты подготовки специалистов, обусловила необходимость гуманитаризации технического образования. Это нашло своё выражение, прежде всего в переименовании технических вузов в университеты. Однако переименование в университеты ещё не означало нового качества образования. Большинство вузов Дальнего Востока продолжали готовить специалистов по старым программам, старым перечням профессий и на старой материально-технической базе, что снижало уровень подготовки выпускников по сравнению с новыми приоритетными профессиями. К тому же, увеличение численности молодых специалистов-выпускников вузов, обострило проблему их трудоустройства, которая, в связи со сложившейся экономической ситуацией, оставалась в эти годы острой в целом по стране, и на Дальнем Востоке, в частности. Это привело к тому, что специалисты многих направлений, которых готовили вузы, оказались невостребованными рынком. По данным статистики, около 70% выпускников в конце 90-х гг. не смогли найти работу по специальности, и вынуждены были трудоустраиваться на любые должности, дающие хоть какой-нибудь заработок **[8]**.

Вхождение страны в рыночные отношения, расширение внешнеэкономических связей Дальнего Востока ставят задачу подготовки высококвалифицированных кадров по многим направлениям, в том числе в области государственного, муниципального и хозяйственного управления, способных эффективно работать в условиях рыночной экономики. ДВГУ чутко реагирует на требования рынка и в начале 90-х гг. формирует кафедру международных экономических и гуманитарных отношений (кафедра экономики и финансов стран АТР). Началась разработка плана подготовки специалистов в области международных экономических отношений и менеджмента в соответствии с мировыми стандартами на базе российско-американского факультета, создаваемого по договорённости с Мэрилендским университетом в США.

http://www.ojkum.ru/

Ориентация на развитие рыночных отношений привела к открытию новых специальностей. Дальневосточный Государственный Университет, наряду с другими вузами Дальнего Востока, стал осуществлять набор студентов на платной основе, как по имеющимся специальностям, так и по открывающимся новым, которые были востребованы рынком и определялись как приоритетные. Учитывая экономическую ситуацию, сложившуюся на Дальнем Востоке, администрация Приморского края утвердила перечень приоритетных для края специальностей. Значительную часть перечня заняли 94 технические специальности, охватывающие области инженерно-технических и сельскохозяйственных наук, педагогики, медицины, экологии и рыбного хозяйства **[3]**.

Однако проведённый ещё в середине апреля того же 1998 года социологический опрос выпускников 9-11 классов показал, что профессии сельского хозяйства, промышленности, строительства, транспорта и педагогики попали в разряд менее желанных по сравнению с управлением, менеджментом, юриспруденцией, коммерцией, бытовым обслуживанием, торговлей, профессиональной службой в армии **[16]**. Результаты опроса свидетельствовали о том, что в России произошла резкая смена системы ценностей, и это не могло не повлиять на мотивацию школьников. Раньше детям внушали, что главное – развитие личности, материальному не следует уделять большого внимания. Теперь же победил культ стяжательства. Материальная выгода стала восприниматься как смысл жизни, а духовные потребности стали вторичными.

Если исходить из того, что педагогика так или иначе связана с подготовкой кадров учителей и преподавателей, в том числе и по специальностям, связанным с историческими науками или близко к ним стоящим, то можно сделать вывод, что данные профессии, как невостребованные, должны были бы прекратить своё существование. Однако они устояли, хотя набор на исторические профессии на платной основе делался с большим трудом и состав студентов по уровню знаний оставлял желать лучшего. Тем не менее, можно сказать, что сейчас кризис, в основном, преодолён. Об этом говорят результаты приёма абитуриентов в 2008 г. по институту Истории, философии и культуры ДВГУ – 4 человека на место, хотя старая тенденция приоритетности сохраняется и сегодня.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал рейтинг удовлетворённости россиян своей профессией. В нём оказалось много сюрпризов. Например, финансисты, хоть в мире бушует кризис, довольны своей жизнью больше всего – видимо бонусы и премии сократили ещё не всем. Второе место по удовлетворённости занимают парикмахеры, а далёкие от физического труда и весьма высокооплачиваемые адвокаты – только восьмое. Совершенно отдельно стоят профессии "начальник", "менеджер", "администратор". Начальники заняли твёрдое 10-е место – с оценкой от "полностью удовлетворён" до "скорее удовлетворён". Те, кто называет эту же работу заморским словом "менеджер", довольны ею меньше и занимают только 20-е место, а "администраторы" лишь 33-е. Возможно, всё дело в сложившихся в обществе традициях называть одну и ту же профессию разными словами в разных ситуациях.

Это же можно сказать и об удовлетворённости от труда "преподавателя" – 12-е место, и "учителя" – 19-е место. Первый почти наверняка работает в вузе, второй – в школе **[7]**. Появление на первых двух местах профессий финансиста и парикмахера для экспертов кажется весьма естественным. Кроме величины зарплаты важна личная оценка работы, её престиж в обществе, считают они. На наш же взгляд, – это не естественно, и свидетельствует, образно говоря, о том, что "всё смешалось в доме Облонских". Если в достопамятные "застойные годы" самыми пре-

стижными были профессии инженера, врача, учителя (преподавателя), то сегодня – финансиста и парикмахера. Как говорится: за что боролись, на то и напоролись. По всей видимости, стране менее необходимы первые и более – вторые. Хотя и невооружённым глазом видно, что, допуская подобные перекосы, государство, рубит сук, на котором сидит.

Собирая материал для статьи, я побывал в школах Владивостока и провёл небольшое социологическое исследование с целью ознакомления с кадрами преподавателей-историков. Вопросов было немного: возраст, по какой профессии окончил университет, стаж преподавания истории, суммарная заработная плата. Результаты впечатляют: молодых преподавателей в посещённых школах практически нет; 85% историков – выпускники исторического факультета ДВГУ; стаж преподавания от 10 до 30 лет и выше; заработная плата – 10 – 12 тысяч рублей в месяц. Казалось бы, всё хорошо: историки в школах есть, и преподавание истории ведётся. Однако есть несколько "но", что заставляет задуматься. Заработанная плата, озвученная преподавателями, – за 36 – 40 часов работы! (Иначе не выживем!) И сразу же возникает вопрос: Какое может быть качество преподавания, если преподаватель (учитель) каждый день имеет 6, а то и 8 уроков? И прав был директор Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН В.Л. Ларин, когда утверждал, что "школа – источник знания для дальневосточников лишь на 20%". А если к этому добавить, что историю в школах ведут порой преподаватели начальных классов, воспитатели, преподаватели физкультуры и учителя других предметов, то эта цифра будет значительно меньше. Большинство учителей-историков, работающих в школах, имеют значительный стаж работы, и, связав этот стаж работы с возрастом учителей (средний – 55 лет), можно сделать вывод: молодёжи в числе учителей-историков – единицы. И давайте попробуем ответить на вопрос: что будет делать государство через 10 – 15 лет, когда нынешние "мастодонты" уйдут на пенсию или вымрут?

Оглядываясь на постперестроечный период, следует отметить, что ДВГУ не только полностью сохранил перечень профессий "исторического профиля", подготавливаемых в университете, но и открыл новые профессии. В 1991 г. был объявлен набор студентов на факультет политологии – первый и уникальный для России факультет по подготовке политологов-профессионалов, управленцев, политиков. В составе факультета было две кафедры – общей политологии и политических процессов Дальнего Востока. Подготовка специалистов в области политических отношений была положительно воспринята Министерством образования РФ, о чём свидетельствовала его поддержка ДВГУ при открытии аспирантуры и создании Совета по защите диссертаций на соискание степени кандидата политических наук.

Несмотря на нехватку средств, в 1993 – 1995 гг. формируется ряд новых кафедр: археологии, этнографии и истории мировой культуры. Была осуществлена давно уже вызревавшая идея об организации философского образования. Для этого имелись квалифицированные кадры философов, контингент будущих студентов, были разработаны учебные планы. Первый шаг был сделан в 1994 г. – на историческом факультете открылось отделение философии. Факультет стал называться факультетом истории и философии (ныне – Институт истории, философии и культуры). В 1999 г. на факультете было создано новое отделение – религиоведения и теологии.

В 90-е годы руководство университета формулирует новое направление структурных изменений, заключавшееся в создании системы институтов, что создавало единый университетский механизм, способный выстоять в условиях рынка. Система включала разные типы институ-

http://www.ojkum.ru/

тов в сочетании с факультетами, остававшимися до поры до времени вне конкретных институтов. В 1997 г. было создано сразу три института, в том числе Владивостокский институт международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона (ВИМО АТР). Соучредителем ВИМО АТР выступил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), с которым ДВГУ подписал договор о сотрудничестве в деле подготовки специалистов-международников.

Преподавательский корпус и учёные-историки, несмотря на огромные трудности материального и морального свойства, были верны своему делу, понимая, что историческое образование и историческая наука остаются актуальными и в практическом и в теоретическом плане и, говоря словами В. Маяковского, никогда не будут "сброшены с корабля современности". Росло и понимание того, что в гуманитарном образовании и науке (прежде всего, в исторической, политологической, филологической и экономической) необходимы перемены.

Политизация исторической науки уходила в прошлое, уступая место объективному и беспристрастному изучению научных проблем. Менялись методологические ориентиры; получили распространение: цивилизационный подход, идея глобализации исторического процесса; обозначились темы, ранее закрытые для исследования. Учёные получают возможность использовать в своих трудах новые источники, нарастает процесс пересмотра научных представлений, позволяющий по-новому оценить важнейшие события прошлого и настоящего. Возвращены к жизни концепции, выработанные исторической наукой во второй половине XIX – начале XX вв.; регионалистика воспринимается как актуальный принцип и направление исторических исследований; в науку возвращаются забытые имена дальневосточных учёных, таких например, как Сергей Михайлович Широкогоров, труды которого широко известны за рубежом и почти неизвестны в России. Научное сообщество кровно заинтересовано в получении ответа на поставленные временем вопросы: каково общественное предназначение исторической науки; ее цель и смысл; что собой представляют её объект, предмет и метод.

Процесс пересмотра научных представлений, совпавший по времени с началом рыночных отношений, одновременно совпадает и со значительным ростом квалификации преподавателей-гуманитариев. Это особенно заметно на примере ДВГУ, где только в последнее десятилетие XX вв. в преподавательский коллектив влилось более 50 молодых людей, окончивших аспирантуру и защитивших диссертации. Практически в этот же период на гуманитарных факультетах стали работать 25 докторов наук. К известным уже именам – докторам наук Э.В. Ермаковой и А.Ф. Печерице, присоединились такие известные сегодня своими трудами учёные, как В.Л. Ларин, Е.В. Верисоцкая, В.В. Совастеев, Д.Л. Бродянский, О.П. Еланцева и др. **[4, с.474 – 517]** Такие качественные изменения, естественно, не могли не сказаться на уровне научно-исследовательской работы: расширяется диапазон исследований, прежде всего в региональной проблематике, где исследуются исторические, политические, социальные, культурные и иные процессы, происходившие в прошлом на российском Дальнем Востоке и в зарубежных странах АТР, и имеющие место в настоящем.

Преподаватели и учёные ДВГУ принимали самое активное участие в межвузовских и международных конференциях и семинарах, на которых рассматривались важнейшие проблемы взаимодействия Российского Дальнего Востока с зарубежными странами. Достаточно назвать тематику некоторых международных конференций, чтобы убедиться в актуальности этих проблем: "Россия – Китай – Япония в Северо-Восточной Азии: проблемы регионального взаимодействия в XXI в." (2002 г.); "Аме-

риканистика в странах Тихоокеанского бассейна" (2002 г.); "США: опыт взаимодействия личности, общества и государства (к 230-ой годовщине принятия Декларации независимости) (2006 г.); "Российско-китайское взаимодействие в политике, экономике, культуре и образовании. Опыт. Проблемы. Перспективы" (2007 г.) и др. **[1; 18; 19; 20]**

Историческое направление занимает важное место на факультетах Института истории, философии и искусства, Института международных отношений АТР и Восточного института. Значительную помощь в публикации трудов историков оказывает основанный в 1999 г. и издающийся во ВИМО АТР ДВГУ научный и общественно-политический журнал "Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право", а также МИОН – Программа Межрегиональных исследований в общественных науках, работающая в ДВГУ.

Сегодня перед учёными историками встают очень важные вопросы: какой национальной идеей должны они руководствоваться, каковы нравственный идеал и гражданская позиция, формируемые их деятельностью, какова мера ответственности учёных перед отдельной личностью и обществом в целом **[13]**. Однако, как это не парадоксально, мы не можем определённо ответить сегодня на эти вопросы, так как фактически не имеем ясного представления о том, какое общество мы строим – капитализм, государственный капитализм или что-то иное. Вот что говорил по этому поводу первый президент России Б. Ельцин в 1992 г.: "Мы не ведём Россию к капитализму, в какой бы то ни было форме. Россия просто не подходит для этого, Россия – уникальная страна. Она не будет ни социалистической, ни капиталистической". И не важно, верим ли мы в это; важно, что в это верит большинство россиян **[Цит. по: 11, с. 126]**. И как тут не вспомнить банальные строки Ф. Тютчева, написанные в XIX в., которые очень любят повторять сентиментальные российские интеллектуалы и их сторонники на Западе: "Умом Россию не понять… В Россию можно только верить". Тем не менее, Россию можно понять умом и, соответственно, умно к ней подойти. Известный американский историк Стивен Коэн писал по этому поводу: "Для этого не нужно ни особых мозговых усилий, ни какой-то особой методологии или теории – только желание отбросить предрассудки и узнать как можно больше о российском прошлом и настоящем" **[11, с. 85]**. По-другому и не должно быть, ведь, как подчёркивал президент Д. Медведев: "Речь идёт о народе с тысячелетней историей, освоившем и цивилизовавшем огромную территорию. Создавшем неповторимую культуру. Мощный экономический и военный потенциал. Действующем на прочной основе выработанных, выстраданных, выверенных за века ценностей и идеалов" **[14]**. Эти ценности и идеалы не подвластны рынку, какие бы формы он не принимал, и именно на них должна обратить своё внимание историческая наука, ещё далеко не полностью использовавшая свой потенциал для ориентации граждан России в меняющемся мире, для помощи им в приспособлении к нему. В этом плане, на наш взгляд, образцом целенаправленного использования возможностей исторической науки, как одного из элементов духовной культуры, является наш сосед – Китайская Народная Республика.

Отец китайских реформ Дэн Сяопин неоднократно подчёркивал, что наряду с особым вниманием к созданию материальной культуры "необходимо создавать ещё и социалистическую духовную культуру", воспитывать высоконравственных, культурных и дисциплинированных людей. Интернационализм и патриотизм относятся к сфере духовной культуры **[5, с. 23]**. Дэн Сяопин осуждал вредное, как он выражался, поветрие "равняться во всём на звонкую монету", коммерческий подход к духовной продукции, социалистической идеологии и культуре и настоя-

тельно рекомендовал "воспитывать молодёжь на нашем историческом прошлом" **[5, с. 42, 201]**.

Культуре посвящены специальные разделы в отчётных докладах на Пленумах ЦК КПК и съездах. В сформулированной Цзянь Цзэминем концепции "трёх представительств", которая на XVI съезде была включена в новый устав КПК, а в 2004 г. в ныне действующую Конституцию КНР, "передовая культура" занимает вторую позицию. По сути, это новая редакция концепции социалистической духовной цивилизации, которая предусматривает наряду с ростом материального благополучия граждан КНР, рост их образования и культуры, развитие науки. В настоящее время это положение активно разрабатывается китайскими обществоведами.

Задача – "поставить древность на службу современности" – практически выполнена, так как позволяет использовать цивилизационные ценности при решении крупных проблем проводимых реформ. Центральными из них являются – консолидация общества и обеспечение политической стабильности, что предполагает использование комплекса средств, особое место среди которых занимает культурное наследие. Именно оно стало важнейшим средством консолидации общества, воспитывающим "национальный дух" и патриотизм.

Воспитание "национального духа" и патриотизма в Китае ведётся настойчиво и целеустремлённо, с большим размахом, и государство не жалеет на это сил и средств. При этом основное внимание уделяется приобщению общества, особенно молодёжи, к истории, воспитанию исторической памяти. В Китае предпринимаются многочисленные переиздания основных исторических памятников и классики по другим отраслям традиционного гуманитарного знания. Наиболее важные работы переводятся на современный язык. Книжный рынок Китая наполнен огромным количеством научно-популярной исторической литературы, хорошо изданной, доступной по цене и рассчитанной на разный уровень подготовки читателей.

Сегодня все понимают, что историческая наука способна решить две наиболее актуальные и востребованные задачи: помочь старшим поколениям адаптироваться к произошедшим переменам и помочь младшим поколениям понять некоторые феномены ушедшей советской эпохи, тем более, что "демократические" комментаторы истории вообще не привыкли видеть в советском хоть что-нибудь хорошее. Первая задача важна потому, что от 75 до 85% россиян, опрошенных в 1999 и 2000 гг., сожалели о распаде СССР, а большинство из них считают брежневскую эпоху 70-х и начала 80-х гг. "золотым веком" **[12]**. Вторая – потому, что именно этим поколениям предстоит решать в недалёком будущем судьбу России, которая – как однажды тонко подметил известный журналист-международник и дипломат Александр Бовин – "не может выскочить из своей истории, подобно тому, как мы не можем выпрыгнуть из своей кожи" **[См.: 21, p.225]**. И действительно: какие бы изменения в сторону модернизации и вестернизации с годами не произошли, Россия не сумеет выпрыгнуть из своей кожи и уж точно не сумеет влезть в какую-либо чужую.

Необходимо исходить из того, что за годы существования "новой" России произошли глобальные изменения в политической, социально-экономической и культурной сферах, которые не могли не сказаться на сути общественного запроса, адресованного различным социальным институтам, в том числе образованию и исторической науке. И задача исторической науки – адекватно отреагировать на изменившейся запрос общества, сделать всё для сохранения как "уникального единства", так и "многообразия духовной общности и союза различных народов", насе-

ляющих Россию **[10, с. 111]**.

Неплохо бы, чтоб и Родина это поняла. Самое время государству задуматься о централизованной политике по отношению к исторической науке. Руководители страны, говоря о программах до 2020 – 2025 гг., убеждают нас в том, что к этому времени Россия будет самой привлекательной страной для жизни. Но, как говорится, не хлебом единым жив человек, да и престиж государства, его долголетие определяется не только материальным достатком. Власти должны озаботиться духовным состоянием общества и каждого отдельного гражданина, если они желают видеть Российское государство сильным и процветающим. И здесь без гуманитарного образования и науки не обойтись. Литература и история – это предметы, которые во многом отвечают за формирование картины мира, без чего невозможно дать университетское образование, взрастить интеллектуальную элиту. И как справедливо подметил директор Института российской истории РАН Андрей Сахаров: "Нам сейчас было бы полезно вернуть свою историю во всех её выражениях, персоналиях, ситуациях, которые раньше искажались и замалчивались" **[17]**.

Историческое прошлое должно стать надежной опорой российских реформ и данное обстоятельство представляет не только научный, но и практический интерес для нашей страны, которая так и не смогла определиться с национальной российской идеей. Однако, на наш взгляд, российская национальная идея кроется в самом российском народе, в его сути, делах и стремлениях. Это созвучно с мыслью нашего великого национального поэта А.С. Пушкина, писавшего в одном из своих стихотворений:

"Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село" **[15, с. 79]**.

А рынок? Исторической науке и образованию он – не помеха. Всегда можно найти консенсус.

◆

Литература

1. Американистика в странах Тихоокеанского бассейна. Программа и тезисы международной научной конференции. Владивосток, 28-30 марта 2002. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. 136 с.
2. Владивосток. 1997. 15 мая.
3. Владивосток. 1998. 11 июля.
4. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899-1999. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. 704 с.
5. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая: Пер. с кит. М.: Политиздат, 1988. 256 с.
6. Известия. 2008. 1 ноября.
7. Известия. 2008. 30 сентября.
8. Комсомольская правда. 1998. 16 февраля.
9. Конституция Российской Федерации. М.: Юрайт, 1997. 48 с.
10. Концепция государственной национальной политики. М.: Горбачев-фонд, 2002.
11. Коэн Стивен. Провал крестового похода. США и трагедия

посткоммунистической России. Пер. с англ. М., 2001.

12. Независимая газета. 2000. 11 мая.

13. Никонов А.В. Национальная идея, нравственный идеал, ответственность историка и экспозиционера // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. М., 2002. С.17-25.

14. Послание Президента РФ Федеральному Собранию / Российская газета. 2008. 6 ноября.

15. Пушкин А.С. Лирика. М.: Гослитиздат, 1963. 222 с.

16. Работа и учёба. 1998. 15-21 апреля.

17. Российская газета. 2008. 23 октября.

18. Российско-китайское взаимодействие в политике, экономике, культуре и образовании. Опыт. Проблемы. Перспективы. Материалы и тезисы докладов к Международному научно-исследовательскому семинару. Владивосток, 21-22 июня 2007 г. Владивосток, 2008.

19. Россия-Китай-Япония в Северо-Восточной Азии: проблемы регионального взаимодействия в XXI в. Материалы международной научной конференции, состоявшейся во Владивостоке 18-19 сентября 2000 г. Владивосток, 2000. 135 с.

20. США: опыт взаимодействия личности, общества и государства (к 230-ой годовщине принятия Декларации независимости). Материалы международной научно-практической конференции. Владивосток, 19-20 июля 2006 г. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2006. 247 с.

21. F. Cohen and Katrina van den Heuvel. Voices of Glasnost. New York, 1998.

УДК 930.85(571.6)

А.А. Киреев

К вопросу о состоянии регионоведческих исследований российского Дальнего Востока: результаты анкетного обследования

To a question on a condition of regional researches of the Russian Far East: results of interrogation

В конце января – начале февраля 2009 г. редакцией журнала "Ойкумена" в рамках начатого ранее долгосрочного исследования регионоведения российского Дальнего Востока был проведен анкетный опрос. Цель опроса заключалась в выявлении представлений о современном состоянии регионоведческих исследований РДВ, существующих в сознании самих исследователей, представителей регионального научного сообщества. Для проведения опроса А.А. Киреевым и Д.А. Литошенко была разработана анкета, состоящая из 15-ти основных вопросов закрытого и открытого типа, а также блока вопросов биографического характера.

Отсутствие достоверных предварительных данных о численности и составе изучаемой совокупности – сообщества исследователей РДВ, – и ее значительная географическая распыленность изначально существенно ограничили полноту проводимого обследования. Фактически в целевую выборку вошли исследователи, работающие в нескольких доступных для организаторов опроса научных и образовательных учреждениях г. Владивостока, таких как Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Дальневосточный государственный университет, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева, Тихоокеанский военно-морской институт им. С.О. Макарова, а также в филиале Дальневосточного государственного технического университета в г. Находке. Квотируя количество участников опроса от каждого из названных учреждений, мы старались исходить из примерной оценочной численности занятых в них исследователей интересующего нас профиля.

На момент окончания опроса, при значительном невозврате анкет (около трети всех распространенных), нами были получены ответы от 33-х респондентов, представляющих семь упомянутых выше организаций. Безусловно, что при таком масштабе результаты анкетирования не могут претендовать на достаточную репрезентативность. Тем не менее, свою "разведывательную" функцию проведенный опрос выполнил, и его данные позволяют получить некоторый предварительный, эскизный портрет дальневосточного регионоведения.

Пятнадцать вопросов, вошедших в опросную анкету, можно разбить на ряд смысловых блоков, каждый из которых касается одного из аспектов заявленного в исследовании предмета. Первым в анкете был блок вопросов, посвященных основополагающей для данного исследования проблеме определения общего научного статуса регионоведения на российском Дальнем Востоке и той степени, в какой работающие здесь исследователи лично идентифицируют себя с этой наукой. Первый вопрос из этого блока (Как, по Вашему мнению, можно определить сегодня научный статус регионоведения?) предполагал возможность выбора респондентом одного варианта ответа из пяти предложенных, включая один вариант ответа, открытый для самостоятельной формулировки. Ответы респондентов на этот вопрос распределились следующим образом:

а) одна из социогуманитарных дисциплин (21,21%);
б) междисциплинарная отрасль знания (63,63%);
в) направление прикладных исследований (12,12%);
г) не имеет определенного статуса (3,03%);
д) (другое) (0%).

Второй (закрытый) вопрос первого блока (Какие факторы определяют регионоведческую принадлежность (научную специализацию) исследователя?) допускал выбор одновременно нескольких вариантов ответа. В результате было получено следующее распределение ответов:

а) полученная в вузе профессиональная подготовка (33,33%);
б) тема диссертационного исследования (36,36%);
в) тематика научных работ (66,66%);
г) должностные обязанности (6,06%);
д) география региона проживания и работы (30,3%).

Третий (закрытый) вопрос первого блока (Какая научная специализация – территориальная (регионоведческая) или предметная (историческая, социологическая, политологическая и т.д.) – наиболее близка лично Вам?) допускал выбор респондентом только одного варианта ответа. Полученные ответы распределились следующим образом:

а) считаю себя регионоведом (9,09%);
б) скорее, считаю себя регионоведом (21,21%);
в) скорее, считаю себя предметником (57,57%);
г) считаю себя предметником (12,12%).

Второй блок вопросов анкеты был направлен на выявление представлений о внутренней структуре дальневосточного регионоведения и оценок сравнительной развитости входящих в него направлений исследований. Этот блок включал в себя два вопроса открытого типа. Первый из них (Укажите наиболее развитые направления социогуманитарных исследований дальневосточного региона России.) предусматривал не более 3-х возможных вариантов ответа (т.е. направлений). В ходе обработки анкет было зафиксировано в общей сложности 18 различных вариантов ответа, большая часть которых состоит из наименований социальных и гуманитарных дисциплин. Исключив из этого числа ответы, данные 1-2 респондентами, к наиболее развитым, по мнению респондентов, направлениям социогуманитарных исследований РДВ можно отнести следую-

щие (в порядке убывания количества ответов):

а) история (66,66%);
б) экономика (27,27%);
в) политология (18,18%);
г) социология (15,15%);
д) культурология (9,09%);
е) исследования миграционных процессов (9,09%),

Среди ответов, не вошедших в приведенный выше перечень, есть направления, которые содержательно близки к перечисленным. Так, отдельными респондентами были упомянуты такие проблемные направления как "региональная политика в РФ" (3,03%) и "поведение электората" (3,03%), по существу входящие в предметное поле политологии. Если сгруппировать эти ответы в общую категорию "политология", то доля респондентов, указавших данное направление исследований, возрастет до 24,24%. Кроме того, близки по своему содержанию такие ответы как "геополитика Дальнего Востока" (6,06%) и "международные аспекты регионального развития" (3,03%). Они могут быть обобщены в категорию "геополитические и международные аспекты регионального развития" с совокупной долей в 9,09% респондентов.

Второй вопрос второго блока анкеты (Укажите наименее развитые направления социогуманитарных исследований дальневосточного региона России.) также предполагал не более 3-х возможных вариантов ответа. Однако в итоге, в сравнении с первым вопросом этого блока, спектр названных направлений оказался заметно шире и достиг 26-ти. При этом, среди них преобладали не предметно-дисциплинарные, а более узкие, проблемные, направления. Велика оказалась и дисперсия мнений респондентов – 23 направления исследований были названы 1-2 участниками опроса. К наименее развитым, по мнению респондентов, направлениям социогуманитарных исследований РДВ можно отнести следующие (в порядке убывания количества ответов):

а) политология (18,18%);
б) социология (15,15%);
в) культурология (12,12%).

Многие из остальных 23-х направлений могут рассматриваться как частные по отношению к трем названным предметным областям исследований региона. Так, в категорию "политология" могут быть включены ответы "политическое поведение населения Дальнего Востока" (3,03%), "избирательная география" (3,03%), "региональные политические процессы" (3,03%), "региональные политические элиты" (3,03%), "политические ориентации населения" (3,03%). Таким образом, доля политологического направления достигнет 33,33%. К социологическому направлению регионоведческих исследований тяготеет ответ "социальная структура населения" (3,03%), добавление которого увеличивает долю этого направления до 18,18%. К культурологическому направлению близки ответы "межкультурные коммуникации" (3,03%), "цивилизационные исследования" (3,03%), "искусство" (3,03%), которые в сумме повышают его долю до 21,19%.

Третий блок анкеты состоял из одного, но достаточно объемного открытого вопроса (Укажите теоретические и прикладные проблемы дальневосточного регионоведения, требующие, на Ваш взгляд, приоритетных усилий и финансирования.), который был призван выявить позицию исследователей относительно необходимых в дальнейшем изменений предметной структуры регионоведения РДВ. При ответе на этот вопрос респондентам предлагалось сформулировать не более 3-х теоретических и 3-х прикладных проблем. По результатам опроса его участниками было названо в общей сложности 18 теоретических и 27 прикладных проблем.

http://www.ojkum.ru/

При этом и в том и в другом случаях подавляющая часть ответов были даны только одним или двумя респондентами. Во многих случаях формулировки теоретических и прикладных проблем оказались сходными. В перечень теоретических проблем, нашедших набольшее число сторонников, вошли следующие:

а) региональная политика (вариант: "управление регионом") (18,18%);

б) российский Дальний Восток в системе международных отношений (в СВА, в АТР, в мире в целом) (12,12%);

в) экономическое развитие региона (вариант: "устойчивое региональное развитие") (12,12%).

С указанными проблемами могут быть объединены некоторые из теоретических проблем, получивших меньшую поддержку. Так, в категорию "региональная политика" допустимо включить ответ "проблемы "центр-регионы"" (6,06%). В этом случае общий вес этой категории достигнет 24,24%. К проблемной категории "российский Дальний Восток в системе международных отношений" близок ответ "геополитика" (6,06%). При объединении с геополитической проблематикой доля ее сторонников среди респондентов увеличится до 18,18%.

Среди прикладных проблем наибольшую поддержку исследователей получили:

а) экономическое развитие региона (вариант: "экономическая трансформация") (15,15%);

б) интеграция (вариант: "сотрудничество") российского Дальнего Востока в АТР (12,12%);

в) транспортная инфраструктура (9,09%).

С указанными могут быть объединены некоторые из остальных упомянутых в ходе опроса прикладных проблем. В категорию проблем "экономическое развитие" могут быть включены ответы "дифференциация социально-экономического развития РДВ" (3,03%) и "развитие мелкого и среднего предпринимательства" (3,03%). При обобщении эти ответы охватывают 21,19% респондентов. К проблеме "интеграция РДВ в АТР" близки проблемы "негативные последствия включения в АТР" (3,03%), "проведение саммита АТЭС" (3,03%) и "развитие международных связей" (3,03%). Их суммирование дает долю респондентов в 21,19%. Кроме того, из ряда содержательно близких друг другу ответов "демографические процессы" (3,03%), "миграция" (3,03%), "социально-демографическая политика" (3,03%) можно сгруппировать общую категорию прикладных проблем "демографические процессы и управление ими" с общей поддержкой опрошенных в 9,09%.

Отдельный, четвертый, блок опросной анкеты был посвящен определению методологических приоритетов представителей дальневосточного регионоведения. Он состоял из одного вопроса открытого типа (Применение каких парадигм и методологических подходов, на Ваш взгляд, наиболее перспективно в социогуманитарных исследованиях дальневосточного региона?). Этот вопрос анкеты чаще всего оставался без ответа (у 30,3% участников). Из 16-ти зафиксированных вариантов ответа наиболее часто респонденты называли следующие методологические подходы:

а) системный (варианты: "принцип системности", "регион как система") (18,18%);

б) цивилизационный (12,12%);

в) сравнительный (9,09%);

г) междисциплинарный (6,06%);

д) антропологический (6,06%);

е) "теории среднего уровня" (6,06%).

Следующий, пятый, блок вопросов был нацелен на определение уровня развития неформальных внутригрупповых связей между исследователями РДВ и факторов, этому развитию препятствующих. Первый вопрос этого блока (Существует ли сегодня на российском Дальнем Востоке региональное научное сообщество?) носил закрытый характер и предполагал выбор только одного варианта ответа. Ответы респондентов в данном случае распределились следующим образом:

а) да, существует (24,24%);

б) скорее, существует (57,57%);

в) скорее, не существует (12,12%);

г) нет, не существует (6,06%).

Для респондентов, выбравших при ответе на предыдущий вопрос варианты "скорее, не существует" и "нет, не существует", предназначался второй вопрос пятого блока (Если Вы ответили на предыдущий вопрос отрицательно, назовите основные факторы, препятствующие формированию регионального научного сообщества.). Этот полузакрытый вопрос допускал множественный выбор ответов. Респонденты, отвечавшие на данный вопрос (18,18% от общего числа опрошенных), распределились в следующей пропорции:

а) ведомственная и организационная разобщенность ученых (15,15% от общего числа опрошенных);

б) недостаток профессиональных контактов (конференций, круглых столов и т.п.) (15,15% от общего числа опрошенных);

в) отсутствие методологического и понятийного консенсуса (6,06% от общего числа опрошенных);

г) дефицит управления и планирования исследований региона (6,06% от общего числа опрошенных);

д) (иные факторы) "непрофессионализм ученых" (3,03% от общего числа опрошенных).

Шестой блок анкеты был посвящен финансовым условиям существования дальневосточного регионоведения. Первый вопрос этого блока (В какой мере существующее финансирование обеспечивает потребности развития социогуманитарных исследований Дальнего Востока?) являлся закрытым и предусматривал один возможный вариант ответа. Отвечая на него, опрашиваемые разделились следующим образом:

а) полностью обеспечивает (3,03%);

б) частично обеспечивает (36,36%);

в) обеспечивает только сохранение существующих научных кадров и инфраструктуры (33,33%);

г) не обеспечивает даже текущих потребностей регионоведения (27,27%).

Второй вопрос шестого блока (Какие источники финансирования должны являться для регионоведческих исследований основными?) был полузакрытым и допускал множественный выбор. Полученные ответы распределились так:

а) государственные (бюджетные) ассигнования (84,84%);

б) финансирование из собственных средств научных и образовательных учреждений (42,42%);

в) гранты отечественных и зарубежных научных фондов (72,72%);

г) финансирование по договорам с хозяйствующими субъектами (39,39%);

д) (иные источники) "региональные бюджеты" (3,03%); "муниципальные бюджеты" (3,03%), "различные" (3,03%).

Задачей седьмого блока опросной анкеты являлось выяснение мнения исследователей об институциональных условиях развития регионоведения РДВ, а также о его обеспеченности таким ключевым ресурсом

как информация. Первый вопрос блока (Определите степень соответствия существующей сети научных организаций и информационных учреждений потребностям дальнейшего развития дальневосточного регионоведения?) носил закрытый характер и допускал единственный вариант ответа. Распределение ответов опрошенных на этот вопрос оказалось следующим:

а) вполне соответствует (15,15%);

б) частично соответствует (63,63%);

в) не соответствует (21,21%).

Второй вопрос седьмого блока анкеты (Назовите главные, на Ваш взгляд, недостатки существующей в регионе сети научных организаций и информационных учреждений.) был открытым. По результатам опроса было выявлено 19 различных вариантов ответа. Вместе с тем, в отличие от ответов на другие вопросы анкеты, распыленность и индивидуализированность мнений респондентов в данной случае оказалась несколько меньшей. Чаще всего ими указывались следующие недостатки:

а) ведомственная разобщенность (вариант: "нет сети") (21,21%);

б) недостаточное государственное финансирование (18,18%);

в) отсутствие координации (варианты: "концентрации", "координирующего центра") (12,12%);

г) слабая техническая оснащенность (варианты: "отсутствие доступа в Интернет", "к базам данных") (12,12%);

д) закрытость (варианты: "замкнутость", "своячество") (9,09%);

е) недостаток общения ученых (9,09%);

ж) низкий уровень научных кадров (9,09%).

Помимо перечисленных респондентами назывался и ряд сходных с ними недостатков. Так, в категорию недостатков "отсутствие координации" может быть добавлен ответ "отсутствие института комплексного изучения Дальнего Востока" (3,03%). В этом случае ее вес достигнет 15,15%. В категорию "низкий уровень научных кадров" также правомерно включить ответы "отсутствие кадровой политики" (3,03%) и "отсутствие молодых специалистов" (3,03%), увеличив в итоге ее долю до 15,15%. Кроме того, в обобщающую категорию "низкая доступность информационных ресурсов" могут быть сведены ответы "затрудненность получения информации" (6,06%), "высокая стоимость информации" (3,03%) и "низкий уровень культуры научного обслуживания" (3,03%), которые были даны в общей сложности 12,12% респондентов.

Последний, восьмой, блок вопросов анкеты был предназначен для выявления оценки респондентами основных тенденций количественной и качественной динамики дальневосточного регионоведения за последнее десятилетие. Этот блок состоял из двух закрытых вопросов, допускавших выбор единственного варианта ответа. Несколько участников опроса уклонились от ответа на эти вопросы, в т.ч. на первый – 9,09% и на второй – 6,06% от общего числа опрошенных. Между предложенными вариантами ответа на первый вопрос восьмого блока (Какова основная тенденция изменения количественных параметров дальневосточного регионоведения за последние 10 лет?) ответившие респонденты разделились следующим образом:

а) рост количества исследований (54,54%);

б) стабилизация количества исследований (24,24%);

в) снижение количества исследований (12,12%).

Второй вопрос восьмого блока (Какова основная тенденция изменения качественных параметров (актуальности, новизны, теоретико-методологической оснащенности) дальневосточного регионоведения за последние 10 лет?) принес следующие результаты:

а) рост качества исследований (33,33%);

б) стабилизация качества исследований (27,27%);
в) снижение качества исследований (33,33%).

Ознакомившись с приведенными опросными данными, наши читатели могут сделать собственные выводы о современном состоянии регионоведческих исследований российского Дальнего Востока. Наиболее обоснованные и развернутые интерпретации итогов опроса редакция "Ойкумены" готова опубликовать на страницах ближайших номеров журнала. Со своей стороны мы ограничимся пока констатацией некоторых особенно очевидно проступающих из полученных данных "черт лица" дальневосточного регионоведения. Исходя из структуры анкеты, представим их в тезисной форме.

1. Несмотря на сильную инерцию предметной формы организации системы образования и академической науки, исследователи в большинстве своем рассматривают регионоведение в качестве междисциплинарной области знания. Преобладающим критерием регионоведческой специализации респонденты считают тематику научных работ, что свидетельствует с одной стороны о достаточно высокой значимости для них исследовательской активности, а с другой – о том, что процесс научной специализации зачастую завершается уже в зрелом возрасте. К числу узких специалистов (как предметного, так и территориального плана) относит себя лишь небольшая часть респондентов. Остальные же позиционируют себя в промежуточной области интеграции (в той или иной форме) предметной и региональной специализации, хотя исследователей, тяготеющих к предметному полюсу науки все же заметно больше.

2. В составе наиболее развитых направлений исследований РДВ безусловно преобладает историческое, что вполне объясняется и конкретной историей становления социогуманитарного знания в регионе, и общей ролью истории как материнской науки по отношению к большей части социогуманитарных дисциплин. За историческим с большим отрывом следуют экономическое, политологическое, социологическое, культурологическое и международное направления исследований. Из направлений более узкой, проблемной, ориентации в сознании исследователей заметное место занимает только изучение миграционных процессов. По некоторым из названных дисциплин оценки респондентов весьма поляризованы. Об этом говорит тот факт, что фигурирующие в числе наиболее развитых политологическое, культурологическое и социологическое направления, одновременно вошли в первую тройку списка "аутсайдеров" регионоведения РДВ, причем количество респондентов, низко оценивающих их уровень развития, во всех трех случаях значительно превышает число опрошенных, которые дали им положительную оценку.

3. Большая распыленность характерна для мнений исследователей о путях дальнейшего развития дальневосточного регионоведения. На уровне его теоретических проблем наиболее признанными приоритетами являются региональная политика и управление, положение РДВ в системе международных отношений и экономическое развитие региона. Еще более разрознены мнения опрошенных о проблемах прикладного уровня. Говоря скорее о группах прикладных проблем, среди лидеров здесь можно выделить проблемы экономического развития РДВ, его интеграции и сотрудничества со странами АТР, вопросы развития транспортной инфраструктуры и управления демографическими процессами.

4. Опрос показал характерные для значительной части опрошенных недостаточное знание и невысокую оценку значимости научной методологии. Если же говорить об исследователях, осознающих важность

методологического оснащения своей работы, то среди них наибольший интерес вызывают системный, цивилизационный и сравнительный подходы. Определенную поддержку с их стороны находят также антропологический подход, идея междисциплинарного синтеза и установка на получение теоретических обобщений среднего уровня. Отрадно отметить, что такие методологические предпочтения исследователей вполне созвучны приоритетам "Ойкумены".

5. Респонденты в основном оптимистически оценивают интенсивность профессиональных отношений, обеспечивающих существование на РДВ регионального научного сообщества. Что же касается "пессимистов", то в числе главных помех для формирования такого сообщества они чаще всего указывают ведомственную и организационную разобщенность и недостаток общения между учеными.

6. Оценки респондентами финансовых условий развития дальневосточного регионоведения склоняются скорее в негативную сторону. Особенно показательно, что почти треть участников опроса считают существующее финансирование, не обеспечивающим даже текущих потребностей регионоведения. В отношении исследователей к источникам финансирования явно преобладают ожидания государственной поддержки. Вместе с тем, примечательна и готовность двух третей опрошенных бороться за получение грантов отечественных и зарубежных научных фондов.

7. Институциональные и информационные условия развития регионоведения РДВ оцениваются респондентами скорее как неудовлетворительные. При этом претензии касаются в большей мере не финансовой и материально-технической базы научных и информационных институтов (хотя неудовлетворенность ими достаточно велика), а организационных и управленческих аспектов их функционирования. Именно к этой сфере относятся такие выделяемые исследователями недостатки научных организаций и информационных учреждений региона как ведомственная разобщенность, отсутствие координации, низкий уровень научных кадров, информационная закрытость и недоступность для сотрудников других организаций.

8. По мнению большинства респондентов последнее десятилетие ознаменовалось ростом количества исследований РДВ. Однако оценки качественных параметров исследований этого периода демонстрируют своего рода "патовую ситуацию" равновесия положительных и отрицательных мнений. Это может свидетельствовать как о противоположности тенденций развития разных направлений дальневосточного регионоведения, так и о глубоких различиях в самих критериях оценки респондентами "качества" научного исследования.

В последующих номерах журнала мы намерены дать более тщательный и полный анализ результатов проведенного опроса и обсудить выявленные им проблемы дальневосточного регионоведения. Кроме того, учитывая предварительный характер результатов исследования, мы планируем уточнить их путем проведения новых обследований, которые будут проводиться по сопоставимым программам, но с привлечением более широкого круга участников.

◆

В.В. Постников

Крушение царского поезда 17 октября 1888 г. в восприятии дальневосточников (к вопросу о действии монархической идеологии в Российской империи в конце XIX в.)

Wreck of an imperial train on October, 17th, 1888 in perception of Russian Far East peoples (to a question on action of monarchic ideology in Russian empire in the end of XIX century)

Зачастую мы видим историю российского Дальнего Востока локально, в отрыве от "больших" событий отечественной истории. При этом события в центре страны по-своему отражались в региональной истории и становились ее частью. Одним из таких событий стало крушение царского поезда у ст. Борки недалеко от Харькова 17 октября 1888 г. В результате этой трагедии пострадали 68 человек и погибли 21, но из царской семьи (во главе с Александром III), возвращавшейся из официальной поездки по южнороссийским землям, и в полном составе находившейся в поезде, никто не пострадал. Это событие вызвало во всей стране волну общественного внимания. Представляет интерес реакция дальневосточной общественности на это событие, которая отражена в материалах газеты "Владивосток" за 1888 – 1894 гг.

21 октября приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф послал Александру III следующую телеграмму: "Слава и благодарение Всевышнему за спасение нашего Царя и Его всем нам дорогой семьи" – восклицает весь приамурский край, о чем получаю отовсюду телеграммы. Позвольте, Всемилостивейший Государь, повергнуть к стопам Вашим эти неподдельные чувства Ваших истинно Верноподданных. По всему краю служат благодарственные молебны". 23 октября был получен следующий ответ: "Благодарю жителей дальней окраины за чувства, выраженные Мне по случаю дивного спасения всей Моей семьи от угрожавшей опасности. Не сомневаюсь в неподдельности этих чувств. Александр" **[1, с. 5]**.

Случившиеся события были официально представлены как явление

http://www.ojkum.ru/

божественного покровительства царской власти. Это было сформулировано Манифестом 23 октября 1888 г.: "Неисповедимыми путями Промысла совершилось над Нами чудо милости Божией. Там, где не оставалось надежды на спасение человеческое, Господу Богу угодно было дивным образом сохранить жизнь Мне, Императрице, Наследнику Цесаревичу и всем Нашим Детям" **[2, с. 2]**. Затем было издано правительственное распоряжение "Об установлении ежегодного церковного празднования 17-го октября в память чудесного в этот день спасения жизни Их Императорских Величеств и Августейшего их Семейства", в котором утверждалось, что случившееся свидетельствует "о великой милости божией к Державе Российской" **[3, с.2]**. Этот закон был принят к исполнению, о чем сообщает поздравительная телеграмма, отправленная императору от приамурского генерал-губернатора 17 октября 1889 г.: "Во всем Приамурском крае только что приносились горячие благодарственные Господу Богу молитвы за великую милость, которую Всевышнему угодно было ниспослать России, столь чудесно спася год тому назад ее Царя с Его Августейшею семьею. Русский народ, издавна привыкший делиться со своим Царем и радостями, и горем, осмеливается с далекой окраины всеподданнейше приветствовать Ваше Императорское Величество в сегодняшнюю годовщину столь счастливого события и восклицает сегодня, как и год тому назад: Слава Тебе, Боже!" **[5, с. 6]**. Эта дата отмечалась и в последующие годы. Например, во Владивостоке в 1893 г. "17 октября в день чудесного избавления ИМПЕРАТОРСКОЙ семьи от грозившей опасности, в Успенской и Экипажной церквах и на судах эскадры были отслужены литургии и молебны в присутствии властей" **[6, с. 3]**.

События 17 октября вызвали отклик даже в самых удаленных уголках империи. На Камчатке известие о катастрофе было получено жителями Петропавловска лишь 1 мая 1889 г. с пароходом добровольного флота "Владивосток". На следующий день в петропавловском соборе был отслужен благодарственный молебен с коленопреклонением. Вслед за тем в доме исправника состоялось экстренное собрание жителей города, которые решили "поднести Государю Императору адрес с выражением чувств радости по поводу спасения чудом Божием Его и драгоценной Его Семьи от опасности". Тут же была объявлена подписка на икону для собора во имя Александра Невского в память этого события. По этой подписке было собрано более 600 руб., и заказ на икону отправлен с пароходом во Владивосток **[4, с. 6]**.

События "чудесного спасения" царской семьи официальные круги стремились сохранить в исторической памяти. Например, 17 октября 1894 г., после проведения официальных церемоний, в Хабаровском мужском городском училище состоялось первое заседание комиссии народных чтений, предметом которого было избрано "чудо милости божией 17 ок-тября 1888 года – спасение Государя и Августейшего Семейства во время крушения железнодорожного поезда на ст. Борки". Торжественное открытие чтений происходило в присутствии приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, его супруги В.Ф. Духовской, генерала Н.И. Гродекова, других высших лиц и большого числа собравшейся публики. Комиссия народных чтений возглавлялась председательством окружного инспектора училищ Приамурского края В.П. Маргаритова, и состояла из следующих лиц: П.Т. Быков, В.В. Лапин, В.П. Морошкин, В.В. Перфильев и А.М. Чернов, которые принимали активное участие в проведении чтений. Перед началом мероприятия хором учеников городского училища был исполнен гимн "Боже Царя Храни", по желанию генерал-губернатора повторенный еще два раза. Генерал-губернатор выразил свою благодарность членам комиссии **[8, с.4]**. Чтение представляло собой публичную лекцию с демонстрацией картин. В тот же день началась

продажа брошюр для народного чтения. Важно отметить, что Комиссия народных чтений являлась центральным учреждением для края, под ее руководством проведение чтений и распространение народных брошюр развивалось далее, и эти образовательные мероприятия были начаты с пропаганды монархизма.

Спасение царской семьи было отмечено строительством церквей по всей империи. На месте аварии на ст. Борки был построен собор Христа Спасителя (1891 – 1894) – оригинальное архитектурное сооружение в "русском" стиле, которое впоследствии было многократно повторено в России, став многозначным образом, символом монархии и божественного покровительства ей. Поэтому дальневосточная общественность интересовалась строительством собора, и газета "Владивосток" привела краткий отчет о постройке храма в Борках, сообщала, что весною 1894 г. предполагается его освящение **[7, с. 16]**. Материальным свидетельством значения событий 17 октября 1888 г. для общественности российского Дальнего Востока стало строительство в регионе храмов, напоминающих своим обликом церковь в Борках. Это Николаевский собор в Никольск-Уссурийском (1894 – 1900) и Троицкий собор в Благовещенске (1896 – 1901), ставшие в дореволюционную эпоху самыми крупными православными храмами в регионе. Уточним, что дальневосточные соборы были построены по образцу церкви Богоявления на Гутуевском острове в Петербурге (1892 – 1897), которая в свою очередь была создана на основе проекта церкви в Борках **[9, с. 270]**. Таким образом, дальневосточные соборы символизировали "веру" в православие и самодержавие, единство столицы и региона, царя и народа, утверждение на Дальнем Востоке идеалов русской национальной культуры, представили необходимые визуальные образы официальной идеологии.

Несомненно, можно было бы привести и другие способы выражения участия дальневосточной общественности к событиям 17 октября 1888 г. Но и из приведенных видно, что, несмотря на значительную географическую удаленность от центральной власти, в общественно-политической жизни региона имело важное значение соблюдение монархического этикета, церемоний, Дальний Восток был сферой действия самодержавной идеологии. Монархические церемонии и пропаганда утверждали на региональном уровне главные догматы теории "Официальной народности":

– Самодержавная монархия как единственно верный, богоданный способ политической жизни империи (что подтверждалось свидетельствами божественного покровительства);

– Коренная роль самодержавия в жизни страны, и тем более – для отдаленного, пограничного, слабоосвоенного региона;

– Единство монархии и народа, верноподданническое отношение дальневосточного региона к самодержавной власти;

Приведенные тексты телеграмм и факты могут быть интересны тем, что представляют официальный "голос" региона того времени, его формальное самоопределение, самоосознание как актуальной частицы, субъекта имперского единства – "верноподданной далекой окраины".

Данная работа может служить некоторым дополнением к современным исследованиям отношений дальневосточной общественности и дома Романовых **[10; 11]**, и освещает ряд вопросов общественно-политической жизни региона в конце XIX в., внутренней политики царского правительства на Дальнем Востоке.

Изучение событий 17 октября 1888 г. и их отражения в общественно-политической жизни России может способствовать более полному пониманию такого важного события региональной истории как дальневосточный визит цесаревича Николая в 1891 г. События 1888 г. были выше по

http://www.ojkum.ru/

статусу и по значению, чем путешествие 1891 г., имели больший общественный резонанс в масштабах империи, и официальная "идеология" событий на ст. Борки во многом определила "идеологию" дальневосточного визита наследника в 1891 г. Например, неудача покушения на Николая в Японии, в г. Оцу, была представлена как новое явление "божественного покровительства" династии. В годовщину этого события была заложена упомянутая выше Гутуевская церковь в Петербурге, ставшая образцом для дальневосточных соборов, а само путешествие цесаревича фактически представило "малый" вариант царского путешествия 1888 г. Так выстраивалась образная иерархия, в которой Дальний Восток империи занимал свою позицию. Таким образом, события 17 октября 1888 г. имели значение для региона как действующий фактор его общественно-политической жизни.

◆

Литература

1. Владивосток. 1888. 30 октября. №44.
2. Владивосток. 1889. 8 января. № 2.
3. Владивосток. 1889. 26 февраля. № 9.
4. Владивосток. 1889. 4 июня. № 23.
5. Владивосток. 1889. № 43.
6. Владивосток. 1893. № 43.
7. Владивосток. 1894. 27 марта. № 13.
8. Владивосток. 1894. 6 ноября. № 45.
9. Левошко С.С. Православные храмы и триумфальные арки в русском стиле на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв. // Духовная жизнь Дальнего Востока России: Материалы региональной научно-практической конференции (Хабаровск, 24-26 октября 2000 г.) / ГАХК. Хабаровск: Частная коллекция, 2000. С. 269 – 272.
10. Нелли Мизь: биобиблиогр. сб. / ПГПБ им. А.М. Горького; сост. И.А. Югай, В.В. Шайтарова; ред. Н.С. Иванцова. Владивосток: ДелИн, 2005. 128 с.
11. Российский императорский Дом и Дальний Восток. Документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, 2007. 150 с.

Д.А. Литошенко

Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России

Очерк седьмой.
ИИФК ДВГУ: размышления после юбилея
Часть I. Историческая.

В историографии сложился обширный пласт исследований, появление которых было обусловлено приближением разнообразных, весьма отличающихся по масштабности и известности, юбилейных дат. От обстоятельств своего возникновения данный массив научных работ получил название "юбилейной историографии". В свою очередь в рамках отраслевых сегментов историографии работы подобного рода пользуются весьма недоброй славой. Принимая во внимания эти соображения, наш взор испытующий будет обращен на Институт истории, философии и культуры Дальневосточного государственного университета только после того, как улягутся эмоции и праздничное воодушевление юбилейной поры.

Несколько слов следует посвятить информационной базе предпринимаемого нами исследования. Дело в том, что, и это справедливо для всякого и каждого субъекта terra incognita – регионального исследовательского пространства в области гуманитаристики и обществоведения, объективно существует дефицит достоверной и актуальной информации о научной деятельности историческо-философской Alma mater юга Дальнего Востока. Этим обусловлена относительная скудость информационной базы и нашего исследования. С позиций классического исторического источниковедения ситуация оказывается близкой к абсолютной непознаваемости… Именно здесь на выручку любопытствующему очеркисту приходит культурологическое источниковедение, решительно сбросившее оковы фатальной привязанности к тексту. Выйдя за пределы текстового пространства письменных источников, исследователь открывает для себя возможность значительно расширить информационный горизонт своих изысканий, обращаясь к устной традиции; современной

http://www.ojkum.ru/

профессиональной мифологии и фольклору; неформальным моделям и образцам поведения, принятым в соответствующей профессиональной среде (профессиональным ритуалам) и др. В крайнем случае, есть возможность обратить к собственному опыту, препарировав его инструментарием информационно-целевого метода, "отрефлексировав" свое сознание.

Характеристика информационной базы исследования справедлива, главным образом, по отношению к "историческому цеху" ИИФК ДВГУ. Его философско-культорологически-теологически-религиоведческое сообщество представляется в гораздо большей степени открытым миру **[3; 5; 6]**. Так же, крайней ограниченностью отличается историография интересующих нас проблем. Наиболее фундаментальные работы в этой области посвящены более ранним этапам истории **[1]**, нежели те, что находятся в центре нашего внимания. Другие работы затрагивают их лишь вскользь **[4, с. 46-48; 7, с. 6-21]**.

Итак, немного об этапах большого пути юбиляра… "Университетское историческое образование на Дальнем Востоке начинается с 1918 г. в рамках частного историко-филологического факультета, в 1920 г. вошедшего в состав Дальневосточного государственного университета. В 1943 г. был открыт исторический факультет на базе Владивостокского педагогического института. В 1956 г. с восстановлением на базе института Дальневосточного государственного университета он был преобразован в историко-филологический факультет. С 1958 по 1975 гг. историки готовились в структуре историко-правового факультета. В 1975 г. был создан исторический факультет. В 1994 г. на его базе создан факультет истории и философии" **[2]**. Без преувеличения, Институт истории, философии и культуры является колыбелью не только исторического образования и науки, но шире, – гуманитаристики и обществоведения на юге Дальнего Востока России. И это неслучайно, ибо за все годы его существования было выпущено более 4000 специалистов – историков и философов **[2]**. Являясь структурным подразделением старейшего в регионе классического университета Институт истории, философии и культуры занимает доминирующее положение в сложившейся на российском Дальнем Востоке системе высшего профессионального образования и академических научных исследований. Заметное влияние оказывает он и в других секторах общего и профессионального образования. Неоценим вклад профессорско-преподавательского состава и выпускников Института разных лет в развитие архивного и музейного дела в регионе.

Большую роль в становлении и развитии университетского исторического образования сыграли такие известные ученые, как старший преподаватель кафедры всеобщей истории Л.И. Меттэ, доцент той же кафедры, кандидат исторических наук С.Г. Григорьев, доктора исторических наук, профессора А.Г. Черных, А.И. Крушанов, Г.С. Куцый, Г.А. Унпелев и многие другие. Нынешнее поколение преподавателей Института являются достойными продолжателями заложенных предшественниками научных и педагогических традиций.

В настоящее время ИИФК ДВГУ включает в себя два факультета: 1) исторический и 2) философии, теологии и религиоведения. Кроме того, в структуру Института входят семь кафедр: 1) отечественной истории; 2) всеобщей истории; 3) археологии, этнографии и истории мировой культуры; 4) политической истории; 5) философии; 6) культурологии; 7) теологии и религиоведения. Первые четыре из указанных кафедр входят в состав исторического факультета, а последние три, соответственно – в состав факультета философии, теологии и религиоведения.

Факультетами Института руководят деканы: кандидат исторических наук, доцент З.А. Ковалёва – историческим, и кандидат философ-

ских наук, доцент Г.П. Куликов – философии, теологии и религиоведения, соответственно. Однако, следует признать, что, в рамках принятой в современных российских учреждениях высшего профессионального образования системы отношений, факультетская организация, и, закономерно, её руководители, лишены субъектности в "поле науки". Ныне деканы мыслятся исключительно организаторами учебного процесса и руководителями студенческого контингента. В сложившейся ситуации прибежищем факультетского начальства выступает организация студенческой науки.

Исходя из науковедческих приоритетов "Ойкумены", наше внимание будет главным образом сосредоточено на научной составляющей бытования ИИФК ДВГУ, а остальные аспекты его жизнедеятельности будут рассмотрены лишь в той степени, в какой они взаимодействуют с интересующим нас сюжетом. Следуя в намеченном направлении, начать, представляется целесообразным с кафедр факультета, стоявшего у истоков Института. Кроме того, соображения несоразмерности доступных массивов информации и ограниченности объема очерка подталкивают нас к тому, чтобы разделить настоящий очерк на две части: историческую и философско-культурологически-теологически-религиоведческую. Первая часть настоящего очерка получила своё название вовсе не случайно, ибо посвящена, главным образом, историческому сообществу ИИФК ДВГУ.

Полноправными субъектами научной деятельности ИИФК ДВГУ выступают все кафедры исторического факультета (вне зависимости от профиля, статуса и роли, характеризующих их участие в образовательном процессе вуза), каждая из которых отличается оригинальным исследовательским профилем, в совокупности, без преувеличения покрывающих большинство сегментов проблемного поля современной исторической науки.

Наиболее сложным современный период развития университетской исторической науки оказался для кафедры политической истории, перед которой, в начале рассматриваемого периода стояли задачи поиска новой исследовательской идентичности. Не без гордости необходимо отметить, что коллективу кафедры, возглавляемому кандидатом исторических наук, доцентом С.В. Плохих, удалось эффективно решить эти задачи. Основными научными направлениями, в настоящее время, выступают исследования в области истории общественно-политической жизни, социально-экономического освоения и хозяйственного развития территории российского Дальнего Востока в XIX–XX вв. Научный потенциал кафедры политической истории определяется её высоко квалифицированным профессорско-преподавательским составом, включающем когорту докторов и кандидатов наук.

К основным научным направлениям кафедры археологии, этнографии и истории мировой культуры, возглавляемой кандидатом исторических наук, доцентом А.А. Крупянко, относятся исследования древнейшего прошлого Северо-Восточной Азии; технологии древнейших производств эпох палеолита, неолита и палеометалла; производства каменных орудий, палеоадаптационных процессов, палеоэкологических зон; культур археологических эпох неолита и палеометалла на юге Дальнего Востока России; искусствоведения: царского портрета в русском искусстве XVII века (проблем классификации и репрезентации); традиционной культуры и образа жизни адиваси Южной Азии на примере индийских нага **[2]**.

Научный потенциал кафедры археологии, этнографии и истории мировой культуры ДВГУ сформировался благодаря многолетней работе на кафедре корифея археологической науки на российском Дальнем

Востоке, уникального историка первобытности – доктора исторических наук, профессора Д.Л. Бродянского и эксперта по этнографии стран Южной Азии и теоретическим разделам этнологии – кандидата исторических наук, доцента И.К. Авиловой. Помимо теоретических исследований известна кафедра археологии, этнографии и истории мировой культуры и своими полевыми археологическими и этнографическими исследованиями.

Важную роль в организации исследовательской деятельности в профильных для кафедры областях исторического знания играет лаборатория археологии и антропологии. Руководит лабораторией, опытный исследователь-полевик – к.и.н., доцент А.А. Крупянко. Лаборатория археологии и антропологии была создана в 1996 г. Научный профиль: археологические и этнографические исследования на территории Приморского края, экспертная и просветительская деятельность. Лаборатория осуществляет совместную научно-исследовательскую и экспертную деятельность с Институтом истории и археологии Сибирского отделения РАН, Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока России ДВО РАН, Научно-производственным центром по охране и использованию памятников истории и культуры Администрации Приморского края. Значимым направлением деятельности лаборатории является реализация совместных с зарубежными партерами проектов. Устойчивые партнерские связи сложились у лаборатории с американскими коллегами из университета штата Вайоминг (США).

Кафедра отечественной истории является старейшим подразделением Института и безусловным ядром его научно-исследовательской инфраструктуры. В настоящее время кафедру возглавляет доктор исторических наук, профессор Е.А. Поправко – ученица и преемница доктора исторических наук, профессора Э.В. Ермаковой, длительное время заведовавшей кафедрой отечественной истории (ранее – истории СССР) ДВГУ. Именно под руководством профессора Э.В. Ермаковой кафедра преодолела лихолетье реформ и социальных потрясений, переживаемых российским обществом, что позволяет коллективу кафедру с уверенностью смотреть в будущее.

Исследовательский интерес преподавателей кафедры отечественной истории лежит в областях: истории России; истории Дальнего Востока России (региональной истории); источниковедения и историографии истории Дальнего Востока России; истории стран Азиатско-Тихоокеанского региона; прошлого русской эмиграции в странах АТР; русской ментальности; истории музейного дела на Дальнем Востоке России **[2]**. Кроме того, кафедра отечественной истории успешно реализует программу послевузовского профессионального образования, ориентированную на подготовку научных и научно-педагогических кадров по специальности 07.00.02 – отечественная история (исторические науки).

Помимо уже упоминавшихся докторов наук, профессорско-преподавательский коллектив кафедры включает: кандидатов исторических наук Г.И. Каневскую, Е.А. Лыкову, Р.М. Самигулина, Н.А. Троицкую, и старшего преподавателя А.П. Ботнаря. Исследовательские работы преподавателей кафедры образуют внушительный пласт дальневосточной историографии.

Не менее глубоко в прошлое уходят корни кафедры всеобщей истории ИИФК ДВГУ. Наличие подобной кафедры долгое время являлось атрибутивным признаком исторических факультетов отечественных вузов. Последнее, без малого, двадцатилетие кафедры всеобщей истории связано с именем её заведующего – кандидата исторических наук, профессора К.Ф. Лыкова. В то же время не вызывает сомнений тот факт, что фундамент высокого научно-исследовательского потенциала кафедры

всеобщей истории Института был заложен доктором исторических наук, профессором А.Г. Черных и (на тот момент) кандидатом исторических наук, доцентом В.В. Совастеевым, заведовавших кафедрой в разное время.

Ныне на кафедре работают доктора исторических наук В.В. Совастеев и Н.Н. Крадин, кандидаты исторических наук Г.С. Сараджан, Г.А. Казачун, О.М. Шевчук, и старший преподаватель А.А. Щербина. Преподаватели кафедры исследуют историю международных отношений в АТР; социальные и политические процессы в Западной и Центральной Европе в 70–90-е гг. XX в.; историю российско-американских отношений; историю революции Мэйдзи; историю общественно-политической мысли, политической культуры и политической системы Японии второй половины XIX – XX вв.; социальные и политические процессы в Латинской Америке в новейшее время.

Всегда была богата кафедра всеобщей истории аспирантами. Это вполне закономерно в виду успешно реализуемой на кафедре программы послевузовского профессионального образования, в рамках которой осуществляется подготовка научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации по специальности 07.00.03 – всеобщая история (по периодам) (исторические науки). Благодаря состоявшимся на рубеже XX-XXI вв. успешным защитам диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических науки, выполненных под научным руководством д.и.н., профессора В.В. Совастеева, сложились предпосылки для формирования устойчивых (подчас неформального характера) научных коллективов (научных школ) по таким направлениям как: медиевистика (А.А. Сапелкин, Д.А. Литошенко) **[7, с. 18-19]** и японоведение (Ю.В. Горбунова, О.М. Шевчук).

Другим актуальным направлением научной деятельности кафедры всеобщей истории Института выступают исследования в области американистики (Канады и США). Конституализация этого направления произошла благодаря организационным усилиям к.и.н., доцента Г.А. Казачун. Возглавляемая и вдохновляемая ею группа молодых преподавателей, аспирантов и студентов кафедры осуществила широкомасштабную инициативу, результатом которой явилось создание Дальневосточного центра изучения Канады и США **[8]**. Проекты и акции центра позволили кафедре всеобщей истории ИИФК ДВГУ занять место полноправного субъекта поля междисциплинарных исследований по американистике в регионе **[7, с. 16.]**.

Накопленный кафедрами исторического факультета ИИФК ДВГУ научный потенциал позволяет эффективно интегрировать фундаментальные и прикладные исследования и высшее профессиональное образование исторического профиля. Подобного рода интеграция создаёт предпосылки для реализации программ высшего профессионального образования по направлению подготовки бакалавров и магистров 520800 – История, и специалистов по специальности ВПО 020700 – История со специализацией: 020701 – Отечественная история и 020702 – Новая и новейшая история.

Окончание следует

◆

Литература

1. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899-1999. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. 704 с.

2. ДВГУ / Структура / Институты / Истории, философии и культуры [Электронный ресурс]. URL: http://www.dvgu.ru/struct/institute/ihph/ (дата обращения: 13 февраля 2009 г.).

3. ДВГУ / Структура / Институты / Истории, философии и культуры / Кафедра культурологии [Электронный ресурс]. URL: http://www.dvgu.ru/struct/institute/ihph/k_culturology/ (дата обращения: 13 февраля 2009 г.).

4. Зуев В.Н. Научная конференция, посвященная окончанию русско-японской войны 1904-1905 гг. // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 46-48.

5. Кафедра теологии и религиоведения ДВГУ. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://teologia.ru/about/ (дата обращения: 13 февраля 2009 г.).

6. Кафедра философии Дальневосточного государственного университета [Электронный ресурс]. URL: http://sophos.wl.dvgu.ru/index.htm (дата обращения: 13 февраля 2009 г.).

7. Лихарев Д.В. Исследования на Дальнем Востоке в конце XX – начале XXI в. / Д.В. Лихарев // Россия и АТР. 2006. № 6. С. 6-21.

8. Far Eastern Centre of Canadian and American studies [Электронный ресурс]. URL: http://canamstudies.wl.dvgu.ru/center.htm (дата обращения: 13 февраля 2009 г.).

Г.В. Кондратенко

"30 лет реформ в КНР. Опыт, проблемы, уроки"

"30 лет реформ в КНР. Опыт, проблемы, уроки" – общая тема двух мероприятий, которые состоялись в юбилейный для китайских реформ год в Москве и во Владивостоке.

22 – 24 октября 2008 г. в Москве, в Институте Дальнего Востока РАН состоялась XVII Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". В работе конференции приняли участие около 150 российских и зарубежных специалистов. На пленарном заседании с приветствиями к участникам конференции выступили академик С.Л. Тихвинский, первый заместитель китайского народного общества дружбы с зарубежными странами Ли Цзяньнин, бывший посол в КНР И.А. Рогачёв, директор Института Экономики РАН Р.С. Гринберг.

Также были заслушаны научные доклады и сообщения. Доклады директора ИДВ М.Л. Титаренко и зам. директора А.В. Островского касались экономического развития Китая, подчёркивая эволюционный и в целом успешный характер экономического реформирования КНР. Одной из главных идей, которая объединяет эти два доклада, стала мысль об использовании китайского опыта в России и развитии двусторонних партнёрских отношений. В целом говоря о достижениях периода реформ, М.Л. Титаренко не обошел и зигзаги и неудачи, свойственные сложному процессу изменения форм собственности, который, идет слишком быстро, что не может не создавать социальную напряжённость. Нынешний Китай, констатировал докладчик, это "не страна 50-х гг., КНР взвешенно, строго и расчётливо с вниманием к международному опыту шаг за шагом движется вперёд. Россия – не СССР, она сдвинута на Север и Восток в объятия КНР, поэтому обеим странам необходимо искать баланс интересов".

Доклад А.В. Островского был более ориентирован на внутреннюю ситуацию в Китае, но, развивая идею успешности теоретической модели перехода к рынку в Китае, автор подчеркнул, что этот опыт в определённой степени может быть применён и в российских условиях с учетом российской специфики. Также автор выделил и охарактеризовал основные направления китайской экономической реформы: 1) реформа собственности; 2) формирование рыночной инфраструктуры; 3) реформа системы макрорегулирования экономики; 4) реформа системы распределительных отношений; 5) реформа внешнеэкономических связей, тем самым определив новые рамки изучения экономических процессов в КНР.

Доклады двух иностранных участников – проф. Р. Грэтрэ (Вице-Президент ЕАК, Университет Лунда, Швеция) и Ли Чжаому (Первый заместитель директора НИИ макроэкономики при государственном Комитете по развитию и реформе КНР) касались внешнеэкономического аспекта китайских реформ. Р. Грэтрэ выступил с сообщением "Китай-

http://www.ojkum.ru/

ские предприятия и инновации: достижения и грядущие вызовы", в котором на основе статистических данных сравнил на два аспекта феномена реформируемого Китая, превратившегося в мирового производителя товаров. С одной стороны, стремление КНР к инновациям, конкурентоспособности, высоким технологиям на рынке, готовом к покупке дорогих продуктов. С другой, – Китай нацелен на то, чтобы легально производить технически несложный продукт и импортировать его без нарушения правил Евросоюза на рынке, готовом покупать дешёвые продукты.

Ли Чжаому сделал доклад на тему "Успехи и опыт китайских реформ и открытости". Отметив большие изменения в экономическом развитии Китая, происшедшие в КНР с 1978 г. под руководством КПК, он остановился на решении социальных вопросов в период реформ, подчеркнув, что социальная проблематика выходит на первый в планах в дискуссиях о продолжении реформ среди экономистов, политологов, социологов и общественных деятелей.

Актуальность социальной проблематики в современной КНР подтвердило выступление Президента Академии общественных наук пров. Юньнань (КНР) На Ци "Три модели общественного развития при построении социализма в Китае". Автор доклада, рассматривая процесс построения социалистической модернизации в Китае через призму общественного развития, охарактеризовал три исторических этапа: формирование модели, нацеленной на идейно-политическое строительство, модели экономического строительства как главной цели, и, наконец, главной модели ориентированной на гармонию между экономическим и общественным развитием.

В продолжение темы политической составляющей в успехе экономических реформ прозвучал доклад д. полит. н. А.В. Виноградова "Преемственность и лидерство в процессе реформ", посвящённый политическим аспектам сравнительного анализа реформ в Китае и России. По мнению автора, многолетняя практика обеих стран подтвердила, что политические реформы должны идти вслед за экономическими и завершать процесс преобразований, придавая созданной общественной системе стабильные формы. Нахождение стабильных форм воспроизводства власти в России в принципиальных, существенных чертах совпадает с опытом нахождения механизма преемственности власти в КНР.

Научная программа XVII конференции кроме пленарных заседаний предусматривала работу следующих секций: "Экономические аспекты реформ в Китае" (руководитель А.В. Островский); "Международные отношения КНР в контексте политики реформ и открытости" (руководитель В.Я. Портяков) "Политическая история Китая в период реформ"(руководили к.и.н. Д.А. Смирнов и д.и.н. Н.Л. Мамаева); "Общество и культура периода реформ" (Руководители: А.Е. Лукьянов, Л.С. Переломов, С.А. Торопцев).

Одной из самых интересных и дискуссионной была секция "Экономические аспекты реформ в Китае", работа которой продолжалась 2 дня, в течение которых было заслушано около 20 докладов. Все сообщения и выступления касались как положения отдельных отраслей экономики страны, так и ситуации в экономике в целом и даже внешнеэкономических концепций КНР. Помимо экономического аспекта участниками секции были обсуждены и социальные проблемы, возникающие вследствие быстрых перемен в Китае. Так, в докладе к.э.н. Е.С. Баженовой, который был посвящён проблемам внутренних миграций и занятости населения, была определена и охарактеризована новая схема перемещения избыточного населения в успешно развивающиеся регионы Китая, страдающие от нехватки рабочих рук: в настоящее время происходит отток населения из ряда Северо-Восточных (Цзилинь и Хэйлунцзян) и

Центральных провинций (Сычуань) в Приморские и Восточные регионы (Ляонин, Гуандун), нехватка квалифицированных работников ощущается и на Западе КНР. В связи с массовыми миграциями трудоспособного населения автор отметила и ряд новых тенденций в социальной политике КНР.

Два доклада, д.э.н. Л.А. Волковой и д.э.н. Л.Д. Бони, были посвящены развитию аграрного сектора. Л.А. Волкова подробно рассказала об основных этапах развития подрядных отношений в китайской деревне и освятила ряд новых актуальных вопросов – "построение новой деревни" и т. н. "саньнун" (три крестьянских вопроса). Л.Д. Бони в своём сообщении, посвящённом продовольственной безопасности КНР, доказала, что в настоящее время Китай при небольшом размере пахотных земель может не только обеспечивать своё население продовольствием, но и экспортировать часть в приграничные страны, в том числе и в Россию.

Большой интерес вызвал доклад А.В. Пиковера о развитии электронной торговле в Китае. Автор, подчёркивая неограниченные возможности Интернета, раскрыл ситуацию в этой сфере и доказал, что в Китае успешно развивается одна из самых современных отраслей сферы услуг (в 2007 г. объём электронной торговли в 19 городах КНР достиг 16,2 млрд. ю.).

Большую дискуссию вызвали доклад д. э. н. Л.В. Новосёловой об инвестиционной стратегии КНР в сравнении с российской и сообщение В.В. Карлусова о "догоняющем характере китайской экономики". Из докладов участников, представляющих региональные отделения РАН можно отметить два доклада – доклад к. э. н. И.С. Троекурова (Чита) и выступление к. э. н. Н.П. Рыжовой (Благовещенск), первый был посвящён роли Китая на международном рынке металлов, где Китай в ближайшем будущем может занять ключевую позицию, а второй касался межрегиональному экономическому сотрудничеству Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР, и в частности китайским открытым городам, в том числе и Хайхэ.

В рамках конференции был проведен "круглый стол" на тему: "Путь Китая в будущее" под председательством заместителя директора ИДВ РАН д.э.н. А.В. Островского. Начало дискуссиям положило выступление главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока" д.э.н. В.Я. Портякова. Он, находясь в КНР в конце 1970-х гг. и будучи свидетелем происходивших там перемен, отметил некоторые интересные особенности раннего этапа реформ, который он охарактеризовал как время десоветизации. Хотя, по мнению В.Я. Портякова, 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). был впоследствии в значительной степени мифологизирован, однако его значение состояло в том, что экономическое строительство стало главным направлением деятельности партийного и государственного руководства. В то же время все эти важные перемены в КНР остались вне поля зрения бывшего руководства СССР. Более того, сформировалось негативное отношение к начавшимся в Китае процессам, что отрицательно повлияло на судьбы реформ в СССР.

Оживленное обсуждение вызвало выступление директора Института Латинской Америки РАН д.э.н. В.М. Давыдова, который подчеркнул, что любое региональное исследование невозможно без изучения роли Китая. В условиях завершения эры вестернизации и перехода к истернизации, разразившийся финансовый кризис, в эпицентре которого США, – это проверка на прочность, момент истины, и одновременно подтверждение того, что однополярный мир умер. Поэтому важно, какую роль в будущем будут играть страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) и, особенно, Россия и КНР. Точку зрения В.М. Давыдова поддержал Ван Шицай (Директор Института России Цзилиньского универси-

http://www.ojkum.ru/

тета), который уделил особое внимание взаимодействию стран БРИК в условиях мирового кризиса, в частности важности энергодиалога между Россией и Китаем, А.В. Ломанов (ИДВ РАН),), д.э.н. Я.М. Бергер, С.Г. Лузянин, д.э.н. В.П. Курбатов (ИВ РАН), д.э.н. Л.И. Кондрашова, К.И. Шилин (МГУ). Подводя итоги круглого стола, А.В. Островский поддержал высказанное его участниками мнение о том, что китайская экономика более устойчива к нынешнему кризису, и что будущее развитие мира зависит от будущего развития Китая.

Не менее интересный "круглый стол", посвящённый 30-летию реформ в КНР, прошёл во Владивостоке в Институте Истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в середине декабря 2008 г. В работе круглого стола приняли участие все сотрудники центра китаеведения, а в качестве эксперта был приглашён представитель от китайского консульства во Владивостоке господин Цзюнь.

Доклад Г.Н. Романовой, открывший работу конференций и задавший тон обсуждениям, "Опыт экономических реформ в Китае и России: сравнительный анализ" был посвящён сравнению экономических реформ в Китае и России. По мнению автора, Китаю в процессе реформирования экономической системы удалось в отличие от России достичь высоких темпов роста и сформировать социально ориентированную модель рыночной экономики. Продолжением экономической тематики стал доклад Н.П. Гридиной, посвящённый развитию Северо-Восточного Китая и восстановлению промышленных баз трёх провинций. Также в докладе был затронут и социальный аспект экономических реформ, данный аспект получил развитие в двух следующих докладах – Л.В. Забровской и Г.В. Кондратенко. Оба выступления имели дискуссионный характер, так по мнению многих экспертов, социальный вопрос в Китае выходит на первый план в свете концепций "сяокан" и построения "гармоничного общества".

Доклады Н.П. Рябченко и Г.С. Каретиной затрагивали философско-идеологический аспект реформ. По мнению Н.П. Рябченко, допустив рыночные отношения (своего рода НЭП), Китай увеличил производство продовольствия, товаров первой необходимости и таким образом снизил социальную напряжённость в обществе. Отдалённым и совершенно непредвиденным последствием реформ для КНР стала возможность избежать коллапса, подобного советскому. В докладе Г.С. Каретиной была представлена конфуцианская этика как основа экономических реформ в КНР.

Доклад, представленный руководителем Центра Г.П. Белоглазовым, был посвящён ситуации в аграрном секторе Китая, и касался не только актуальных экономических и социальных проблем современной китайской деревни, но и проблем продовольственной безопасности и внешнеэкономической стратегии Китая, вступившего в ВТО и столкнувшегося с некоторыми проблемами в сельском хозяйстве. Данное выступление вызвало достаточно активную дискуссию и было дополнено выступлением консула.

В докладе И.В. Ставрова "Национальная политика в Китае: проблемы и достижения" изучена эволюция подходов китайского руководства в области национального вопроса и многообразие подходов к решению проблем сепаратизма и этнического экстремизма. Автор уделил большое внимание ситуации в Северо-Восточном регионе Китая и проанализировал достижения политики "открытости" в свете её распространения на национальные реформы.

В сообщении Г.А. Сухачёвой было рассмотрено развитие и современное положение среднего и высшего образования в КНР. В частности был освещён опыт участия китайских студентов в международном обра-

зовательном процессе и решение проблемы возвращения специалистов, получивших образование за рубежом, на родину. По мнению докладчика данный опыт может быть использован и в России, для которой этот вопрос стоит достаточно остро.

Практика проведения конференций в год 30-летия китайских реформ показывает растущий интерес к Китаю и является продолжением мероприятий, связанных с проведением национальных годов в Китае и России. Оба освещённых мероприятия создают определённый задел и задают тон для китаеведческих конференций 2009 г, основной темой которой будет 60 лет создания КНР.

◆

http://www.ojkum.ru/

Сокращения

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации

ДАИ – Дополнения актам историческим

РКО – Русско-китайские отношения в XVII веке

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Наши авторы

Анисимов Владимир Леонидович, адъюнкт кафедры социально-экономических и гуманитарных наук Хабаровского пограничного института ФСБ РФ. *(г. Хабаровск)*

Артемьева Надежда Григорьевна, к.и.н., ст. научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. *(г. Владивосток)*

Ахапкина Оксана Александровна, аспирантка Морского государственного университета им. адм. Г. И. Невельского. *(г. Владивосток)*

Багрин Егор Андреевич, мл. научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева. *(г. Владивосток)*

Биниконский Леонид Борисович, к.и.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного государственного университета. *(г. Владивосток)*

Емешкина Мария Сергеевна, ассистент кафедры китайской филологии Морского государственного университета им. адм. Г. И. Невельского. *(г. Владивосток)*

Журбей Евгений Викторович, к.и.н., доцент Дальневосточного государственного технического университета (филиал в г. Находке). *(г. Находка)*

Киреев Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры теории и истории политики Дальневосточного государственного университета. *(г. Владивосток)*

Кондратенко Галина Викторовна, аспирантка Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. *(г. Владивосток)*

Латушко Юрий Викторович, к.и.н., научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. *(г. Владивосток)*

Литошенко Денис Александрович, к.и.н., доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. *(г. Владивосток)*

Постников Валерий Валентинович, зав. методическим кабинетом кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Тихоокеанского военно-морского института им. С.О. Макарова. *(г. Владивосток)*

Симоненко Екатерина Сергеевна, к.и.н., ассистент кафедры всеобщей истории Уссурийского государственного педагогического института. *(г. Уссурийск)*

Соловьёва Елена Вадимовна, ассистент кафедры китайской филологии Морского государственного университета им. адм. Г. И. Невельского. *(г. Владивосток)*

Тихий Константин Теодорович, д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Уссурийского государственного педагогического института. *(г. Уссурийск)*

Ши Чуньян, научный сотрудник института мировой экономики Академии общественных наук провинции Ляонин. *(г. Шэньян, КНР)*

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- Мировая система и межрегиональные отношения
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Эмпирика
- Аналитика
- Прагматика
- Науковедение
- Регион в документах и свидетельствах
- Научная жизнь
- Рецензии и обзоры
- Программы учебных курсов
- Методические разработки

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф.И.О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф.1. Оп.2. Д.3. Л.4-5).
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на иностранных. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т.д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler.ru.**
12. Текст статьи, сведения об авторе (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя автора.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований,

не рассматриваются.

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал.

2009 № 1(8)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01.08.2001 г.
Подписано к печати 10.03.2009 г. формат 70x108/16
Усл.п.л. 14. Уч.-изд.л. 13,69. Тираж 200 экз. Заказ 29
Цена свободная
Отпечатано в типографии ГУП "Издательство"
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

http://www.ojkum.ru/

http://www.ojkum.ru/